

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.А. Добролюбова»
(НГЛУ)

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного
лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 3 (59)

Нижний Новгород

2022

Печатается по решению редакционно-издательского совета НГЛУ

Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова. Вып. 3 (59). — Н. Новгород: НГЛУ, 2022. — 156 с.

ISSN 2072-3490

Главный редактор

Ж. В. Никонова

Редакционная коллегия:

А. В. Иванов (*зам. главного редактора*), Р. М. Шамилов (*отв. секретарь*), М. А. Ариян,
О. В. Байкова (Киров), К. Э. Безукладников (Пермь), М. К. Бронич, М. А. Викулина,
Н. К. Гарбовский (Москва), Н. А. Голубева, М. А. Грачев, Б. А. Жигалев, В. И. Карасик
(Москва), С. Б. Королева, Л. П. Крысин (Москва), И. В. Леушина, Н. В. Макшанцева,
М. И. Никола (Москва), О. А. Обдалова (Томск), О. Г. Оберемко, Е. Р. Поршнева,
Л. В. Рацибурская, Т. Н. Синеокова, В. В. Сдобников, Д. Боксэ (США),
Д. Марке (Бельгия), Д. Мийе-Жерар (Франция), У. Реннер-Хенке (Германия),
К. Флидль (Австрия), С. Фрилз (США)

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-32158 от 07.06.2008 г.

Журнал включен ВАК РФ в Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

ISSN 2072-3490

© НГЛУ, 2022

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

NIZHNY NOVGOROD LINGUISTICS UNIVERSITY

LUNN BULLETIN

Issue 3 (59)

Nizhny Novgorod

2022

LUNN Bulletin. Issue 3 (59). — Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Linguistics University, 2022. — 156 p.

ISSN 2072-3490

Editor-in-Chief

Zh. Nikonova

Editorial Board:

A. Ivanov (*Deputy Editor-in-Chief*), R. Shamilov (*Executive Secretary*), M. Ariyan, O. Baykova (Kirov), K. Bezukladnikov (Perm), M. Bronich, M. Vikulina, N. Garbovsky (Moscow), N. Golubeva, M. Grachev, B. Zhigalev, V. Karasik (Moscow), S. Koroleva, L. Krysin (Moscow), I. Leushina, N. Makshantseva, M. Nikola (Moscow), O. Obdalova (Tomsk), O. Oberemko, E. Porshneva, L. Ratsiburskaya, T. Sineokova, V. Sdobnikov, D. Boxer (USA), D. Markey (Belgium), D. Millet-Gérard (France), U. Renner-Henke (Germany), K. Fliedl (Austria), S. Freels (USA)

ISSN 2072-3490

© НГЛУ, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА.....	9
Антономасия в контексте лингвопрагматики и лингвоконфликтологии <i>Котаева А. Р., Кулумбегова Л. В.</i>	9
Синтактика феминитивов и экологическое мышление <i>Куликова Э. Г., Акай О. М., Тедеева З. К.</i>	21
Лингвистические средства создания образности в языке французских СМИ (на материале СМИ, освещающих президентскую гонку 2022 года во Франции) <i>Логинова П. Г.</i>	33
Дискурсивная реализация корпоративной идеологии в культурных кодах телевизионного ролика <i>Миндияхметова Р. М.</i>	49
О триединстве предмета общей теории перевода <i>Фролов В. И.</i>	64
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР	77
Библейские аллюзии через призму шекспировского наследия <i>Бакина А. Д.</i>	77
Творчество Л. Линдера: традиции, влияния, художественный мир <i>Бекин И. А.</i>	89
МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ	99
Художественный концепт как инструмент интерпретации текста в образовательной парадигме филологов и лингвистов <i>Голубева К. Г., Сухарева Т. В.</i>	99
Условия определения языкового репертуара в составе полилингвальной компетенции учителя иностранных языков <i>Кораблева Е. Д., Глумова Е. П.</i>	115
Моделирование среды виртуального взаимодействия учителя — ученика — родителя <i>Сороковых Г. В., Старицына С. Г., Абдулмянова И. Р.</i>	128
РЕЦЕНЗИИ.....	142
Какие факторы формируют текст? <i>Бакина А. Д., Федуленикова Т. Н., Волкова С. А.</i>	142

Проблемы прецедентности и языковое сознание индивида	
<i>Федуленкова Т. Н.</i>	148
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	154

CONTENTS

LANGUAGE AND CULTURE	9
Antonomasia in the Context of Linguopragmatics and Linguoconflictology <i>Alena R. Kotaeva, Lyudmila V. Kulumbegova</i>	<i>9</i>
Syntactics of Feminities and Ecological Thinking <i>Ella G. Kulikova, Oksana M. Akay, Zaira K. Tedeeva</i>	<i>21</i>
Figurality as a Dominant Feature in French Mass Media Covering the 2022 French Presidential Race <i>Polina G. Loginova</i>	<i>33</i>
Discursive Manifestation of Corporate Ideology through Cultural Codes of Television Commercials <i>Rimma M. Mindiakhmetova</i>	<i>49</i>
On the Threefold Subject of General Translation Theory <i>Valentin I. Frolov</i>	<i>64</i>
CROSS-CULTURAL ASPECTS OF LITERARY DISCOURSE	77
Biblical Allusions and Their Functions in the Works of William Shakespeare <i>Anna D. Bakina</i>	<i>77</i>
The Works of Lukas Linder: Traditions, Influences, and Vision of the World <i>Ilya A. Bekin</i>	<i>89</i>
CROSS-CULTURAL COMMUNICATION AND FOREIGN LANGUAGE TEACHING. TOPICAL ISSUES IN EDUCATION.....	99
Literary Concept as an Interpretational Tool in the Educational Paradigm of Philologists and Linguists <i>Kristina G. Golubeva, Tatyana V. Sukhareva</i>	<i>99</i>
Conditions for Determining Language Repertoire as Part of the Polylingual Competence of a Foreign Language Teacher <i>Elizaveta D. Korableva, Elena P. Glumova</i>	<i>115</i>
Modeling the Environment for the Virtual Teacher — Student — Parent Interaction <i>Galina V. Sorokovikh, Svetlana G. Staritsyna, Indira R. Abdulmyanova</i>	<i>128</i>
REVIEWS	142
What Factors is a Text Formed by? <i>Anna D. Bakina, Tatyana N. Fedulenkova, Sofia A. Volkova</i>	<i>142</i>

Issues of Precedence and an Individual's Linguistic Consciousness	
<i>Tatyana N. Fedulenkova</i>	148
CONTRIBUTORS' INFORMATION	154

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

УДК 811.161.1

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-59-3-9-20

АНТОНОМАСИЯ В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВОПРАГМАТИКИ И ЛИНГВОКОНФЛИКТОЛОГИИ¹

А. Р. Котаева, Л. В. Кулумбегова

Юго-Осетинский государственный университет им. А. А. Тибилова,
Беслан, Южная Осетия

Для каждой лингвокультуры и для каждого исторического периода характерны свои регулярные антономасии. Источником современных антономасий нередко становятся феномены массовой культуры, рекламы и интернет-коммуникации. Это обстоятельство предопределило внимание к антономасиям со стороны прежде всего лингвокультурологии, которая правомерно увидела в них источник сведений о культуре и истории носителей языка. Среди множества структурно-семантических типов антономасий выделяется одна разновидность, которую, на наш взгляд, логичнее всего отнести к аллеотетам, поскольку в ее основе лежат преобразования на уровне грамматической категории. Это антономасии, образуемые с опорой на плюрализацию онима. Антономасии прекрасно репрезентируют языковую личность автора как транслятора определённых смыслов, связанных с миром политики, культуры и в целом жизни социума. С помощью антономасии, опирающейся на плюрализацию онимов, реализуется стратегия конфликтной коммуникации в медиа, что, естественно, оказывает воздействие на процесс формирования общественного мнения. Цель статьи — соотнести содержание медийных антономасий с категориями лингвопрагматики, экологической лингвистики и лингвоконфликтологии. На примере самого характерного типа антономасий — того, который опирается на плюрализацию онимов, — анализируется когнитивный механизм формирования прагматических созначений (прежде всего — пейоративности), устанавливается конфликтогенный потенциал антономасий и их соответствие системе современных этико-речевых норм. В настоящей работе на материале современных медиаисточников проанализированы прагматические особенности антономасий, которыми предопределяется либо их конфликтогенный потенциал, либо, напротив, соответствие экологическим параметрам современной коммуникации. Для анализа прагматического содержания антономасий применялся метод экспликации ассоциативно-коннотативной семантики онимов, а также когнитивно-дискурсивный анализ. Анализ антономасий ставит вопрос об их уместности и прагматической корректности. Неоправданные мелиоративы так же разрушают гармоничную коммуникацию, как и немотивированные пейоративы. Использование во множественном числе с уничижительным значением фамилии авторитетного человека и расхваливание с помощью мелиоративных антропонимов, не имеющее под собой никаких оснований, — это в равной мере деструктив-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОНРЮО в рамках научного проекта № 21-512-07002.

ные явления, которые не соответствуют лингвоэкологическому мышлению и этико-речевым нормам.

Ключевые слова: антономасия; плюрализация онимов; пейоративность; лингвоконфликтология; этико-лингвистическая норма; эколингвистика.

Цитирование: Котаева А. Р., Кулумбегова Л. В. Антономасия в контексте лингвопрагматики и лингвоконфликтологии // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 3 (59). С. 9–20. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-59-3-9-20.

Antonomasia in the Context of Linguopragmatics and Linguoconflictology

Alena R. Kotaeva, Lyudmila V. Kulumbegova

South Ossetian State University named after A. A. Tibilov, Beslan, South Ossetia

Each linguistic culture and each historical period has its own regular instances of antonomasia. Mass culture, advertising, and Internet communication often become the source of modern antonomasias. This explains the current interest in antonomasia among experts in linguoculturology, who rightfully see in it a source of information about the culture and history of native speakers. Among many structural and semantic types of antonomasias, the authors single out antonomasias formed through pluralization of the proper name (the onym), classifying them as alleotets, since they are based on transformations at the level of grammatical category. Antonomasia also serves as an excellent reflection of the linguistic personality of the author, seen as a “conveyor” of certain meanings connected with the world of politics, culture, and the life of the society as a whole. Antonomasia based on the pluralization of personal names also forms part of the strategy of conflict communication in the media, which undoubtedly impacts the process of forming public opinion. The purpose of the article is to correlate the content of media antonomasias with the categories of linguopragmatics, ecolinguistics, and linguoconflictology. Using the example of the most typical antonomasias (i.e. those based on the pluralization of proper names), the authors analyze the cognitive mechanism of the formation of pragmatic meanings (first of all, those of pejorative nature) and determine the conflictogenic potential of antonomasias and their compliance with the system of modern ethical and speech standards. The article uses the material of modern media to analyze the pragmatic features of antonomasias which determine either their conflict-causing potential or, conversely, their compliance with the ecological parameters of modern communication. To analyze the pragmatic meaning of antonomasias the authors use the method of explication of associative-connotative semantics of onyms as well as cognitive-discursive analysis. The results of this analysis inevitably raises the question of antonomasias’ relevance and pragmatic correctness, especially since unwarranted melioratives are just as detrimental to well-balanced communication as unmotivated pejoratives. Using last names of authority figures in the plural with a pejorative meaning is just as destructive as undeserved praise conveyed through meliorative anthroponyms, as neither strategy meets the modern requirements of linguoecological thinking and ethical and speech standards.

Key words: antonomasia; pluralization of onyms; pejorativeness; linguoconflictology; ethico-linguistic standard; ecolinguistics.

Citation: Kotaeva, Alena R., & Kulumbegova, Lyudmila V. (2022) Antonomasia in the Context of Linguopragmatics and Linguoconflictology. *LUNN Bulletin*, 3 (59), 9–20. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-59-3-9-20.

1. Введение

Понимание антономасии, которая была объектом описания еще в классической риторике, не стало единообразным и общепринятым даже к настоящему времени. Соглашаясь в том, что, по сути, это прием вторичной номинации, связанный с разными типами онимов, исследователи обнаруживают у антономасий сходство с метафорой и аллюзией (О. С. Ахманова, Ю. М. Скребнев), метонимией (И. В. Арнольд, И. Г. Гальперин, В. И. Телегина), синекдохой (Ж. Дюбуа), перифразой (Т. Г. Хазагеров и Л. С. Ширина). Очевидно, это закономерно, поскольку с точки зрения структурно-семантической антономасии в принципе неоднородны: с одной стороны, это перенос уникального наименования (онима) на иные объекты (на основании сходства), например: *современный Молчалин*; а с другой — замена онима описательным оборотом (*победитель при Аустерлице* вместо *Наполеон*). Ср.:

(1) *Комментируя пожар на борту «Москвы», жовтоблаkitный Геббельс пан Арестович* поначалу глумливо заявлял, что это какой-то матросик закурил у порохового погреба (Кондрашов 2022: 20).

Для каждой лингвокультуры и для каждого исторического периода характерны свои регулярные антономасии (ср., например, антономасии в классических текстах, апеллирующие к античной мифологии, и современные медийные антономасии, связанные с «онимами текущего момента» (типа *Беслан*, *Кондопога*, *скопинский маньяк В. Мохов*, *майор Евсюков*), которые остаются актуальными всего несколько лет, а иногда и только несколько месяцев. Ср. популярную конструкцию антономасий такого типа:

(2) *Те люди, которые помнили войну и лишения, уходят из политики — на смену им приходит «коллективная Грета Тунберг»* (Самоделова 2022: 14);

(3) *Не секрет, что современная большая пресса за рубежом давно ушла от скучных фактов и сухого анализа событий к вспышкам эмоций и накачиванию ярких образов. Отсюда растут ноги у коллективной Людмилы Денисовой, открыто признающей лживость своих жутких историй про массовые убийства, изнасилования стариков и минирования детей, но оправдывающей эту лживость нуждой во внимании* (Зайцев 2022: 2).

Источником современных антономасий нередко становятся феномены массовой культуры, рекламы и интернет-коммуникации. Это обстоятельство предопределило внимание к антономасиям со стороны прежде всего лингвокультурологии, которая правомерно увидела в них источник сведений о культуре и истории носителей языка.

Однако антономасии исследовались и в иных аспектах. Огромный массив работ посвящен анализу антономасии как стилистической и риторической категории в разноструктурных языках (Каграманов 2007; Арутюнян 2010; Коробкина 2018; Телегина, Синельникова, 2019; Зимина, Мюллер 2021 и др.), как текстообразующему средству в различных стилях и жанрах литературного языка (Кацба 1989; Малащенко 2003; Зеленин 2015; Бакич (Самыличева) 2018 и др.), как грамматическому явлению, связанному с именной категорией числа (Архипкина 2005; Яковенко 2013). Наконец, возможно понимание антономасии как элиминированной лакуны в рамках числовой парадигмы (Акай 2020; Куликова, Акай, Беляева 2020).

2. Материалы и методы

В настоящей работе на материале современных медиаисточников проанализированы прагматические особенности антономасий, которыми предопределяется либо их конфликтогенный потенциал, либо, напротив, соответствие экологическим параметрам современной коммуникации. Для анализа прагматического содержания антономасий применялся метод экспликации ассоциативно-коннотативной семантики онимов, а также когнитивно-дискурсивный анализ.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Среди множества структурно-семантических типов антономасий выделяется одна разновидность, которую, на наш взгляд, логичнее всего отнести к аллеотетам, поскольку в ее основе лежат преобразования на уровне грамматической категории. Это антономасии, образуемые с опорой на плюрализацию онима: *Молчалины блаженствуют на свете*. Как известно, семантика онимов, ее предельная индивидуальность (о формальных критериях выделения имен с индивидуальной семантикой) (Бехман 1981), способность обозначать неповторимо своеобразные предметы объективно препятствуют плюрализации. Однако антономасии такого типа не просто частотны, это межъязыковая универсалия (во всяком случае — для языков европейского стандарта). Такое противоречие снимается при учете двух типов плюраля, которые были описаны еще Э. Швейцером (Schwyzer 1950: 50–58) и Е. Куриловичем (Kuryłowicz 1964: 149–205). Амплифицирующий плюраль, акцентирующий сходство предметов во множестве, характерен для имен с неиндивидуальной семантикой, а эллиптический плюраль — для имен с индивидуальной семантикой, для эгоцентричных слов, в том числе для онимов. Плюрализация в этом случае передает идею множества неоднородного, имеющего маркированное подмножество: *Молчалины* = ‘Молчалин из «Горя от ума» + другие, подобные ему по моральным каче-

ствам'. Это один из самых продуктивных и интересных типов антономасии, который активно используется в современных медиа.

В работах, анализирующих категорию числа, нередко высказывалась мысль о том, что множественное число сингулятивного (в норме) онима образуется от его переосмысленного варианта, фактически от апеллятива. Думаем, однако, что с учетом понятия эллиптического плюраля вполне возможно рассмотрение множественного числа онимов в качестве закономерного явления в рамках числовой парадигмы. Косвенно на правомерность такого подхода указывают и универсальность этого приема, его востребованность во многих стилях и жанрах (благодаря семантической емкости плюральных форм), а также разнообразие прагматических функций антономасий такого типа, которые активно вплетаются в текстовую ткань и служат мощным аксиологическим средством. Наиболее типичной при этом является прагматика пейоративности, однако не следует думать, что любая плюрализация онима автоматически «ухудшает» его семантическое и прагматическое содержание. Ср.:

(4) *Только ленивый в последнее время не вспомнил о «Философском пароходе» в связи с отъездом из России ряда деятелей культуры и прочей мультуры. Что сказать, тогда уезжали **Ильины, Бердяевы, Булгаковы, Карсавины**, а в наши дни — **Монгерштерны, Галкины, Чубайсы и Дуди**. Уж не знаю, что должно происходить в головах людей, до какого нравственного и умственного падения нужно дойти, чтобы на полном серьезе проводить подобные параллели* (Панин 2022: 7).

Фактически это пример антитезы антономасий, который доказывает, что прагматика пейоративности / мелиоративности задается прототипами. Однако бесспорно и то, что пейоративность антономасий такого типа распространена значительно шире, чем мелиоративность. Такие антономасии передают весь спектр пейоративности: неодобрение, критическое отношение, порицание, иронию, сарказм, пренебрежительное отношение, негодование и презрение. Антономасии от имен политических деятелей имеют ярко выраженный оскорбительный потенциал, а значит, по сути своей это конфликтогенные единицы. Для политического медийного дискурса вообще характерно максимально полное использование тропов и фигур, усиливающих перлокутивный эффект, и среди них важное место занимает рассматриваемый тип антономасии. Никакие ценностные ориентиры типа толерантности и политкорректности не отменяют острых дискуссий в медийном пространстве (Попова, Саушева 2019), и важным средством имплицитной инвективности в них становятся антономасии-плюративы:

(5) *А брякнете чего лишнее, что вам **какие-то мединские** не нравятся, язык ваш патриотический засунут в вашу патриотическую... Ну, вы понимаете* (Туханина 2022: 5);

(6) Ср. заголовок **Кравчуки** сами не уходят (Сухомлинов 2022: 10);

(7) Телеканалы заполнили пошлейшие камедиклабы, кальки западных передач с **Ургантами, Галкиными и Дибровыми** (Бравицкая 2022: 27);

(8) *Как сотворенному Богом свету бороться с этой тьмой? Может быть, ходить по телевизионным каналам и уговаривать ведущих **Малаховых** отказаться от своих программ?* (Проханов 2021: 1);

(9) *В нынешней ситуации разнонаправленности «элит» и народа — очень сложный баланс, почти недостижимый. А потому еще какое-то время «**золотые маски**» так и будут получать **хаматовы** и им подобные* (Попов 2022а: 6).

В последнем случае авторская модалность распространяется не только на онимы, но затрагивает так называемую «артефактную антономасию» — *золотые маски*. Ср. также:

(10) *А мы все ждем, а вдруг **всякие икеи, эйчендэмы** и прочие очень ценные иностранные инвесторы вернутся? Ну и что, что наш малый и средний бизнес стоит в раскоряку и не понимает, что делать — сейчас вложись в развитие, а потом не ровен час западные бренды вернутся и их лоббисты из числа наших чиновников опять все российское затопчут* (Попов 2022б: 6);

(11) *...они сами себя, видимо, за мусор считают, коли в восторге смотрят **все эти «Чики»** — если восторги не оплачены, конечно, а то есть определённые подозрения* (Москвина 2020: 15).

Антономасии прекрасно репрезентируют языковую личность автора как транслятора определённых смыслов, связанных с миром политики, культуры и в целом жизни социума. Как видно из приведенных примеров, с помощью антономасии, опирающейся на плюрализацию онимов, реализуется стратегия конфликтной коммуникации в медиа, что, естественно, оказывает воздействие на процесс формирования общественного мнения. Яркая пейоративность лежит в основе когнитивных механизмов создания и восприятия антономасий такого типа. Как известно, медийная реализация конфликтной коммуникации нередко опирается на более жесткие средства — обсценизмы и прямые инвективы, так что антономасии рассмотренного типа представляются сравнительно мягким способом выражения пейоративности.

Однако не только пейоративные антономасии могут быть расценены как конфликтогены и единицы сомнительные с точки зрения экологической лингвистики и гармоничной коммуникации. В газете «Аргументы и

факты на Дону» (2022: 3) под заголовком «Не стесняйтесь исправлять. Филолог — о самых распространенных ошибках и осквернении языка» помещено интервью У. Алфеевой с доцентом ЮФУ С. С. Изюмской. На странице с интервью есть фото двух молодых людей в футболках с изображением Пушкина, которое сопровождается подписью:

(12) *Прямо сейчас в аудиториях ЮФУ учатся любить и чувствовать русский язык будущие пушкины.*

В самом тексте интервью читаем:

(13) *Я уже вижу на занятиях в ЮФУ наших будущих **достоевских и толстых**, которые пишут настоящие шедевры — и в прозе, и в стихах. Мы живем в век индиго, который рождает множество талантов. Но все равно нужно опираться на имена из прошлого, на наше достояние. И на этом достоянии сажать цветы. Молодые писатели и поэты завтра будут привносить что-то новое в литературоведческую стезю.*

Естественно, читатель ошарашен мыслями (если это вообще можно назвать мыслями) о том, что «на достоянии надо сажать цветы», новые поэты и писатели будут привносить что-то новое не куда-нибудь, а «в литературоведческую стезю». И конечно, поражает легкость, с какой использованы имена классиков. Ладно, будущие «пушкины» еще только учатся, а вот будущие «толстые и достоевские» уже сейчас пишут (настоящее актуальное время!) *настоящие шедевры и в прозе, и в стихах*. Такое заявление нуждается в подкреплении фактами, общественности хорошо бы знать и шедевральные тексты, и их авторов (ведь и среди известных писателей в наше время нет общепризнанного гения и духовного лидера, каким был, к примеру, Лев Толстой для своего поколения), однако, естественно, ничего подобного в интервью не содержится. Зато есть пассажи типа *Уверена, мы сможем возвращать гармоничных людей, потому что у нас самый богатый язык. ...сегодня мы, к сожалению, констатируем отсутствие цензуры в языке и видим, к чему это приводит*. В первом предложении явный алогизм, причинными отношениями части отнюдь не связаны. Во втором — превратное понимание слова «цензура» (которая, кстати говоря, запрещена законом), откровенно безграмотное сочетание «цензура в языке». В общем, если и поверить, что в ЮФУ учатся будущие *пушкины*, то преподают там, кажется, отнюдь не *ломоносовы*.

Эти антономасии — *пушкины, толстые, достоевские* — в отношении студентов ЮФУ особенно поразительны на фоне многочисленных сведений (в том числе из медиа) о катастрофическом падении уровня элементарной грамотности школьников и студентов. Практически и «правые» и «левые» согласны в том, что сегодня школьное и вузовское образование не обеспечивает стране прорыв, необходимый для того, чтобы играть роль

великой державы, способной конкурировать с лидерами. «Ширится рынок изготовления курсовиков и дипломов за плату: средний студюозус не способен ничего написать, а совсем скоро, с распространением ТикТока, не сможет и прочитать», — пишет Т. Воеводина (Воеводина 2021: 2). Можно, конечно, хоть будущими *аристотелями* и *сократами* назвать этих «студюозусов», однако печальной картины это не изменит.

У Т. Воеводиной находим важное замечание, которое, как нам кажется, проливает свет на природу рассматриваемых антономасий: «Сегодня с учениками всех ступеней — от детсадовцев до студентов — принято сюсюкать. Ни с кого ничего спросить нельзя, а то вдруг он демотивируется, станет невротиком и тому подобные сопли. Ругать тоже никого нельзя, заставлять нельзя. Все — неповторимые личности...» (Воеводина 2022). Антономасии в анализируемом интервью, на наш взгляд, это как раз предельное выражение такого подхода к обучаемым (Давлетова, Артюшков 2021; Коняхина, Яковлева 2021; Пономаренко 2021). Это объективно вредное явление, которое может быть квалифицировано как отступление от этико-речевой нормы, здравого смысла и хорошего языкового вкуса.

Как видим, не только пейоративные антономасии, ставшие уже медийным шаблоном, могут быть сомнительными с точки зрения лингвоконфликтологии и экологической лингвистики, но и в высшей степени мелиоративные, если эта мелиоративность никак не оправдана.

4. Заключение

Справедливым представляется утверждение о том, что в современных условиях язык массмедиа принял на себя важнейшую культурологическую функцию языка-эталона (Полонский 2010: 250). Медиалект, отражающий все болевые точки современности, в том числе — проблемы воспитания и образования, охотно пользуется для своих целей таким средством высокой культурно-дискурсивной значимости, как антономасия. Анализ антономасий ставит вопрос об их уместности и прагматической корректности. Как показывает рассмотренный материал, неоправданные мелиоративы так же разрушают гармоничную коммуникацию, как и немотивированные пейоративы. Использование во множественном числе с уничижительным значением фамилии авторитетного человека и расхваливание с помощью мелиоративных антропонимов, не имеющее под собой никаких оснований, — это в равной мере деструктивные явления, которые не соответствуют лингвоэкологическому мышлению и этико-речевым нормам.

Список литературы / References

- Акай О. М. Феномен грамматической лакунарности: когнитивный и лингвопрагматический аспекты: Монография. Р. н/Д: ЮФУ, 2020. [Akay, Oksana M. (2020) *Fenomen grammaticheskoi lakunarnosti: kognitivnyi i lingvopragmaticheskii aspekty: Monografiya* (The Phenomenon of Grammatical Lacunarity: Cognitive and Linguopragmatic Aspects: Monograph). Rostov-on-Don: SFEDU. (In Russian)].
- Арутюнян М. А. Структура, семантика и прагматика стилистического приема «антономазия» на материалах немецкого языка: Дис. ... канд. филол. наук. 10.02.04. М., 2010. [Arutyunyan, Mikael A. (2010) *Struktura, semantika i pragmatika stilisticheskogo priema «antonomaziya» na materialakh nemetskogo yazyka*. (Structure, Semantics and Pragmatics of the Stylistic Technique “Antonomasia” Based on the Materials of the German Language). PhD Thesis in Philology. 10.02.04. Moscow. (In Russian)].
- Архипкина Г. Д. Когнитивные основания и антропоцентрические параметры грамматической категории числа: Монография. Р. н/Д: ЗАО «Ростиздат». 2005. [Arkhipkina, Galina D. (2005) *Kognitivnye osnovaniya i antropotsentricheskie parametry grammaticheskoi kategorii chisla: Monografiya* (Cognitive Bases and Anthropocentric Parameters of the Grammatical Category of Number: Monograph). Rostov-on-Don: ЗАО “Rostizdat”. (In Russian)].
- Бакич (Самыличева) Н. А. Трансформация прецедентных феноменов в медийном тексте как проявление речевой креативности // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 5. С. 185–190. [Bakich (Samylicheva), Nadezhda A. (2018) *Transformatsiya pretsedentnykh fenomenov v mediinom tekste kak proyavlenie rechevoi kreativnosti* (Transformation of Precedent Phenomena in Media Text as a Manifestation of Speech Creativity). *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*, 5, 185–190. (In Russian)].
- Бехман С. Х. Структурно-семантические группы конкретных (нарицательных) имен существительных и формальные критерии их выделения. Р. н/Д: РГУ, 1981. [Bekhman, Samiya H. (1981) *Strukturno-semanticheskie gruppy konkretnykh (naritsatel'nykh) imen sushchestvitel'nykh i formal'nye kriterii ikh vydeleniya* (Structural and Semantic Groups of Specific (Common) Nouns and Formal Criteria for Their Detection). Rostov-on-Don: RGU. (In Russian)].
- Давлетова Т. А., Артюшков И. В. Структура языковой личности ребенка // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 3 (55). С. 23–40. [Davletova, Tatyana A., & Artyushkov, Igor V. (2021) *Struktura yazykovoi lichnosti rebenka* (The Structure of the Child's Linguistic Personality. *LUNN Bulletin*, 3 (55), 23–40. (In Russian)].
- Зеленин А. В. Антономазия в языке современной прессы // Русский язык в школе. 2015. № 9. С. 57–64. [Zelenin, Aleksandr V. (2015) *Antonomaziya v yazyke sovremennoi pressy* (Antonomasia in the Language of the Modern Press). *Russkii yazyk v shkole* (Russian Language at School), 9, 57–64. (In Russian)].
- Зими́на Е. А., Мюллер Ю. Э. Оценочный потенциал антономазии в языке современной немецкоязычной прессы // Филологические науки в МГИМО. 2021. Том 7. № 1 (25). С. 27–36. [Zimina Evgeniya A., & Myuller, Julia E. (2021) *Otsenochnyi potential antonomazii v yazyke sovremennoi nemetskoyazychnoi pressy* (The Evaluative Potential of Antonomasia in the Language of Modern German-language Press). *Philological Sciences at MGIMO*, Vol. 7, 1 (25), 27–36. (In Russian)].

- Каграманов К. Р. Антономасия как средство языковой номинации: семантика и прагматика: на материале англоязычной прессы. Дис. ... канд. филол. наук. 10.02.04. М., 2007. [Kagramanov, Karen R. (2007) *Antonomasiya kak sredstvo yazykovoï nominatsii: semantika i pragmatika: na materiale angloyazychnoi pressy* (Antonomasia as a Means of Language Nomination: Semantics and Pragmatics: Based on the Material of the English-language Press). PhD Thesis in Philology. 10.02.04. Moscow. (In Russian)].
- Кацба И. Р. Формы множественного числа от имен собственных: Дис. ... канд. филол. наук. Р. н/Д, 1989. [Katsba, Inga R. (1989) *Formy mnozhestvennogo chisla ot imen sobstvennykh* (Plural Forms of Proper Nouns). PhD Thesis in Philology. Rostov-on-Don. (In Russian)].
- Коняхина Л. М., Яковлева Л. В. К вопросу формирования языковой личности в контексте профессионально-ориентированной иноязычной вузовской подготовки // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 1 (53). С. 123–136 [Konyakhina, Lyudmila M., & Yakovleva, Lora V. (2021) *K voprosu formirovaniya yazykovoï lichnosti v kontekste professional'no-orientirovannoi inoyazychnoi vuzovskoi podgotovki* (To the Issue of the Linguistic Personality Formation in the Context of Professionally-oriented Foreign Language University Training). *LUNN Bulletin*, 53, 123–136. (In Russian)].
- Коробкина Н. И. Окказиональная антономасия в коммуникативном пространстве современного языка // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 4 (127). С. 95–100. [Korobkina, Natalya I. (2018) *Okkazional'naya antonomasiya v kommunikativnom prostranstve sovremennogo yazyka* (Occasional Antonomasia in the Communicative Space of the Modern Language). *Izvestiya of the Volgograd State Pedagogical University*, 4 (127), 95–100. (In Russian)].
- Куликова Э. Г., Акай О. М., Беляева И. В. Элиминированные лакуны vs потенциальные грамматические формы: корреляция понятий // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2020. Вып. 4. С. 98–104. [Kulikova, Ella G., Akay, Oksana M., & Belyaeva, Irina V. (2020) *Ehliminirovannye lakuny vs potentsial'nye grammaticheskie formy: korrelyatsiya ponyatii* (Eliminated Lacunae vs Potential Grammatical Forms: the Correlation of Concepts). *Bulletin of Russian New University. Series: Man in the Modern World*, 4, 98–104. (In Russian)].
- Малащенко М. В. Имя в парадигмах лингвопрагматики: Монография. Р. н/Д.: РГУ, 2003. [Malashchenko, Marina V. (2003) *Imya v paradigmakh lingvopragmatiki. Monografiya* (The Noun in the Paradigms of Linguopragmatics: Monograph). Rostov-on-Don: RGU. (In Russian)].
- Полонский А. В. Русский язык в масс-медиа: конфликт между «словарем» и общественным вкусом // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 24 (95). Вып. 8. С. 250–255. [Polonskii, Andrey V. (2010) *Russkii yazyk v mass-media: konflikt mezhdru «slovarem» i obshchestvennym vkusom* (The Russian Language in Mass Media: the Conflict between the “Dictionary” and Public Taste). *Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanities*, 24, Vol. 8, 250–255. (In Russian)].
- Пономаренко Е. П. Развитие языковой личности студентов технического университета в процессе рефлексивного обучения иностранному языку // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова.

2021. Вып. 1 (53). С. 137–148. [Ponomarenko, Ekaterina P. (2021) Razvitie yazykovoi lichnosti studentov tekhnicheskogo universiteta v protsesse reflektivnogo obucheniya inostrannomu yazyku (Development of the Linguistic Personality of Technical University Students in the Process of Reflexive Foreign Language Teaching). *LUNN Bulletin*, 1 (53), 137–148. (In Russian)].
- Попова Т. Г., Саушева Е. В. Факторы, влияющие на формирование национального характера // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2019. Вып. 45. С. 57–66. [Popova, Tatyana G., & Sausheva, Elena V. (2019) Faktory, vliyayushchie na formirovanie natsional'nogo kharaktera (Factors Influencing the Formation of National Character). *LUNN Bulletin*, 45, 57–66. (In Russian)].
- Телегина В. А., Синельникова И. И. Актуализация тропов при характеристике человека во французском политическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 6. С. 198–201. [Telegina, Viktoriya A., & Sinel'nikova, Irina I. (2019) Aktualizatsiya tropov pri kharakteristike cheloveka vo frantsuzskom politicheskom diskurse (Means of Expressing Evaluation in the Characteristics of the Political Elite (Based on the Material of the Modern French Press). *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 12 (6), 198–201. (In Russian)].
- Яковенко Т. И. Имплицитный смысл онима в тексте: на материале русского и английского языков. Дис. ... канд. филол. наук. 10.02.19. Р. н/Д, 2013. [Yakovenko, Tatyana I. (2013) Implitsitnyi smysl onima v tekste: na materiale russkogo i angliyskogo yazykov (The Implicit Meaning of the Onym in the Text (Based on the Material of Russian and English Languages). PhD Thesis in Philology. 10.02.19. Rostov-on-Don. (In Russian)].
- Kuryłowicz, Jerzy. (1964) *The Inflectional Categories of Indo-European*. Heidelberg: Carl Winter, Universitäts-verlag.
- Schwyzer, Eduard. (1950) *Griechische Grammatik*. München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1950. (In German).

Источники языкового материала / Language material resources

- Алфеева У. Не стесняйтесь исправлять. Филолог — о самых распространенных ошибках и осквернении языка // Аргументы и факты на Дону. 2022. № 23. С. 3. [Alfeeva, Ulyana. (2022) Ne stesnyaites' ispravlyat'. Filolog — o samykh rasprostrannennykh oshibkakh i oskvernenii yazyka (Feel Free to Correct. Philologist — about the Most Common Mistakes and Desecration of the Language). *Argumenty i fakty na Donu* (Arguments and Facts on Don), 23, 3. (In Russian)].
- Бравицкая Л. Война и СМИ // Литературная газета. 2022. № 17. С. 27. [Bravitskaya, Larisa. (2022) Voina i SMI (War and Media). *Literaturnaya gazeta* (Literary Newspaper), 17, 27. (In Russian)].
- Воеводина Т. Диплом через ТикТок // Литературная газета. 2021. № 36. С. 2 [Voevodina, Tatyana (2021) Diplom cherez TiKTok (Diploma via TikTok). *Literaturnaya gazeta* (Literary Newspaper), 36, 2. (In Russian)].
- Воеводина Т. Долг и труд // Завтра.ru, 29 апреля 2022 г. [Voevodina, Tatyana. (2022) Dolg i trud (Duty and Labor). *Zavtra.ru*, April 29. (In Russian)].
- Зайцев К. Що, вмерла? // Завтра. 2022. № 23. С. 2. [Zaitsev, Kirill. (2022) Shcho, vmerla? (What? Died?). *Zavtra* (Tomorrow), 23, 2. (In Russian)].

- Кондрашов А. Военная тайна Черного моря // Аргументы недели. 2022. № 15. С. 20. [Kondrashov, Andrey. (2022) Voennaya taina Chernogo moray (Military Secret of the Black Sea). *Argumenty nedeli* (Arguments of the Week), 15, 20. (In Russian)].
- Москвина Т. В нашей заповедной роще никакой политкорректности нет? // Аргументы недели. 2020. 21 июля. С. 15. [Moskvina, Tatyana. (2020) V nashei zapovednoi roshche nikakoi politkorrektnosti net? (Isn't There Any Political Correctness in Our Reserved Grove?). *Argumenty nedeli* (Arguments of the Week), July 21, 5. (In Russian)].
- Панин И. Корабль дураков // Литературная газета. 2022. № 21. С. 7 [Panin, Igor. (2022) Korabl' durakov (Ship of Fools). *Literaturnaya gazeta* (Literary Newspaper), 21, 7. (In Russian)].
- Попов Д. Ложные страхи // Московский комсомолец. 2022а. 27 апреля – 3 мая. С. 6. [Popov, Dmitry. (2022a) Lozhnye strakhi (False Fears). *Moskovsky komsomolets* (Moscow Komsomol Member), April 27 – May 3, 6. (In Russian)].
- Попов Д. Полезное огорчение России // Московский комсомолец. 2022б. 18–24 мая. С. 6. [Popov, Dmitry. (2022б) Poleznoe ogorchenie Rossii (A Useful Upset of Russia). *Moskovsky komsomolets* (Moscow Komsomol Member), May 18–24, 6. (In Russian)].
- Проханов А. И тьма не обьяла его // Завтра. 2021. № 41. С. 1. [Prokhanov, Aleksandr. (2021) I t'ma ne ob'yala ego (And the Darkness Did not Embrace Him). *Zavtra* (Tomorrow), 41, 1. (In Russian)].
- Самоделова С. Коллективная Грета Тунберг // Московский комсомолец. 2022. 8–14 июня. С. 14. [Samodelova, Svetlana. (2022) Kollektivnaya Greta Tunberg (Collective Greta Thunberg). *Moskovsky komsomolets* (Moscow Komsomol Member), June 8–14, 14. (In Russian)].
- Сухомлинов В. Кравчуки сами не уходят // Литературная газета. 2022. № 13. С. 10. [Sukhomlinov, Vladimir. (2022) Kravchuki sami ne ukhodyat (Kravchuks Do not Leave Themselves). *Literaturnaya gazeta* (Literary Newspaper), 13, 10. (In Russian)].
- Туханина О. Держите свою фигу в кармане. Но не вынимайте! // Комсомольская правда. 2022. 20–27 апреля. С. 5. [Tukhanina, Olga. (2022) Derzhite svoyu figu v karmane. No ne vynimaite! (Keep Your Fig in Your Pocket. But Don't Take It out!) *Komsomol'skaya Pravda* (Komsomol Truth), April 20–27, 5. (In Russian)].

УДК 811.161.1

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-59-3-21-32

СИНТАКТИКА ФЕМИНИТИВОВ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ¹

Э. Г. Куликова¹, О. М. Акай^{1, 2}, З. К. Тедеева³

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

²Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

³Юго-Осетинский государственный университет им. А. А. Тибилова,
Беслан, Южная Осетия

Начало XXI в. отмечено появлением и широким распространением в русской лингвокультуре новых феминитивов, что, скорее всего, связано с четвертой волной феминизма. В настоящее время новый импульс этой теме дали современные коммуникативные технологии. Хорошо известны и детально описаны особенности феминитивов, связанные с категорией уместности (стилевой, жанровой), а также их прагматические возможности (прежде всего — для выражения различных оттенков пейоративности). Цель статьи — объяснить использование феминитивов прежде всего с учетом одной из сторон семиотической сущности грамматической формы — синтактики. В центре внимания — связь выбора мужского или женского рода антропонима с условиями контекстной реализации соответствующих грамматических значений. Как показал проанализированный материал, даже в одном тексте возможно варьирование сходных по семантике маскулинных и феминных коррелятов, обусловленное различием в синтактике этих единиц. Помимо того, что последовательно анализируется роль сочетаемости феминитивов, исследованы основания выбора одного из родовых коррелятов с точки зрения лингвоэкологического мышления. Исследование взаимно детерминированной синтагматики и грамматической семантики форм рода имен опиралось на контекстологический анализ и трансформационный метод, а также на использование приема внутриязыкового сопоставления и лингвопрагматической интерпретации в контексте экологической лингвистики. Предпочтение феминитивов (что является относительно новым явлением, которое отчетливо обозначилось только в последнее десятилетие) как более точных номинаций в ряде случаев ограничивается синтагматическими параметрами. Эти же параметры (например, атрибут один / одна) предопределяют выбор коррелята, соответствующего гендерной характеристике. Выбор морфологической формы диктуется не только денотативной соотнесенностью, но и синтагматическими условиями. Однако влияние третьей составляющей языкового знака — синтактики — редко где учитывается, кроме собственно синтаксиса. Ставшие модными феминитивы функционируют в синтаксических конструкциях, для которых форма коррелята по роду не допускает вариативности. Описание контекстов, предопределяющих условия предпочте-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОНРЮО в рамках научного проекта № 21-512-07001.

ния феминитивных или маскулинных обозначений, чрезвычайно важно для составления новой общей грамматики русского языка, для составления грамматики сочетаемости смыслов и в целом для экологической лингвистики.

Ключевые слова: категория рода; феминитивы; знаковые свойства; синтактика; прагматика; эколингвистика.

Цитирование: Куликова Э. Г., Акай О. М., Тедеева З. К. Синтактика феминитивов и экологическое мышление // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 3 (59). С. 21–32. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-59-3-21-32.

Syntactics of Feminities and Ecological Thinking

Ella G. Kulikova¹, Oksana M. Akay^{1, 2}, Zaira K. Tedeeva³

¹People's Friendship University (RUDN University), Moscow, Russia

²St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

³South Ossetian State University after A. A. Tibilov, Beslan, South Ossetia

The beginning of the 20th century was marked by the emergence and widespread use of new feminities in the Russian linguoculture, most likely due to the fourth wave of feminism. In recent years, modern communication techniques have given a new impetus to this discussion. The features of feminities related to the category of appropriateness (their stylistic and genre-related classifications) as well as their pragmatic potential (usage primarily for expressing various pejorative meanings) are well known and described in detail. The purpose of the article is to explain the use of feminities primarily through one of the aspects of the semiotic essence of the grammatical form, namely syntactics. The focus is on the connection between the choice between a masculine or feminine anthroponym and the conditions of contextual realization of the corresponding grammatical meanings. The results of our analysis demonstrate that even within one text it is possible to vary masculine and feminine correlates that are similar in semantics, due to the difference in the syntactics of these units. While consistently analyzing the role of the compatibility of feminities, the authors also investigate reasons for choosing one of the generic correlates from the point of view of linguoecological thinking. Their study of mutually determined syntagmatics and grammatical semantics of the genus forms of names is based on contextual analysis and transformational method, as well as on the use of the technique of intra-linguistic comparison and linguistic-pragmatic interpretation in the context of ecological linguistics. The authors demonstrate that preference for feminities as more accurate nominations (a relatively new phenomenon that has clearly emerged only in the last decade) in some cases is limited to syntagmatic parameters. The same parameters (for instance, attributes «один» (“sole, alone, one,” male) / «одна» (“sole, alone, one” female)) determine the choice of the correlate corresponding to the gender characteristic. The choice of morphological form is dictated not only by denotative correlation but also by syntagmatic conditions. However, the influence of the third component of the language sign – syntactics – is rarely taken into account, except for the syntax itself. Feminities that have become fashionable operate in syntactic constructions for which the form of the gender correlate does not allow variability. The description of contexts that predetermine the conditions for the preference of feminine or masculine designations is extremely important for the compilation of a new general grammar of the Russian language, for the compilation of a grammar of the meanings compatibility, and, upon the whole, for ecological linguistics.

Key words: gender; grammatical category; feminitives; sign properties; syntactics; pragmatics; ecolinguistics.

Citation: Kulikova, Ella G., Akay, Oksana M., & Tedeeva, Zaira K. (2022) Syntactics of Feminitives and Ecological Thinking. *LUNN Bulletin*, 3 (59), 21–32. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-59-3-21-32.

1. Введение

Активизации феминных обозначений в XXI в. посвящено большое количество разножанровых текстов, среди которых популярные и научные статьи, диссертации и даже словарь (Гузаерова 2017, 2020; Секерина 2017; Беркутова 2018, 2019; Пугачева 2019; Антонова 2020; Зауэр 2020; Мазикина 2020 и др.). Однако при этом, насколько нам известно, синтагматические особенности родовых коррелятов вообще и феминитивов в частности не привлекали специального исследовательского внимания. Как мы попытаемся показать в дальнейшем изложении, именно сочетаемостные параметры зачастую оказываются решающими при выборе феминитива или, напротив, немаркированного мужского рода антропонима.

2. Материалы и методы

Исследование взаимно детерминированной синтагматики и грамматической семантики форм рода имен опиралось на контекстологический анализ и трансформационный метод, а также на использование приема внутриязыкового сопоставления и лингвопрагматической интерпретации в контексте экологической лингвистики.

3. Дискуссия

Начало XXI в. отмечено появлением и широким распространением в русской лингвокультуре новых феминитивов, что, скорее всего, связано с четвертой волной феминизма. Как известно, для активизации феминитивов в прежние эпохи (вторая половина XIX в., первая треть XX в.) были иные причины, и прежде всего это распространение новых профессий среди женщин. В настоящее время новый импульс этой теме дали современные коммуникативные технологии.

Как свидетельствует материал работы: (Беленко, Вьюн 2019), концепт «феминизм» в отечественных медиа чаще всего связывается с явлениями, разрушающими традиционные поведенческие паттерны и нормальные ролевые модели, а потому дестабилизирующими социальные институты. Опосредованные феминистической идеологией новые феминитивы типа *блогерка*, *поэтка*, *авторка* также нередко оцениваются как деструктивное явление, порча языка. В русской лингвокультуре «<...> стихийно образующиеся феминитивы не входят в политический, административный и об-

разовательный дискурсы», — пишет А. А. Зауэр (Зауэр 2020: 2), и в этом отличие от иных европейских государств (Испания, Германия и др.), где в разное время были приняты постановления правительства об официальном переименовании профессий и квалификаций в зависимости от гендерного фактора (Попова, Саушева 2019; Копоть 2020). Однако определенные сдвиги наметились и у нас. Во-первых, феминитивы стали обычными в медийном пространстве, в том числе в политическом дискурсе:

(1) *Две недели назад мы писали о том, как потомственная **евробюрократка** рядится в одежды французской националистки для консолидации правых протестных настроений...<...> Итог выборов показал не только верность председательницы «Национального объединения» этому нехитрому плану, но и куда более занятные вещи. <...> С одной стороны, причиной этой умеренности на внутрифранцузском фронте стала беззубость Ле Пен — о том, что **кандидатка** не представляет серьезной угрозы для Макрона говорили еще перед первым туром. <...> Не будем всерьез считать Марин маргинальной оппозиционеркой и искренней противницей НАТО и Евросоюза...*(Зайцев 2022: 2);

(2) *Собрание «пробужденных» дошло до такого белого каления, что его участники не пустили в зал Джойс Битти — коллегу-демократку и **председательницу** Черного кокуса* (Черемных 2022: 5).

Во-вторых, начинается проникновение феминитивов в официально-деловой административный дискурс. Так, в документах Московского международного кинофестиваля 2019 г. появилось такое наименование фестивальной программы — «*Кинорежиссерки нашего времени*».

В медийном пространстве феминитивы выполняют прежде всего роль средства пейоративной оценки:

(3) *Зачем создавать свое, если можно взять роман Достоевского, переделать в «Идиотку» и насладиться бешеным восторгом **ню-критикесс**?* (Евсеев 2022: 7);

(4) *Так вот: без художника Россия проживет спокойно. Без **авторок и блогерок**. Без рэперов и модельеров* (Туханина 2022: 5);

(5) *Понятно, что эту беспомощную книгу разрекламировали те, кто согласен с «черным мифом» о России, тюрьме народов, истязавшей племена, имевшие несчастье оказаться в «красном Египте». Понятно, что в основе сочинения лежит чья-то нелегкая судьба, и реальные черты этой конкретной жизни — единственное, что оживляет текст. В остальном же это просто злобное антисоветское фэнтези. Есть у нас такой популярный жанр. Чувствуется, **авторесса** не читала ни «Канунов» Белова, ни «Драчунов» Алексеева, а возможно, и «Поднятой целины» и просто не по-*

няла, на каком высочайшем уровне эта тема поднималась в нашей литературе. Зачем? Она же писатель! (Поляков 2020).

Можно говорить о том, что стали обычными многие феминитивы, которые представлялись экзотическими всего двадцать лет назад. Так, в (Панов 1999: 238) среди слов, не имеющих коррелятивного названия для женщин, приводятся *представитель*, *корреспондент*. Сегодня соответствующие женские корреляты стали обычными, причем они лишены прагматики пейоративности, в отличие от многих иных. Л. Мазикина в предисловии к своему словарю феминитивов пишет: «Я хочу наконец-то поговорить об этих словах как о большом, коллективном творческом процессе, о литературном проекте-флешмобе, и просто зафиксировать результаты этого процесса и этого проекта, даже не задаваясь вопросом, промежуточные они или окончательные». Коллектив создателей словаря обозначен так: *редактриса* Наталья Крайнова, *бета-чица* Хали Кулешова, *корректорка* Холли (Мазикина 2020). К сожалению, этот новый словарь феминитивов (как и его предшественник — «Толковый словарь названий женщин» Н. П. Колесникова, 2002) никак не попытался отследить прагматику зафиксированных единиц. Между тем она бывает не только контекстной, но и системной. Так, активизировавшееся в последние годы старое слово *актерка* или новообразование *космонавтка* имеют устойчивую пейоративную характеристику. И совершенно справедливо писал В. Аннушкин о том, что формы типа *ректорка*, *депутатка*, *профессорка*, пропагандируемые феминистками, принижают статус тех, кто наделяется подобными наименованиями (Аннушкин 2021: 11). Получается, что внедрение новых обозначений женщин оказывается связанным с потерей стилистической ценности слова, с «нарушением прагматической системы коммуникационных значимостей» (Иванов 2004: 113). Таким образом, не сама активизация женских коррелятов, а нередко создаваемая при их употреблении межстилевая и прагматическая эклектика противоречат лингвоэкологическому мышлению.

Справедливо мнение о том, что феминитивы представляют собой проявление общезыковой закономерности, а именно — элиминирования грамматико-словообразовательных лакун (Акай 2020). И в упомянутой работе особое внимание уделяется прагматическим характеристикам элиминированных лакун, в том числе — феминитивам, поскольку они чаще всего используются в не нейтральных контекстах: стандартный нейтральный дискурс официально-делового стиля пока еще крайне редко включает феминитивы. Дело еще и в том, что гендерные характеристики в таком дискурсе нередко оказываются за пределами внимания: например, в объявлении о приеме на работу заведомо будет употреблено маскулинное обозна-

чение: *учитель, повар, почтальон* и т. п. (за исключением названий профессий типично женских — *воспитательница, санитарка, уборщица*). Поскольку такие имена формируют предикацию и референцию, реализуют такие категории, как определенность / неопределенность, индивидуальность / обобщенность, конкретность / абстрактность (см. подробнее: [Бунаес 2014]), выбор маскулинной или феминной формы не должен противоречить соответствующим текстовым значениям.

4. Результаты исследования и их обсуждение

Как бы широко ни были распространены феминитивы в современных массмедиа (Егорова 2018), остаются случаи, когда их использование представляется неприемлемым. Ср.:

(6) *А что сейчас? Многих ли передовиков производства страна знает в лицо? Помните, как легендарного комбайнера Нину Переверзеву из Песчанокского района разве что на руках не носили? О ней писали книги, снимали передачи. Человек труда, человек села был в почете* (Семибратова 2021: 2).

С точки зрения современной лингвоэкологии, отстаивающей тонкое нюансирование не только семантического содержания, но и прагматических смыслов, форма *комбайнерка* оказывается невозможной. *Космонавткой* можно назвать актрису Ю. Пересильд (и в медиатекстах, описывающих космический полет с участием актеров, именно такая форма и использовалась), но не Валентину Терешкову.

Адекватный выбор варианта антропонима — маскулинного или феминного — это вопрос языкового чутья и лингвоэкологической компетентности (Иванова 2018). Поэтому проанализируем особенности использования феминитивов в зависимости от синтактики (понимаемой широко и потому включающей как собственно синтагмы, так и всю совокупность текстовых характеристик) в произведениях тех авторов, которые заведомо обладают отменным языковым чутьем. Это классики современной лингвублистики А. К. Жолковский (Жолковский 2016) и М. М. Бурас (Бурас 2022). Прежде всего, в их текстах обращает на себя внимание очень широкое использование феминитива *лингвистка*:

(7) *Кто-то отказался разговаривать. Иные без объяснений, другие же, как известная польско-австралийская лингвистка Анна Вежбицкая, написав дружелюбное подробное письмо о том, почему совсем не удастся выкроить время...* (Бурас 2022: 7);

(8) *... внешний образ яркой блестящей лингвистки и внутреннее довольно сильно различаются* — речь идет о Е. В. Падучевой (Бурас 2022: 78);

(9) ... книгу мне привезла из-за границы польская — тогда польская, ныне **австралийская** — **лингвистка** Анна Вежбицкая (Жолковский 2016: 331).

(10) — В том же году в Софии была международная конференция или что-то в этом роде, — рассказывает **американская лингвистка, одна из основателей** современной формальной семантики в США Барбара Патри (Бурас 2022: 310);

(11) Характерна реакция **одной лингвистки, прослышавшей**, что вышел сборник «Исследования по структурной типологии»... (Бурас 2022: 232);

(12) Я отчетливо помню, как я появился в дирекции, и **важная секретарша велела мне подождать, а сама скрылась за дверью** (Бурас 2022: 264).

Полагаем, что последние три примера подтверждают и релевантность для выбора феминной формы конструкции с определением *одна*. Дело в том, что норма, касающаяся атрибутивов при словах типа *врач*, диктует необходимость формы мужского рода и при обозначении женщин (*Марья Ивановна — хороший врач*). Иное дело синтагмы *один из...*, *одна из...*, выражающие семантику родо-видовых соответствий, где исходное числительное выступает в функции местоимения. Местоимения используются в соответствии с реальным полом (а не грамматическим родом). О женщине возможно только *одна лингвистка*; *один лингвист* — это о мужчине. То есть атрибут предопределяет выбор феминного варианта (при том, конечно, что возможно *одна из лингвистов*). Ср. в Википедии:

(13) Елѐна Ві́кторовна Па́дучева (26 сентября 1935 года, Москва — 16 июля 2019, там же) — **советский и российский лингвист, одна из крупнейших специалистов по русской и общей семантике**.

Ср. также:

(14) Падучева сама по себе была очень самостоятельным ученым, и Успенский не собирался ею руководить. Конечно, много было разговоров и обсуждений, но они были как бы на равных. Ну в смысле не на равных, потому что он всегда был начальником, но с научной точки зрения это была, конечно, полная автономия и равенство. Он ее **уважал как лингвиста** (Бурас 2022: 131).

Как видим, в тексте, посвященном первому в нашей стране отделению структурной лингвистики и изобилующем феминитивами типа *лингвистка*, в данном случае предпочтен немаркированный мужской род, поскольку именно он обеспечивает предельную обобщенность семантики. Ср. также:

(15) *А в качестве первого любопытного образца приведем мой ответ университетской **фонетичке**, добивавшейся от меня адекватной артикуляции английских гласных...* (Жолковский 2016: 157).

Вообще текст А. К. Жолковского хорошо иллюстрирует главное преимущество феминитивов — бóльшую точность при минимуме сегментных средств, что создает известное удобство (даже при том, что у этих форм остается сильный налет коллоквиальности):

(16) *Н. была исполнительницей мирового класса. <...> Дружба не замедлила расцвести. Мы стали ходить на дефицитные концерты, познакомились с ее мужем, матерью и **аккопаниаторшей**...* (Жолковский 2016: 111–112).

Текст нередко разворачивается от менее определенного (маскулинный вариант) к более точному и определенному обозначению (феминитив):

(17) *Они вошли, расставили аппаратуру, представились. Их было, помимо руководителя — автора сценария, четверо: **режиссер**, оператор, звукооператор и материально ответственное лицо. Сценарист задавал наводящие вопросы, проявляя хорошее знакомство с виньетками, **режиссер**, **симпатичная молодая женщина**, организовывала кадр и поправляла мне волосы, остроносый и остроглазый оператор снимал, звукорежиссер налаживал звук, материально ответственный товарищ молчаливо наблюдал за происходящим. <...> Сценарист был расположен ко мне заранее, **режиссерша** охотно смеялась, из оператора и звукооператора мне тоже удавалось выжимать смехи и улыбки* (Жолковский 2016: 80).

Интересно, как меняется выбор родового коррелята в зависимости от типа изложения — в несобственно-прямой речи и в собственно авторском повествовании:

(18) *Майенова посоветовала мне как-нибудь узаконить мой статус и для этого поговорить с **руководителем** советской делегации **Полиной Аркадьевной Соболевой**. Соболеву я немного знал как **соавторшу** и правую руку Шаумяна* (Жолковский 2016: 77–78).

Феминитив неизбежен при атрибутах, касающихся внешности:

(19) *Однажды, в ранней своей семиотической молодости, я брякнул кому-то из взрослых коллег, то ли **статной лингвистке** Н., чуть по-старше меня и **очень мне нравившейся**, то ли еще более зрелому востоковеду П., пользовавшемуся репутацией университетского гуру, а может, обоим сразу, что всякая там любовь и ревность — материи не столько реальные, половые, физические, сколько условные, символические, ритуальные* (Жолковский 2016: 167).

В последнем примере маскулинный вариант *лингвист* абсолютно невозможен и потому, что весь контекст мог приобрести превратный смысл. Ср. пример на эту же тему:

(20) *А в свое время я, выражаясь по-зощенковски, конечно увлекался одной лауреаткой* (Жолковский 2016: 110).

Не надо думать, что немаркированный мужской род вообще не используется А. К. Жолковским для наименования женщин. Хотя он действительно предпочитает феминитивы, обеспечивающие наибольшую точность (у него есть даже *главная советская скульпторша* и *народная художница СССР*, то есть он использует феминные корреляты в составе официальных званий (см. [Жолковский 2016: 78]), однако в сноске читаем: *Ольга Матич (Matich) — американский филолог* (Жолковский 2016: 126). То есть вне текста используется стандартный вариант (а от неточности относительно гендерных характеристик избавляет имя *Ольга*).

Таким образом, предпочтение феминитивов (что является относительно новым явлением, которое отчетливо обозначилось только в последнее десятилетие) как более точных номинаций в ряде случаев ограничивается синтагматическими параметрами. Эти же параметры (например, атрибут *один / одна*) предопределяют выбор коррелята, соответствующего гендерной характеристике.

5. Заключение

Давно установлено, что выбор морфологической формы диктуется не только денотативной соотнесенностью, но и синтагматическими условиями. Однако влияние третьей составляющей языкового знака — синтактики — редко где учитывается, кроме собственно синтаксиса. А между тем даже ставшие модными феминитивы функционируют в синтаксических конструкциях, для которых форма коррелята по роду не допускает вариативности. Из этого следует, что описание контекстов, предопределяющих условия предпочтения феминитивных или маскулинных обозначений, чрезвычайно важно для составления новой общей грамматики русского языка, для составления грамматики сочетаемости смыслов и в целом для экологической лингвистики.

Список литературы / References

- Акай О. М. Феномен грамматической лакунарности: когнитивный и лингвопрагматический аспекты: Монография. Р. н/Д: ЮФУ, 2020. [Akay, Oksana M. (2020) *Fenomen grammaticheskoi lakunarnosti: kognitivnyi i lingvopragmaticheskii aspekty: Monografiya* (The Phenomenon of Grammatical Lacunarity: Cognitive and Linguopragmatic Aspects: Monograph). Rostov-on-Don: SFEDU. (In Russian)].

- Аннушкин В. И. Каков язык, таково и общество // Культура. 2021. 25 февраля. С. 10–11. [Annushkin, Vladimir I. (2021) Kakov yazyk, takovo i obshchestvo (What Is the Language, so Is the Society). *Culture*, February 25, 10–11. (In Russian)].
- Антонова Е. Б. Проблемы внедрения феминитивов-неологизмов в языковую систему современного русского языка // Молодой ученый. 2020. № 26 (316). С. 227–233. [Antonova, Evgeniya B. (2020) Problemy vnedreniya feminitivov-neologizmov v yazykovuyu sistemu sovremennogo russkogo yazyka (Problems of Introducing Neologisms-Feminitives into the Language System of the Modern Russian Language). *Young Scientist*, 26 (316), 227–233. (In Russian)].
- Беленко В. Е., Вьюн М. А. Содержательное наполнение концепта «феминизм» в российской общественно-политической периодике // Экология языка: южнороссийский опыт межкультурной коммуникации: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (31 октября 2019 года) / М-во культуры Рос. Федерации; Краснодар. гос. ин-т культуры; сост. В. Ю. Новикова. Краснодар: Краснодарский государственный институт культуры, 2019. С. 8–18. [Belenko, Viktoriya E., & V'yun, Mariya A. (2019) Soderzhatel'noe napolnenie kontsepta «feminizm» v rossiiskoi obshchestvenno-politicheskoi periodike (The Content of the Concept of “Feminism” in the Russian Socio-political Periodicals). In Novikova, Valerita Yu. (ed.) *Ekologiya yazyka: yuzhnorossiyskiy opyt mezhkul'turnoy kommunikatsii: sbornik stat'ey Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (31 oktyabrya 2019 goda) / M-vo kul'tury Ros. Federatsii; Krasnodar. gos. in-t kul'tury; sost. V. Yu. Novikova (Ecology of Language: South Russian Experience of Intercultural Communication: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (October 31, 2019) / Ministry of Culture of the Russian Federation; Krasnodar State Institute of Art). Krasnodar: Krasnodar State Institute of Art, 8–18. (In Russian)].
- Беркутова В. В. Феминитивы в русском языке: исторический аспект // Филологический аспект. 2018. № 11 (43). С. 6–22. [Berkutova, Veronika V. (2018) Feminitivy v russkom yazyke: istoricheskii aspekt (Feminitives in Russian: Historical Aspect). *Filologicheskii aspekt* (Philological Aspect), 11 (43), 6–22. (In Russian)].
- Беркутова В. В. Феминитивы в русском языке: лингвистический аспект // Филологический аспект. 2019. № 1 (45). С. 7–26. [Berkutova, Veronika V. (2019) Feminitivy v russkom yazyke: lingvisticheskii aspekt (Feminitives in Russian: Linguistic Aspect). *Filologicheskii aspekt* (Philological Aspect), 11 (43), 7–26. (In Russian)].
- Бунамес Н. В. Андрогенность языка и проблемы синтагматики категории рода // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 382. С. 11–18. [Bunames, Natalya V. (2014) Androgennost' yazyka i problemy sintagmatiki kategorii roda (Androgyny of Language and Problems of Syntagmatics of the Gender Category). *Tomsk State University Journal*, 382, 11–18. (In Russian)].
- Бурас М. М. Лингвисты, пришедшие с холода. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2022. [Buras, Mariya M. (2022) *Lingvisty, prishedshie s kholoda* (Linguists Who Came from the Cold). Moscow: AST: Redaktsiya Eleny Shubinoi. (In Russian)].
- Гузаерова Р. Р. Провинциальная франтиха: формант -их(а) в номинативном поле словообразовательной категории феминитивности // Филология и культура. 2020. № 3 (61). С. 24–29. [Guzaerova, Regina R. (2020) Provintsial'naya frantikha: formant -ikh(a) v nominativnom pole slovoobrazovatel'noi kategorii feminitivnosti (Provincial Frantikha (frant – female): Formant -ikh (a) in the Nominative Field of the Word-formation Category of Femininity). *Philology and Culture*, 3, 24–29. (In Russian)].

- Гузаерова Р. Р., Косова В. А. Специфика феминитивов в современной русском медиа-пространстве // *Филология и культура*. 2017. № 4 (50). С. 11–15. [Guzaerova, Regina R., & Kosova, Vera A. (2017) Spetsifika feminitivov v sovremennoi russkom mediaprostranstve (The Specificity of Femininitives in the Modern Russian Media Space). *Philology and Culture*, 4 (50), 11–15. (In Russian)].
- Егорова Л. Г. Приемы речевого воздействия в современном региональном медиадискурсе // *Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова*. 2018. Вып. 43. С. 30–38. [Egorova, Lyudmila G. (2018) Priemy rechevogo vozdeistviya v sovremennom regional'nom mediadiskurse (Techniques of Speech Influence in Modern Regional Media Discourse). *LUNN Bulletin*, 43, 30–38. (In Russian)].
- Жолковский А. К. Выбранные места, или Сюжеты разных лет: виньетки, рассказы, эссе, статьи. М.: КоЛибри, Азбука-Артикус, 2016. [Zholkovskii, Aleksandr K. (2016) *Vybrannye mesta, ili Syuzhety raznykh let: vin'etki, rasskazy, ehsse, stat'i* (Selected Places, or Plots from Different Years: Vignettes, Short Stories, Essays, Articles). Moscow: KoLibri, Azbuka-Artikus. (In Russian)].
- Зауэр А. А. Феминитивы в русскоязычном интернет-пространстве // *Ученые записки Новгородского государственного университета*. № 2 (27). 2020. С. 2–12 [Zauehr, Anzhelika A. (2020) Feminitivy v russkoyazychnom internet-prostranstve (Femininitives in the Russian-speaking Internet Space). *Memoirs of NovSU*, 2 (27), 2–12. (In Russian)].
- Иванов Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия. Вопросы к будущему. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Ivanov, Vyacheslav Vs. (2004) *Lingvistika tret'ego tysyacheletiya. Voprosy k budushchemu* (Linguistics of the Third Millennium. Questions for the Future). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russian)].
- Иванова О. В. Ассоциативные связи лексических единиц в тексте // *Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова*. 2018. Вып. 44. С. 50–59. [Ivanova, Olga V. (2018) Assotsiativnye svyazi leksicheskikh edinit v tekste (Associative Links of Lexical Units in the Text). *LUNN Bulletin*, 44, 50–59. (In Russian)].
- Колесников Н. П. Толковый словарь названий женщин. Р. н/Д: Феникс, 2002. [Kolesnikov, Nikolay P. (2002) *Tolkovyi slovar' nazvanii zhenshchin* (Explanatory Dictionary of Women's Names). Rostov-on-Don: Feniks. (In Russian)].
- Копоть Л. В. Экспликация гендерных стереотипов в художественном дискурсе Е. Г. Водолазкина // *Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова*. 2020. Вып. 4 (52). С. 38–48. [Kopot', Liliya V. (2020) Eksplikatsiya gendernykh stereotipov v khudozhestvennom diskurse E. G. Vodolazkina (Explication of Gender Stereotypes in the Artistic Discourse of E. G. Vodolazkin). *LUNN Bulletin*, 4 (52), 38–48. (In Russian)].
- Мазикина Л. Малый справочник феминитивов. М.: Издательское решение, 2020. [Mazikina, Lilit. (2020) *Malyi spravochnik feminitivov* (Small Handbook of Femininitives). Moscow: Izdatel'skoe reshenie. (In Russian)].
- Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М.: Наука, 1999. [Panov, Mikhail V. (1999) *Pozitsionnaya morfologiya russkogo yazyka* (Positional Morphology of the Russian Language). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Попова Т. Г., Саушева Е. В. Факторы, влияющие на формирование национального характера // *Вестник Нижегородского государственного лингвистического универ-*

- ситета им. Н. А. Добролюбова. 2019. Вып. 45. С. 57–66. [Popova, Tatyana G., & Sausheva, Elena V. (2019) Faktory, vliyayushchie na formirovanie natsional'nogo kharaktera (Factors Influencing the Formation of National Character). *LUNN Bulletin*, 45, 57–66. (In Russian)].
- Пугачева Е. В. Феминитивы: неологическая картина (по данным словарей) // Русский язык: исторические судьбы и современность: VI Международный конгресс исследователей русского языка. (Москва, 20–23 марта 2019 г.). Труды и материалы. М.: МГУ, 2019. С. 88–89. [Pugacheva, Elena V. (2019) Feminitivy: neologicheskaya kartina (po dannym slovarei) (Feminitives: Geological Picture (According to Dictionaries). In *Russkiy yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost': VI Mezhdunarodnyy kongress issledovateley russkogo yazyka (Moskva, 20–23 marta 2019 g.). Trudy i materialy* (Russian Language: Historical Destinies and Modernity: VI International Congress of Researchers of the Russian Language (Moscow, March 20–23, 2019). Proceedings and Materials). Moscow: MSU, 88–89. (In Russian)].
- Секерина М. Е., Захарова Ю. Г. Феминитивы в языке блогов // Гуманитарные научные исследования. 2017. 4 (68). С. 372–377. [Sekerina, Mariya E., & Zakharova, Yuliya G. (2017) Feminitivy v yazyke blogov (Feminitives in the Language of Blogs). *Humanitarian Scientific Researches*, 4 (68), 372–377. (In Russian)].

Источники языкового материала / Language material resources

- Евсеев Б. Детоотступники // Литературная газета. 2022. № 26. С. 7. [Evseev, Boris. (2022) Detootstupniki (Child Offenders). *Literaturnaya gazeta* (Literary Newspaper), 26, 7. (In Russian)].
- Зайцев К. Итоги борьбы нанайских девочек // Завтра. 2022. № 16. С. 2 [Zaitsev, Kirill. (2022) Itogi bor'by nanaiskikh devochek (The Results of the Struggle of the Nanai Girls). *Zavtra* (Tomorrow), 16, 2. (In Russian)].
- Поляков Ю. Курс Путина спас страну, в Казани это лучше понимают, чем в Москве [Электронный ресурс] // Бизнес ONLINE. 2020. 25 июля. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/475905>. [Polyakov, Yury. (2020, July 25) Kurs Putina spas stranu, v Kazani eto luchshe ponimayut, chem v Moskve (Putin's Course Saved the Country, Kazan Understands This Better Than Moscow). *Business ONLINE*. Retrieved from <https://www.business-gazeta.ru/article/475905>. (In Russian)].
- Семибратова Е. Всегда ли хлебороб в почете? // Крестьянин. 2021. № 20. С. 2. [Semibratova, Elena. (2021) Vsegda li khleborob v pochete? (Is the Grain Grower Always Held in High Esteem?) *Krest'yanin* (The Peasant), 20, 2. (In Russian)].
- Туханина О. Держите свою фигу в кармане. Но не вынимайте! // Комсомольская правда. 2022. 20–27 апреля. С. 5. [Tukhanina, Olga. (2022) Derzhite svoyu figu v karmane. No ne vynimaite! (Keep Your Fig in Your Pocket. But Don't Take It out!). *Komsomol'skaya pravda* (Komsomol Truth), April 20–27, 5. (In Russian)].
- Черемных К. Эко невидаль // Завтра. 2022. № 15. С. 5. [Cheremnykh, Konstantin. (2022) Ehko nevidal' (No One Was Surprised by This). *Zavtra* (Tomorrow), 15, 5. (In Russian)].

УДК 8-81-2

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-59-3-33-48

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗНОСТИ
В ЯЗЫКЕ ФРАНЦУЗСКИХ СМИ
(на материале электронных СМИ, освещающих президентскую гонку
2022 года во Франции)**

П. Г. Логинова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

В статье исследуются языковые средства создания образности в современном языке французских газетных текстов политического содержания на примере авторитетных СМИ. Цель исследования — репрезентация образного компонента как когнитивного феномена языкового сознания о языке французской политической коммуникации на материале известных массмедиа, освещающих президентскую гонку 2022 года во Франции. Показано, что, благодаря присутствию образного компонента и процессу метафоризации в языке французских СМИ, посредством вербальных структур осуществляется модификация и управление в той или иной форме сознанием французского электората. При исследовании образного компонента значения применялись метод контекстуального анализа, метод интертекстуального анализа, метод интерпретации, а также описательный метод. Доказано, что образность является свойством языка французских газетных текстов. Подчеркивается, что метафора выступает своего рода информационным ресурсом, позволяющим транслировать информацию потенциальному избирателю в образной форме. Отмечается, что в публицистических текстах политического содержания эмоциональное воздействие на читателя осуществляется с помощью изобразительно-выразительных средств языка, а именно витиеватых метафорических конструкций, фразеологических оборотов и колоритных эпитетов, построенных на употреблении лексемы или сочетания лексических единиц в переносном значении. Имплицитно происходит формирование гражданской позиции реципиента касаясь политического контекста и действующих акторов политической арены (таких как Эммануэль Макрон, Марин Ле Пен, Жан-Люк Меланшон, Валери Пекресс и пр.), моделируется сознание потенциального электората. В той или иной форме авторы статей склоняют читателя на ту или иную сторону, звучит призыв голосовать за правое / левое крыло или же поддержать центристов, что представляется значимым в преддверии выборов президента страны. Практическая значимость работы заключается в возможности включения исследованных примеров лингвистических единиц в учебные материалы при изучении языка французской прессы и языка французской политической коммуникации на гуманитарных факультетах, где французский язык преподается как первый и второй иностранный, а также в рамках подготовки спецкурсов по сопоставительной лексикологии и фразеологии.

Ключевые слова: французская политическая коммуникация; медиалингвистика; метафорическое словоупотребление; фразеологический оборот; образный компонент.

Цитирование: Логинова П. Г. Лингвистические средства создания образности в языке французских СМИ (на материале СМИ, освещающих президентскую гонку 2022 года во Франции) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 3 (59). С. 33–48. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-59-3-33-48.

Figurality as a Dominant Feature in French Mass Media Covering the 2022 French Presidential Race (Based on Articles from “France 24”, “Le Point”, “L’internaute.com”, “Francetvinfo.fr”, “Europe1.fr”, “Le Parisien”)

Polina G. Loginova

Moscow Lomonosov State University, Moscow, Russia

The paper examines figurality and metaphorization in the language of modern French mass media that covered the French presidential race of April 2022, demonstrating the implementation of persuasive strategies aimed at shaping electors’ consciousness through use of metaphors and other figurative language. The aim of the research is to illustrate the significance of figurative language units such as fixed expressions, phraseological units, picturesque epithets, and exuberant descriptive words in the language of the French political discourse. The author concludes that figurality remains one of the fundamental characteristics of the language of French mass media and represents an integral feature of French political discourse. It is emphasized that through analyzing metaphors and other instances of figurality applied to the contemporary political framework in the language of French newspapers, one can uncover underlying strategies aimed at creating a certain picture of the world, clearly slanted towards a specific desirable end and thus implicitly influencing the readers’ vision and perception of the situation; therefore the significance of such figures of speech cannot be underestimated in the language of modern French political communication. The practical significance of the paper lies in potentially using its materials and conclusions for college-level electives in contrastive lexicology and contrastive phraseology intended for students majoring in French, philology, international journalism, political science, and diplomacy.

Key words: French political discourse; media linguistics; metaphorical word usage; phraseological units; image component.

Citation: Loginova, Polina G. (2022) Figurality as a Dominant Feature Mass Media Covering the 2022 French Presidential Race. *LUNN Bulletin*, 3 (59), 33–48. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-59-3-33-48.

1. Введение

Французское медиапространство представляет собой информационную платформу интернет-ресурсов, формирующую общественное сознание и транслирующую политические курсы и воззрения тех или иных акторов политической арены. В силу развитой древнейшей политической культуры, а также присутствия огромного количества разноплановых политических партий и течений французские газетно-публицистические тексты играют важнейшую роль в моделировании массового сознания. Формированию политического мировоззрения французской нации, в частно-

сти, способствовала идеология эпохи Просвещения (Колесникова 2022: 188). Один из главных постулатов идеологии Вольтера звучал следующим образом: «Осмелитесь мыслить самостоятельно», *Osez pensez par vous-même* (Там же).

Французские СМИ оказывают огромное влияние на формирование как французского, так и мирового общественного мнения. Их коммуникативная функция заключается в том, что они являются не только информатором, но и модератором мнения французского социума. Язык французских массмедиа, за редким исключением, идеологически мотивирован и содержит посыл для реципиента, призванный склонить индивида на свою сторону в плане поддержки того или иного политического курса или кандидата. Среди наиболее авторитетных старейших французских периодических изданий выделяются такие газеты, как *Le Monde*, *Le Figaro*, *La Libération*, *Le Parisien*, *Le Canard Enchaîné*, *Les Échos*, телеканал *France 24*, новостные сайты *Linternaute.com*, *Francetvinfo.fr*. Как правило, у каждого из СМИ имеется конкретный тип адресата, разделяющий политические идеи ультралевого характера или, наоборот, идеи ультраправого крыла. Языку французской газеты свойственен оценочный характер повествования — во всех изданиях прослеживается субъективное мнение автора или авторского коллектива, сквозь которое красной нитью транслируется позиция главного редактора. Примечательно, что даже в СМИ, позиционирующих себя как издания исключительно центристского толка, субъективная позиция главного редактора всегда ощущается.

Наравне с этим во Франции одной из ключевых функций средств массовой информации является моделирование имиджа политических деятелей и имиджа страны в целом, в том числе и на международной арене, что видится важнейшим фактором стратегических коммуникаций. Коммуникационная стратегия политиков в значительной степени реализуется при взаимодействии с прессой (интервью, статьи и пр.) Таким образом, влияние французских общественно-публицистических текстов на сознание реципиентов огромно: газетный / публицистический язык, отличающийся богатой метафорикой и стилистическим богатством, воздействует на когнитивно-языковые системы реципиентов, формируя отношение к той или иной общественно-политической реалии или политическому деятелю.

2. Характеристика материала и методов исследования

Анализируя французские газетно-публицистические тексты, представляется возможным исследование политического имиджа таких ключевых фигур французской политической арены, как избранный на второй президентский срок глава французского государства Эммануэль Макрон,

лидер ультралевых формаций, депутат Европарламента Жан-Люк Меланшон, глава партии «Непокорённая Франция», *La France Insoumise*, неизменный лидер ультраправых сил, председатель партии «Национальное объединение», *Le Rassemblement National*, Марин Ле Пен, а также лидер республиканцев Валери Пекресс. В ходе прошедшей президентской гонки во Франции в СМИ именно лингвистическим средствам создания политического имиджа отводилась огромная роль.

В настоящей работе, вслед за М. М. Бахтиным, язык периодического издания, так называемый «язык газеты» понимается как «особый род социальной деятельности, основной функцией которого является распространение знаний, идей, художественных ценностей и иной информации в целях формирования определенных взглядов, представлений и эмоциональных состояний, а через них оказание влияния и на поведение людей» (Бахтин 1986).

По мнению В. Г. Гака, французским общественно-политическим текстам свойственно «жанрово-стилистическое разнообразие», перевод так называемого «языка газеты» формирует навык «смыслового и ситуативного перевода» (Гак 2019: 4). Ученый считает, что именно газетные и журнальные статьи обзорно-теоретического характера, передовые статьи, книги политического содержания составляют общественно-политический вокабуляр французского языка, анализ которого, в частности, осуществляется в настоящей работе.

Г. Я. Солганик, в свою очередь, отмечает, что «язык СМИ, публицистика обогащают язык, насыщая речь оценочными оборотами, формируя отточенную речь мысли — язык политики, идеологии, развивая приемы и методы дискуссии, полемики» (Солганик 2003: 268). С. В. Слепцова же полагает, что «газетно-публицистический текст представляет собой дистантную форму коммуникативной деятельности институционального и когнитивного характера» (Слепцова, Толстолуцкая 2016: 179). То есть язык СМИ в значительной степени способствует моделированию гражданской позиции потенциального электората.

Объект настоящего исследования — язык французской политической коммуникации, репрезентируемый в аутентичных текстах французских СМИ политического содержания.

Предмет исследования — французские лингвистические единицы, а именно средства создания образности, извлеченные с сайтов таких изданий, как *Le Parisien*, *Le Monde*, телеканалов *France 24*, *Le Point*, *L'internaute.com*, *Francetvinfo.fr*, радиостанции *Europe1.fr*.

Материал исследования — языковые единицы создания образности, фигурирующие в языке французских массмедиа, а именно: метафоры, фра-

зеологические обороты, колоритные эпитеты, неологизмы, составляющие в том числе подзаголовки статей. Рассматриваемый временной отрезок — февраль–апрель 2022 года. Содержание рассмотренных статей отражает французский политический контекст президентской гонки во Франции в преддверии выборов 2022 года. Анализируемые материалы статей транслируют различные точки зрения их авторов (или коллектива авторов): от левоцентристских и глобалистских взглядов до идей ультраправой направленности. При исследовании образного компонента значения применялись методы контекстуального анализа, интертекстуального анализа, интерпретации, а также описательный метод.

Новизна работы обусловлена исследованием примеров образных компонентов, извлеченных из актуальных, аутентичных материалов современной французской прессы.

Актуальность исследования видится в необходимости анализа тенденций современной французской политической коммуникации в связи с президентскими выборами во Франции в 2022 году.

Подчеркнем, что под политической коммуникацией в рамках работы понимается, с одной стороны, «совокупность информационно-коммуникационных систем, используемых для информационного обеспечения политических процессов в обществе» (Минаева 2019: 9) и, с другой стороны, «процесс передачи политической информации, благодаря которому она циркулирует от одной части политической системы и между политической системой и социальной системой» (Шварценберг 1992: 174). Как отмечает М. В. Шатских, «одной из важнейших характеристик политического дискурса является интенциональность (или наличие цели) <...> Главная функция политического дискурса — побудительная, которая выражается в желании получить власть. Именно поэтому политический дискурс так богат различными языковыми элементами» (Шатских 2021: 97).

Французским газетно-публицистическим текстам, примеры из которых подвергнуты анализу ниже, свойственно отступление от нейтрального способа изложения материала — французской публицистике в целом свойственен образный компонент. Согласно Д. В. Попову, в целом «за последнее время публицистические тексты претерпели довольно серьезные изменения, причем связано это в первую очередь именно с основной задачей прессы — воздействовать на общественное мнение и при этом быть доступным “среднему”, а точнее — любому, вне зависимости от степени образованности и культуры, читателю. Следствием этого стало то, что публицистический стиль расширил границы норм, стал более демократичным, разговорным. Элементы эпатажа, шока, нарочито вульгарная речь, грубая

игра слов, смешение разных культурных традиций — новые черты языка газеты и телевидения» (Попов 2019: 146).

Следует отметить, что публицистический стиль не является однородным. Классически выделяются три жанра публицистического стиля: информационный, аналитический и художественно-публицистический. Как отмечает Д. В. Попов, к информационному жанру относятся «заметка, репортаж, интервью, отчет, к аналитическому — статья, комментарий, аналитический отчет, журналистское расследование, открытое письмо, обозрение» (Там же). В настоящей работе анализируются средства создания образности, свойственные аналитическому жанру публицистического стиля, так как все рассмотренные языковые примеры отражают современный французский политический контекст. Приводится оценка фактов и стремление автора донести свои воззрения до аудитории, для чего широко используются лингвистические средства создания образности.

Эмоциональное воздействие на реципиента в языке французской газеты осуществляется посредством использования авторами материалов образно-экспрессивных средств языка, а именно оборотов речи, базирующихся на употреблении лексемы или сочетания лексических единиц в переносном значении с целью акцентирования внимания на изобразительности и экспрессивности излагаемого материала, а также фразеологизмов. В настоящем исследовании понятие фразеологизма интерпретируется в широком смысле (см. учения В. В. Виноградова, Н. М. Шанского, В. Н. Телии). Под фразеологизмом понимается образное выражение, обладающее структурой предложения, а именно: пословицы, поговорки, крылатые слова, цитаты, афоризмы, изречения, клише, а также прецедентные тексты. Вслед за В. В. Виноградовым, думается, что «слово относится к действительности, отражает ее и выражает свои значения не изолированно, не в отрыве от лексико-семантической системы данного конкретного языка, а в неразрывной связи с ней, как ее составной элемент» (Виноградов 1977: 171).

Благодаря включению образных компонентов в тексты газетных статей политического содержания достигается своего рода эмоционально-эстетическое воздействие на сознание индивида. Немаловажная роль отводится также и колоритным подзаголовкам статей, изобилующим образными средствами эмоционального воздействия на читателя. Как отмечает Ю. Н. Глухова, «интригующие заголовки (*titres incitatifs*) направлены на то, чтобы подстегнуть любопытство читателя, вызвать у него желание узнать больше информации по заявленной тематике. Заголовки, содержащие метафору (*titres metaphors*), построены на игре стилистических эффектов и образов» (Глухова 2005: 10).

Метафора — основное средство создания образности в современном французском публицистическом тексте политического содержания. В данном случае под метафорой подразумевается, с одной стороны, «ментальная операция над концептуальными структурами (фреймами, слотами, концептами, сценариями), заключающаяся в проекции знаний из одной понятийной области в другую» (Будаев 2007), а с другой стороны, «основная ментальная операция, способ познания и категоризации мира: в процессе мыслительной деятельности аналогия играет не меньшую роль, чем формализованные процедуры рационального мышления. Обращаясь к чему-то новому, сложному, не до конца понятному, человек нередко пытается использовать для осмысления элементы какой-то более знакомой и понятной сферы» (Чудинов 2013: 12). Вслед за А. Адем мы полагаем, что «использование идей и принципов теории концептуальной метафоры позволяет выявить стоящие за словами и выражениями естественного языка модели мыслительного освоения действительности, форматы знания о мире» (Адем 2021: 10–11). С помощью колоритных метафорических словоупотреблений, содержащих образный компонент, в языке французской политической коммуникации осуществляется модификация политической модели социума, что представляется важным в период президентской кампании, в нашем случае — в период президентской гонки 2022 года.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Перейдем к анализу языковых примеров, извлеченных из отмеченных выше французских СМИ, содержащих образный компонент. Одним из ключевых факторов трансляции идеологических установок в языке французской общественно-политической коммуникации, в нашем случае — в языке СМИ, является оценочный компонент, что отражается на уровне языка. Таким образом, проскальзывает отношение автора материала к анализируемому объекту, ощущается некий подтекст, своего рода аллюзия. Таким образом, идеологические установки автора часто являются определяющими при выборе лингвистических средств выражения эмоций во французских газетных текстах политического содержания.

Как отмечалось выше, рассмотренные в работе лингвистические единицы отображают политический контекст во Франции в период предвыборной гонки 2022 года. В исследованных примерах фигурируют такие акторы французской политической арены, как Эммануэль Макрон, избранный президент, Марин Ле Пен, лидер французского ультраправого крыла, Валери Пекресс, кандидат в президенты от партии республиканцев (LR), а также Эрик Земмур, один из представителей правого крыла, лидер партии *Reconquête!*. В приведенных примерах прослеживается ожесточенная

борьба между указанными кандидатами за президентское кресло, что и образно репрезентируется на языковом уровне.

Перевод примеров осуществлён автором статьи, при необходимости в скобках приводится дословный перевод лексических единиц, исследуемые лексемы выделены полужирным. Осуществляя перевод, мы следуем за концепцией В. В. Сдобникова, полагая, что «перевод — это посредничество между представителями разных культур, переводчик должен обеспечить удовлетворение потребностей получателей перевода, осуществляющих определенную предметную деятельность <...> перевод осуществляется не в вакууме, а в определенной коммуникативной ситуации, в которой задействованы конкретные субъекты» (Сдобников 2022: 97). Согласимся в данной связи также с Р. М. Шамиловым, утверждающим, что «именно экстралингвистические факторы дают переводчику ориентир в том, какую стратегию перевода выбрать и, соответственно, какие действия тактического характера в рамках выбранной стратегии осуществить в данной коммуникативной ситуации» (Шамилов 2016: 112).

В преддверии президентских выборов во всех без исключения французских СМИ при анализе шансов того или иного кандидата занять пост президента республики отмечалось своего рода нагнетание обстановки, сгущение красок с целью иллюстрации драматичности происходящего. В текстах статей прослеживается скрытый призыв авторов материалов к потенциальным избирателям максимально серьезно отнестись к выборам президента и осознанно сделать выбор в пользу того или иного политического деятеля, что и проявляется на языковом уровне:

(1) *L'heure de vérité* approche pour les candidats à la présidentielle (France 24 2022a) / «Момент истины (дословно «час правды» — прим. П. Л.) все ближе к кандидатам на пост президента республики», — отмечает автор. Фразеологический оборот *l'heure de vérité* возможно отчасти соотносится с таким образным словосочетанием в русском языке, как «судный день». Выражение «момент истины» присутствует в русском языке с тем же значением.

Как уже было отмечено выше, субъективное отношение автора к политическому контексту практически всегда прослеживается в языке французских СМИ. Например, в той же статье автор демонстрирует свое отношение к правительству Макрона, употребляя следующий, по сути, неологизм, образованный от фамилии политического деятеля и обозначающий сторонников его политического курса: *inquiétant désormais la Macronie* (France 24 2022a), что переводится как «вызывая отныне беспокойство сторонников Макрона». В данной фразе образный компонент присутствует в составе неологизма.

Фигура видного политика Ж.-Л. Меланшона, бессменного лидера ультралевых формаций во Франции, также фигурирует в рассматриваемой статье. С целью обратить внимание на факт личного присутствия политика в г. Лилле для агитации своих избирателей и подчеркнуть значимость его выступления перед гражданами страны используется колоритный фразеологизм *être en chair et en os* / «быть собственной персоной», «лично присутствовать» (дословно «быть во плоти и костях» — прим. П. Л.):

(2) *Côté meetings, Jean-Luc Mélenchon renoue avec les images de synthèse de la campagne 2017: il sera en chair et en os sur une scène à Lille* (France 24 2022b) / «Что касается встреч с избирателями, Жан-Люк Меланшон не отступает от своей традиции 2017 года: он будет лично присутствовать на встрече в Лилле». Образный, метафорический компонент в составе фразеологизма приковывает внимание реципиента — реализуется изобразительная разновидность эстетической функции метафорического словоупотребления.

Цитируя кандидата в президенты Валери Пекресс, издание *Le Point* приводит ее высказывание, также содержащее фразеологизм и демонстрирующее желание В. Пекресс занять пост президента республики:

(3) *Il nous reste une semaine pour convaincre, pour renverser la table, a lancé de son côté Valérie Pécresse, en meeting dimanche à Paris* (Le Point 2022) / «“В нашем распоряжении остается всего лишь неделя, чтобы в корне изменить ситуацию, все переиграть”, — отметила со своей стороны Валери Пекресс в ходе встречи в Париже в воскресенье». Фразеологизм *renverser la table*, дословно означающий «перевернуть стол», переводится на русский язык словосочетанием «в корне изменить положение дел». Образный компонент в составе фразеологизма стилистически окрашивает речь Валери Пекресс, придавая эмоциональность и экспрессивность ее призыву.

В примере ниже, давая резко негативную оценку словам лидера партии экологов Янника Жадо в отношении бескомпромиссной позиции последнего касательно масштабного военного конфликта, разворачивающегося в настоящее время, автор использует следующий образный эпитет, содержащий ярко выраженный метафорический компонент, имеющий аллюзию на современный политический контекст:

(4) *Réponse cinglante de l'écologiste Yannick Jadot sur Twitter...* (France 24 2022a) / «Кровавый (в значении «жесткий» — прим. П. Л.) ответ лидера экологов Янника Жадо в Твиттере <...>». В данной фразе прослеживается субъективное, негативное отношение автора материала (коллектива авторов) к данной политической фигуре, иллюстрируемое одним лишь красноречивым эпитетом *cinglante* / «кровавый», употребленном в переносном значении.

В публикациях крупного новостного сайта *Linternaute.com* и сайта французского общественного информационного телеканала *Francetvinfo.fr* лингвистический интерес вызывают колоритные подзаголовки статей политического содержания, включающие образный компонент. Заголовочные конструкции, отражающие ключевые идеи журналистского материала, заключают в себе аллюзию. Аллюзия обогащает газетный текст, наряду с использованием метафорических конструкций в составе заголовка или подзаголовка статьи, и заставляет читателя домысливать. Цель привлекающих, бросающихся в глаза ярких подзаголовков — оказать на лингвистическом уровне наибольшее эмоциональное воздействие на реципиента (читателя) в преддверии выборов президента страны.

Рассмотрим заголовочные конструкции, построенные на базе метафоры:

(5) *L'irruption de Zemmour, le naufrage de Pécresse et Hidalgo* (Linternaute.com 2022) / «Прорыв Земмура, фиаско (поражение) Пекресс и Идальго» (дословно «кораблекрушение» — прим. П. Л.). Используя данный заголовок, автор статьи Фабьен Дабер намекает на то, что, в отличие от представителя правых, а именно новоиспеченного кандидата Эрика Земмура, у которого есть шансы на победу в президентской гонке, шансы на победу как у главы партии социалистов Анн Идальго, так и у лидера республиканцев Валери Пекресс ничтожно малы. Лексемы *'irruption* и *naufrage* употреблены в переносном смысле. Видоизменяясь вследствие метафорического употребления, в статье данные единицы языка приобретают иной стилистический окрас, обретая новую экспрессивную насыщенность.

В данной статье интерес вызывает также следующий фразеологизм, употребленный с целью иллюстрации безысходного положения Анн Идальго и демонстрации отсутствия у нее шансов на победу:

(6) *Le Parti socialiste était déjà au bord du gouffre* (Linternaute.com 2022) / «Социалистическая партия уже находилась в состоянии безысходности» (дословно «была на краю пропасти» — прим. П. Л.). Фразеологический оборот *être au bout de gouffre* входит в ряд популярных фразеологизмов, имеющих в своем составе лексему *bout* — «конец», что, в частности, подчёркивается в работах В. Г. Гака (Гак 2019). Образный компонент в составе фразеологизма используется автором статьи с целью подчеркнуть политическое фиаско Анн Идальго и абсурдность идеи выдвижения ее кандидатуры на пост президента страны.

Интересен также и образный подзаголовок, фигурирующий в статье автора Марго Дюгэ и содержащий такую метафорическую конструкцию, как *Le baiser de la mort* (Francetvinfo.fr 2022) (дословно «смертельный поцелуй» — прим. П. Л.). Приведем пример его употребления в статье. Любопытно употребление данного фразеологизма в составе одной фразы ря-

дом с другим фразеологическим оборотом, что свидетельствует о глубокой метафоричности французских газетных текстов политического содержания и практически постоянном присутствии в них образного компонента. Говоря о некорректном поведении Валери Пекресс по отношению к Эммануэлю Макрону, автор приводит слова политолога Эмильена Уар-Вияль, характеризующие поведение Валери Пекресс:

(7) “*C’est un peu le baiser de la mort*”, juge Emilien Houard-Vial. “*Il lui a planté un couteau dans le dos*”, renchérit Bruno Cautrès (Francetvinfo.fr 2022) / «“Это в каком-то роде смертельный поцелуй (Э. Макрону — прим. П. Л.)”, — считает Эмильен Уар-Вияль. “Она ему всадила нож в спину”, — углубляется в происходящее политолог Брюно Котрес». В русском языке существует такой же фразеологический оборот с аналогичной коннотацией. Образный компонент в составе фразеологизма усиливает эмоциональное воздействие на реципиента.

Рассмотрим еще один образный подзаголовок, фигурирующий в данной статье:

(8) *Tout cela fait un peu cour d’école* (Francetvinfo.fr 2022) / «Это похоже на какой-то детский сад» (дословно «школьный курс» — прим. П. Л.). Критикуя линию поведения Валери Пекресс, рассуждая о деятельности еще действующего президента Э. Макрона, автор статьи говорит о том, что тактика нападения со стороны В. Пекресс на Э. Макрона не более чем попытка самозащиты. Действия В. Пекресс характеризуются следующим образом:

(9) “*Foutaises, rétorque Roland Lescure, au fond, tout cela fait un peu cour d’école... L’essentiel est de faire les bonnes choses*” (Francetvinfo.fr 2022) / «Ерунда, — парирует Ролан Лескюр, — в глубине своей, по сути своей это все напоминает детский сад (в значении «непродуманные действия», «глупая тактика» — прим. П. Л.). Главное — действовать разумно».

Продолжая обсуждать противостояние В. Пекресс и Э. Макрона, автор приводит слова политолога Брюно Котреса, дающего следующую оценку действиям лидера республиканцев:

(10) *Le principal problème de Valérie Pécresse est de mettre des idées sur la table plutôt que de dire “il pique mes idées”* (Duguet 2022) / «Главная проблема Валери Пекресс заключается в том, что она выкладывает все как есть («раскрывает карты», дословно «кладет идеи на стол» — прим. П. Л.), вместо того чтобы просто сказать “он ворует мои идеи”» (имеется в виду Э. Макрона — прим. П. Л.). Образное выражение *mettre des idées sur la table* отчасти может соответствовать в русском языке словосочетанию «рубить правду-матку» в значении «говорить прямо, не боясь последствий».

Автор статьи Марго Дюргэ также приводит в пример Николя Саркози, который в 2007 году заимствовал некоторые идеи у партии «Национальный фронт» и не смог переизбраться на второй президентский срок пять лет спустя, в 2012 году. Используется очень интересный фразеологизм, придающий фразе образность:

(11) *En 2007, il a face à lui un Jean-Marie Le Pen avec beaucoup de casseroles et il a montré sa capacité à gouverner en tant que ministre de l'Intérieur* (Duguet 2022) / «В 2007 году он (Николя Саркози — прим. П. Л.) с большими трудностями противостоял Ж.-М. Ле Пену, показав тем не менее свою способность исполнять обязанности министра внутренних дел». Образное выражение *avec beaucoup de casseroles* представляется непростым для перевода. Прямое значение лексемы *casseroles* — «кастрюля», переносное — «неприятность». Необходимо отметить, что перевод подобных фраз в статьях политического содержания требует высокого уровня лингвистической компетенции и знаний французского языка на уровне C2 по европейской шкале.

Разберем примеры образных словосочетаний из старейшей французской газеты *Le Parisien*, также освещавшей предвыборную гонку 2022 года во Франции. В одной из статей идёт речь о бывшем президенте Франции Франсуа Олланде, который дал свою оценку шансам ультралевых формаций, а именно — их бессменному лидеру Жану-Люку Меланшону, главе партии «Непокоренная Франция», *La France Insoumise*, занять пост президента страны:

(12) *L'ex-chef de l'Etat répondait sur France Inter à un auditeur s'interrogeant sur la possibilité de redonner une visibilité à la gauche en votant au premier tour de la présidentielle pour Jean-Luc Mélenchon* (Le Parisien avec AFP 2022) / «Бывший президент республики в своем интервью Франс-Интер ответил слушателям на вопрос касавшего возможности дать левым шанс укрепить свои позиции в стране (дословно «вновь сделать левых видимыми», «обозримыми» — прим. П. Л.), проголосовав в первом туре президентских выборов за Жана-Люка Меланшона». Автор образно использует словосочетание *redonner une visibilité* с целью эстетизации текста статьи. Метафора выступает в данном контексте как средство украшения языка, реализуется ее эстетическая функция как когнитивного феномена.

Рассуждая о кандидатуре Жана-Люка Меланшона, Ф. Олланд говорит о нем как о «бесполезном» президенте:

(13) *Ce ne serait pas utile d'avoir un président qui mettrait de part et d'autre de la table la Russie et les pays démocratiques* (Le Parisien avec AFP 2022) / «Бесполезным было бы иметь президента, изолирующего Россию от других демократических стран (дословно «который ставил бы по разные

части стола Россию и демократические страны» — *прим. П. Л.*)». С целью продемонстрировать непоколебимую позицию Ж.-Л. Меланшона и проиллюстрировать отсутствие политической «гибкости» у лидера ультралевых, Ф. Олланд образно использует устойчивое словосочетание *mettre de part et d'autre* — «жестко разделять». Отметим, что фразеологизмы, имеющие в составе лексему *mettre*, весьма многочисленны и часто используются в языке французской газеты.

Интересны примеры метафорических словоупотреблений также в статье, опубликованной на сайте радиостанции *Europe 1*. В материале подвергается критике визит Э. Макрона в Москву за три месяца до президентских выборов. Приводятся слова лидера правых формаций Марин Ле Пен, ожесточенного противника Э. Макрона:

(14) “*Macron est arrivé comme le petit télégraphiste de l’Otan*”, *tacle Marine Le Pen* (Europe1 2022) / «“Макрон прибыл (в Россию — *прим. П. Л.*), как военный телеграфистик НАТО”, — уничижительно называет Э. Макрона Марин Ле Пен». Именуя Э. Макрона *le petit télégraphiste de l’OTAN*, «военным телеграфистиком НАТО», Марин Ле Пен всячески старается подчеркнуть свое негативное отношение к политику, его двуличность и приверженность идеям Североатлантического альянса. В статье прослеживается также и субъективная позиция автора по отношению к данному визиту Э. Макрона:

(15) *L’accueil proposé par Vladimir Poutine a été “d’une froideur qui n’a échappé à personne”* (Europe1 2022) / «Приём, оказанный В. Путиным (Макрону — *прим. П. Л.*), был настолько холодным, что все это заметили». Употребление автором метафоры в данном контексте, а именно лексемы *froidueur* («холодность», «бесчувственность») имеет своей целью эмоциональное воздействие на реципиента, прослеживается стремление автора сделать акцент на том, как прохладно, с его точки зрения, В. В. Путин встретил Э. Макрона.

4. Заключение

Во французских газетно-публицистических текстах образный компонент в составе фразеологизмов и прочих метафорических конструкций играет огромную роль. Благодаря наличию образного компонента реализуется коммуникативная, популяризаторская и эстетическая функции метафоры. В равной степени представляется возможным говорить и об экспрессивном потенциале образного компонента в текстах французских изданий политического содержания: происходит усиление эмоционального воздействия на реципиента, имплицитно осуществляется попытка моделирования позиции читателя, а также его мнения касемо той или иной поли-

тической фигуры, что особенно важно в преддверии выборов президента страны. Устанавливается необходимый контакт с аудиторией и потенциальным электоратом, формируется точка зрения реципиента в нужном автору ключе в зависимости от политической линии СМИ, транслирующих идеи ультраправого, ультралевого крыла или позицию центристов. Таким образом, роль французских электронных массмедиа как ключевых в настоящее время средств массовой информации в формировании общественного мнения в период прошедшей президентской гонки во Франции сложно переоценить. Благодаря образному компоненту, в том числе фразеологизмам, прецедентным феноменам, статья политического содержания приобретает неповторимый колорит — яркие, замысловатые заголовки, порой состоящие только из фразеологического оборота, приковывают взгляд читателя, то есть потенциального избирателя. Как отмечает . С. Трофимова, «использование прецедентных феноменов привносит множество дополнительных смыслов, которые невозможно интерпретировать без соответствующих фоновых знаний» (Трофимова, Телегуз, Фомин 2021). Образные, бросающиеся в глаза эпитеты, метафорические употребления языковых единиц, содержащие аллюзию, заставляют читателя домысливать изложенное в статьях политического содержания и, как результат, способствуют формированию гражданской позиции.

Список литературы / References

- Адем А. Семантические преобразования лексемы «дружба» в моделях концептуальной метафоризации // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 3 (55). С. 9–22. [Adem, Aru. (2021) Semanticheskie preobrazovanija leksemy «družba» v modeljah konceptual'noj metaforizacii (Semantic Transformations of the Lexeme “Družba” (“Friendship”) in the Conceptual Metaphor Models). *LUNN Bulletin*, 3 (55), 9–22. (In Russian)].
- Бахтин М. М. Проблема текста [Электронный ресурс] // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. URL: http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_text.htm (дата обращения: 12.06.2022). [Bahtin, Mikhail M. (1986) (2022, June 12) Problema teksta (Problems of a Text). In Bahtin, Mikhail M. *Estetika slovesnogo tvorchestra* (The Aesthetics of Verbal Creativity). Moscow: Iskustvo. Retrived from http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_text.htm. (In Russian)].
- Будаев Э. В. Политическая метафора в лингвокультурологическом аспекте // Аналитика культурологии. 2007. № 3 (9). С. 28–32. [Budaev, Eduard V. (2007) Politicheskaja metafora v lingvokul'turologicheskom aspekte (Political Metaphor in a Linguocul-turological Aspect). *Analitika kul'turologii* (Analytics of Culturology), 3 (9), 28–32. (In Russian)].
- Виноградов В. В. Лексикология и лексикография. Избранные труды. М.: Наука, 1977. [Vinogradov, Vladimir V. (1977) *Leksikologija i leksikografija. Izbrannye Trudy*

- (Lexicology and Lexicography: Selected Works). Moscow: Nauka, 1977. (In Russian)].
- Гак В. Г., Григорьев Б. Б. Теория и практика перевода: Французский язык. Учебное пособие. Изд. 12-е. М.: ЛЕНАНД, 2019. [Gak, Vladimir G., & Grigor'ev, Boris B. (2019) *Teorija i praktika perevoda: Francuzskij jazyk. Uchebnoe posobie. Izd. 12-e.* (Theory and Practice of Translation: the French Language. A Coursebook. 12th ed.). Moscow: LENAND, 2019. (In Russian)].
- Глухова Ю. Н., Фролова И. В. Язык французской прессы. Introduction à la presse française: Учеб. пособие для студентов, обучающихся по направлению «Филол. образование». Москва: Высш. шк., 2005. [Gluhova, Julia.N., & Frolova, Irina V. (2005) *Jazyk francuzskoj pressy. Introduction à la presse française: ucheb. posobie dlja studentov, obuchajushhihsja po napravleniju "Filol. obrazovanie"* (Language of French Press. Introduction à la presse française: a Coursebook for Students of "Philology" Education Program). Moscow: Vyssh. shk. (In Russian)].
- Минаева Л. В. Речь в мире политики: Монография. М.: Аспект Пресс, 2019. [Minaeva, Lyudmila V. (2019) *Rech' v mire politiki: Monografija* (Speech in the World of Politics: Monograph). Moscow: Aspekt Press. (In Russian)].
- Переговоры в межкультурном контексте: Учеб. пособие / Под ред. Н. Л. Колесниковой. Москва: КУРС, 2022. [Kolesnikova, Nataliya L. (ed.) (2022) *Peregovory v mezhkul'turnom kontekste: uchebnoe posobie* / (Negotiations in the Intercultural Context: a Coursebook). Moscow: KURS. (In Russian)].
- Попов Д. В. Выразительные средства в публицистическом тексте // Вестник Курганского государственного университета. 2019. № 1 (52). С. 146–147. [Popov, Dmitry V. (2019) *Vyrazitel'nye sredstva v publicisticheskom tekste* (Means of Expression in a Publicistic Text). *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1 (52), 146–147. (In Russian)].
- Сдобников В. В. Перевод и лингвистическая безопасность // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 1 (57). С. 93–108. [Sdobnikov, Vadim V. (2022) *Perevod i lingvisticheskaja bezopasnost'* (Translation and Linguistic Security). *LUNN Bulletin*, 1 (57), 93–108. (In Russian)].
- Слепцова С. В., Толстолуцкая Е. В. Выражение намека посредством метафоры в заголовках политических статей (на материале французской публицистики). Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 7 (172). С. 179–183. [Slepцова, Svetlana V., & Tolstoluckaja, Evgeniya V. (2016) *Vyrazhenie nameka posredstvom metafory v zagolovkah politicheskikh statej (na materiale francuzskoj publicistiki)* (Expression of Allusion by means of Metaphor in the Headlines of Political Articles (on the Material of French Press)). *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 7 (172), 179–183. (In Russian)].
- Солганик Г. Я. Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учеб. пособие. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2003. [Solganik, Gigory Ja. (2003) *Jazyk SMI kak ob'ekt mezhdisciplinarnogo issledovanija: uchebnoe posobie* (Massmedia Language as an Object of Interdisciplinary Research: a Coursebook). Moscow: Lomonosov Moscow State University. (In Russian)].
- Трофимова Е. С., Телегуз А. А., Фомин А. Г. Лингвопрагматические особенности креолизованных текстов военно-политического дискурса // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 4 (56). С. 87–107. [Trofimova, Elizaveta S., Teleguz Anna A., & Fomin,

- Andrey, G. (2021) *Lingvopragmaticcheskie osobennosti kreolizovannyh tekstov voenno-politicheskogo diskursa* (Linguistic Peculiarities of Creolized Texts in Military-Political Discourse). *LUNN Bulletin*, 4 (56), 87–107. (In Russian)].
- Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии: Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. [Chudinov, Anatoly P. (2013) *Ocherki po sovremennoj politicheskoy metaforologii: Monografija* (Essays on Modern Political Metaphorology: Monograph). Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t. (In Russian)].
- Шамилов Р. М. Экстралингвистические факторы специального перевода: коммуникативно-функциональный подход // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 4. С. 108–112. [Shamilov, Raviddin M. (2016) *Jekstralingvisticheskie faktory special'nogo perevoda: kommunikativno-funkcional'nyj podhod* (Extralinguistic Factors of Specialised Translation: Communicative and Functional Approach). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 4, 108–112. (In Russian)].
- Шатских М. В. Метафора как базовый компонент эмоционального пространства текстового материала // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 2 (53). С. 96–111. [Shatskih, Marina V. (2021) *Metafora kak bazovyj komponent jemocional'nogo prostanstva tekstovogo materiala* (Metaphor as Basic Component of the Emotional Space of Texts). *LUNN Bulletin*, 2 (53), 96–111. (In Russian)].
- Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология: в 3 ч. М.: Российская академия управления, 1992. Ч. 1. [Schwartzenberg, Roger -G. (1992) *Politicheskaja sociologija. V 3 ch.* (Political Sociology. In 3 Parts.). Moscow: Rossijskaja akademija upravljenja, 1992. Part.1. (In Russian)].
- Dabert, Fabien. (2022, April 28) *Résultat présidentielle 2022: scores et bilan de l'élection*. *Linternaute.com*. Retrieved from <https://www.linternaute.com/actualite/politique/2353975-resultat-presidentielle-2022-macron-sacre-percee-de-le-pen-irruption-de-zemmour-ce-qu-il-faut-retenir/#date>. (In French).
- Duguet, Margaux. (2022, March 19) *Présidentielle 2022: le “procès en imposture” intenté par Valérie Pécresse à Emmanuel Macron peut-il payer ?* *Francetvinfo.fr*. Retrieved from https://www.francetvinfo.fr/elections/presidentielle/presidentielle-2022-le-proces-en-imposture-intente-par-valerie-pecresse-a-emmanuel-macron-peut-il-payer_5024546.html. (In French).
- En meeting, Pécresse appelle à “renverser la table”. (2022, April 3) *Le Point*. Retrieved from https://www.lepoint.fr/politique/en-meeting-pecresse-appelle-a-renverser-la-table-03-04-2022-2470745_20.php. (In French).
- Macron est arrivé comme le petit telegraphiste de l'OTAN. (2022, February 9) *Europe1*. Retrieved from <https://www.europe1.fr/politique/ukraine-macron-est-arrive-comme-le-petit-telegraphiste-de-lotan-tacle-marine-le-pen-4092751>. (In French).
- Présidentielle: Hollande juge que Mélenchon serait un président “pas utile”. (2022, March 9) *Le Parisien avec AFP*. Retrieved from <https://www.leparisien.fr/politique/presidentielle-hollande-juge-que-melenchon-serait-un-president-pas-utile-09-03-2022-RS57LGZYHFEF7E2NJYMYEE43BQ.php>. (In French).
- Présidentielle: dernière semaine de campagne pour les candidats (2022a, April 4). *France 24*. Retrieved from <https://www.france24.com/fr/france/20220404-présidentielle-dernière-semaine-de-campagne-pour-les-candidats>. (In French).
- Présidentielle: dernière semaine marathon pour les candidats (2022b, April 4). *France 24*. Retrieved from <https://www.france24.com/fr/info-en-continu/20220404-présidentielle-dernière-semaine-marathon-pour-les-candidats>. (In French).

УДК 81'42:81'27:81'22

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-59-3-49-63

DISCURSIVE MANIFESTATION OF CORPORATE IDEOLOGY THROUGH CULTURAL CODES OF TELEVISION COMMERCIALS

Rimma M. Mindiaxmetova

M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Russia

It is generally assumed that corporate communications fall into two groups: public relations activities and product advertising. However, a close examination of companies' advertising campaigns shows that in real practice such differentiation hardly exists, since information concerning any given company can be traced in its advertising of its products. This provides an impetus to examine this issue from the linguistic angle. With this goal, the author utilizes an interdisciplinary approach that combines linguaculturalological and semiotic methods. This approach provides a fresh outlook on commercials as semiotic texts, interpretation of which brings out meanings related to the company's philosophy. A case study of car commercials featured in the American television broadcast of the Super Bowl reveals a number of means used for conveying corporate values through advertising. Sense perception of advertising signs depends on the co-text of the commercial and the context of the whole corporate discourse. Television commercials are multimodal texts that consist of verbal and multiple non-verbal code systems, and overlapping of these code systems within a videotext results in interaction of cultural codes in the addressee's mind, which then produces meanings that hint at the company's creed. The paper expands theoretical knowledge about text encoding / decoding: while elucidating the way cultural meaning routes the process of interpreting advertising discourse, it presents an in-depth exploration of how codes and signs intersect in a person's mind when they apprehend the surrounding reality. It also outlines prospects for future analysis and taxonomy of possible code combinations that better convey ideological meanings in product advertising. The practical significance of the study lies in that its results may be used for improving techniques of writing advertising messages.

Key words: advertising; cultural codes; hint; corporate ideology; values.

Citation: Mindiaxmetova, Rimma M. (2022) Discursive Manifestation of Corporate Ideology through Cultural Codes of Television Commercials. *LUNN Bulletin*, 3 (59), 49–63. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-59-3-49-63.

Дискурсивная реализация корпоративной идеологии в культурных кодах телевизионного ролика

Р. М. Миндияхметова

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
Уфа, Россия

По общему признанию в корпоративных коммуникациях компании выделяют два основных блока: корпоративный пиар и (товарную) рекламу. Однако при более внима-

тельном рассмотрении рекламных кампаний фирмы становится очевидным тот факт, что на практике такое разделение едва ли существует, поскольку информация о ценностях, целях, миссии и социальной ответственности фирмы так или иначе высвечивается в рекламе продукции компании. Это наблюдение послужило импульсом для того, чтобы затронуть проблематику корпоративной рекламы с лингвистической позиции. Достижение поставленной цели предполагает применение междисциплинарного подхода, сочетающего лингвокультурологические и семиотические методы. Такой ракурс позволяет по-новому взглянуть на видеоролики как семиотические тексты, интерпретация которых выводит адресата на смыслы, связанные с философией организации. На материале автомобильной рекламы, транслируемой во время проведения чемпионата национальной футбольной лиги США *Super Bowl*, выявляется специфика процесса актуализации корпоративных ценностей в рекламе. Смысловое восприятие знаков видеосообщения зависит от ко-текста ролика и контекста всего корпоративного дискурса. Телевизионный ролик представляет собой поликодовый текст, сформированный вербальной и многообразием невербальных кодовых систем, наложение которых в пределах видеотекста влечёт взаимодействие культурных кодов в сознании адресата, порождая намёк на идеологию компании. Теоретическая ценность работы заключается в углублении знания о вопросах кодирования и декодирования текста. Пролитывая свет на роль культурных смыслов в маршрутизации смысловой интерпретации рекламного сообщения аудиторией, исследование даёт возможность всесторонне изучить, как протекают процессы пересечения различных знаков и кодов культуры в сознании адресата в ходе познания, категоризации и оценивания окружающей его действительности. Дальнейшая перспектива анализа видится в выделении и таксономии возможных кодовых комбинаций, способных наиболее эффективно передать идеологические смыслы в рекламе продукта. Практическая ценность работы заключается в возможности использования её результатов для улучшения техники написания рекламных сообщений.

Ключевые слова: реклама; культурные коды; намёк; корпоративная идеология; ценности.

Цитирование: Миндияхметова Р. М. Дискурсивная реализация корпоративной идеологии в культурных кодах телевизионного ролика // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 3 (59). С. 49–63. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-59-3-49-63.

1. Introduction

In order to survive in a competitive market, every company strives to create its own unique culture as a set of assumptions, values, and ways of solving problems, which was formed during the history of the company's development and has the tendency to show up in different material forms and in personal behavior (Harris, Nelson 2007: 469). The core of this culture is formed by values that are broad tendencies to prefer certain states of affairs over others. Values are feelings with an added arrow indicating a plus and a minus side (Hofstede 2010: 7, 9). A textual embodiment of its core values, or corporate ideology, is usually found in the company's mission statement: a corporate text that fosters unanimity of purpose within an organization. The extent to which it does so depends on its ability to excite, inspire, and motivate those who are expected to

participate in its pursuit (Klemm, Sanderson, Luffman 1991: 73). Briefly outlining the company's goal, its mission statement is thought to be a high-rated management tool serving the necessity of planning daily routine. The idea behind the company's mission must always be continued in its advertising. Naturally, in comparison to a slogan, the mission statement provides a more sophisticated understanding of the company's goal which is further explained in corporate documents: its code of ethics, its annual reports, its CEO's addresses and messages, etc. It is widely believed that these corporate texts circulate only within PR-type communications, and therefore most scholars, especially Russian journalists, claim that such texts have nothing to do with advertising. In English-speaking countries, institutional and product advertising, though united into one term, are also opposed. However, in real practice such differentiation is hardly possible, as commodity advertisement always spreads the word about corporate activities, social responsibility, and philosophy of the firm (Khasanova 2014; Mindiakhmetova 2018). To draw a demarcation line between these two branches means to negate the company's identity as a social mechanism of its community's progress. Even PR practitioners and professionals are yet to reach consensus on this question, and it is for this reason that we propose that these two spheres of corporate communications are closely related to each other, and one can't survive without the other. The only difference between them is that advertising is paid media, while public relations is earned media where you have to convince reporters or editors to write a positive story about you or your brand. The story has more credibility because it was independently verified by a trusted third party rather than purchased (Wynne 2014). As can be seen, a company's PR strategy is subject to its marketing goals. It caters for a discerning consumer who seeks advice as well as sufficient and more profound knowledge about the company from a trustworthy source. At the same time, PR communication doesn't reach as broad an audience as advertising does. Not every potential consumer asks for documented endorsement when the question is whether to buy Pepsi or Coke. His choice has already been made as a result of inevitable contact with media. Aggressive advertising so deeply penetrates the consumer's life that they are unable to resist it and can't help appropriating its implicit meanings. That's why companies constantly, whether explicitly (by means of public relations) or implicitly (in advertising), underline their mission and guiding principles with the overarching goal of promoting their goods. This position may well spark further discussions as well as trigger criticism; however by separating advertising and PR we are simply trying to look at the matter from a linguistic perspective, moving from searching for "the simple" towards challenging "the complex" (Weigand 2004: 3), and to examine how a company's reputation is re-

flected in advertising texts. The purpose of our investigation is to describe the process of encoding corporate information in commodity advertising.

2. Material and Methods

The research is based on American car commercials, and its relevance is clear from the current sparsity of academic literature on the subject of textual realizations of corporate ideology in advertising, even though over the last few decades they have become a powerful means of indirect impact in the American advertising world. We will analyze the reflection of corporate values in TV commercials, visual images of which can convey cultural ethics and typecasts (Scollon and Scollon 2003: 91) in action, enhancing the general meaning of the message either by adding or changing the meaning of verbal language signs. Television advertising reaches a very large audience in a very short time span and remains a major type of media communication that maintains and renders cultural and ethical traditions of a community (Yegorova 2018: 37). Comprising verbal and nonverbal means of expressing meaning, a commercial provides more opportunities to tap into the subject indirectly, avoiding explicit expressions of what is implied. Undying interest towards commercials from car manufacturers is driven by the truly revolutionary role of the car in America: the automobile transformed the people and the land as no other technology during the twentieth century (Heitmann 2009: 9).

The nature of the subject of our study — linguistic realizations of corporate ideology — calls for a multidisciplinary approach that combines semiotic and linguaculturological analyses and incorporates insights from social and corporate studies. Such interdisciplinarity expands our overall view of human interaction by paying attention to research carried out in other fields and enables us to obtain a more comprehensive picture of the object under scrutiny (Mustajoki 2012: 217). It grants researchers an opportunity to piece together theory, interpretation, and practice in the study of language and language processes (Kolosova, Korobova, Ukhanova 2018: 40). Semiotic analysis assumes that the meanings of commercials are designed to “move” from the screen in order to shape and lend significance to our experience of reality. We are encouraged to see both ourselves and the products or services which are advertised as well as various aspects of our social world in terms of mythic meanings which commercials draw on and help to promote (Bignell 2002: 30). In other words, every sign in the discourse space represents something that is not equal to the sign. Thus, the study is based on the assumption that communication is the simultaneous process of encoding and decoding. It means constant switching from meanings towards connotations, from meanings expressed via visuals and words to the implicit content of deep sense space. Thus discursive representation of corporate

culture should be examined from the positions of culturally oriented linguistics that supplies a researcher with a more precise understanding of the cultural values upheld in particular language communities (Peeters 2017: 507). This objective dictated our choice of the following methods:

1) sense interpretation as a basic linguistic strategy, aimed at reconstructing the sense of the text through analyzing the external manifestation of its content;

2) contextual analysis, which offers deeper insights into why a sign within the discourse carries a specific sense, often different from its meaning;

3) linguaculturological commentary, aimed at identifying national specificity of verbal and nonverbal units of the text;

4) definitional analysis of verbal signs as indicators of different codes, which must be and may be deciphered by means of instruments available in linguistics (Goddard, Wierzbicka 2014: 2), including lexicographic dictionaries and other sources that provide information of encyclopedic character.

We proceed from the premise that any text of a given culture communicates with the reader via languages of culture, or cultural codes. A universal object and instrument of analysis within the diversity of the cultural code in human sciences turns out to be an appropriate linguistic tool that can help clarify the matter. There are many definitions of the cultural code given from various positions that reveal different aspects of this multifaceted phenomenon (Baryshev, Sdobnikov 2020: 19). Given the plurality of opinions on cultural code, it seems advisable to propose a working definition relevant to the objectives of this research. We hold that cultural code is a set of code systems of verbal and nonverbal nature, units of which convey meanings that are bound to the co-text and the cultural context simultaneously. The co-text is the immediate or the textual environment of the sign. This deals with the conceptual information of the commercial, the unfolding of its theme in a succession of movie scenes. The cultural context as a wide sense field of cultural models (beliefs, values, assumptions, etc.) puts advertising texts (commercials) into the discourse space of the company's advertising and supports the latter's correlation with other discursive practices of the addressee. Through this interplay of prior context and actual situational context, individual and social factors of communication are intertwined (Kecskes 2014: 133), generating the unending string of sense in human conscience. This makes it possible to embed information of any kind in advertising texts.

For our analysis, we chose car commercials that were broadcast during the Super Bowl, one of the most watched sporting events not only in the US but also around the world. In view of the high cost of Super Bowl commercials, it is expected that manufacturers will definitely try to do their best to make a good

show, so it is no wonder that Super Bowl commercials have become a cultural phenomenon in their own right, as many viewers only watch the game to see the commercials (Siltanen 2014).

We see commercials as units of corporate discourse, sense interpretation of which depends on senses of other blocks of corporate communications. By stressing the discursive nature of a commercial, we assert that *its real sense is realized only in discourse*. As Agnes He rightly notes: “To imagine a world without discourse is to imagine a world without language and therefore to imagine the unimaginable” (He 2003: 428).

3. Results and Discussion

Structurally, culture is a two-level system of signs and codes of non-material and material worlds. Accordingly, cultural codes are divided into two large groups: codes of physical nature (artifacts) and a wide range of cultural codes related to the mentality of a linguaculture. The latter display the role of rules and instructions that are used by an individual within a specific culture to interpret visual signs.

Reflecting dominant values and tastes of mass audience, advertising always implements the most fashionable, up-to-date strategies of influence. In this respect, it is worth pointing out the growing tendency to engage the image code of an intermediary who may communicate various aspects of corporate culture. In Volvo XC90 hybrid plug-in SUV commercial (The Volvo XC 90: Drive the Future) children symbolize 1) the company’s future orientation value (“*For their future; From now on, every new Volvo model will be electrified*”) and 2) care for the young (“*The car you trust to protect them*”). Furthermore, the well-known Major Lazer’s lyrics emphasize the company’s concern about children (“*We all need someone to lean on*”). The usage of a precedent sign makes the message more convincing. An appeal to recognizable images of special significance for a given society helps to explain new complex concepts and to set an evaluative vector (Pavlina 2017: 49). Thus, sense interpretation of the commercial is based on the interaction of three code systems: the hero, the song, and the language.

Speaking about intermediaries, it is worth mentioning celebrities whose image is used by a brand thus maximizing its impact upon customers. Admittedly, much depends on the emotional congruence of a given celebrity with the mass culture. A celebrity that better fits a given commercial imbues the brand with more positive connotations, like Daniel Craig in the Range Rover Sport commercial (Daniel Craig reveals the all-new Range). The actor’s involvement in charity implies that the company is committed to social welfare. In addition, the commercial’s slogan hints that the company blends rich traditions of British

automaking and new technologies in the production of its legendary vehicles (*"Driven to another level"*).

Another essential sign of commercial discourse that concentrates core brand values is a logotype. Desobjectivation of this sign identifies the combination of codes, interaction of which makes it possible to convey ideological sense. The most common code combination is color code + zoomorphic code. Color conscience of an addressee is considered to be a major factor in a logo's perception. Since cultures have diverse interpretations of colors, and colors have governmental, shared, or even marketable indexical beliefs (Gorn, Dahl, Chattopadhyay 1997), color code may become an effective means of ideological impact. Besides, as every ethnos is characterized by certain color preferences, color code in a company logo reflects the national specificity of corporate ideology. Indeed, the national culture of a linguaculture permeates nearly every aspect of corporate life. Resemblance of the most preferred signs of a given code system in commercials of companies originated from one country bears testimony to this conclusion. Not surprisingly, the most popular color for American car logos is blue. As a universal symbol of peace, tranquility, and harmony, the blue color changes its meaning within the context of the American business culture, where it renders the concepts of stability, trust, and loyalty: *true blue: US a true blue supporter of something is someone who is very loyal and reliable* (Collins Online Dictionary). For more than a century Ford's blue logotype has explicated the company's commitment to its customers. This message has been declared in the *Ford Built Together* commercial (*"Built Together. Built for America. Ford"; "Everything we do is driven by you"*). Moreover, as a sign of the national flag blue proposes the idea of patriotism (*"We met over a century ago, this country and this company. We've seen tough times. But we've learnt that we are better when we come together"*), which conveys the sense of *togetherness* as the value that boosts team spirit. Also, the blue color alludes to such vital values of American culture as competition, achievement, and success (*"Employing more US hourly workers than any other automaker; assembling more vehicles in America than any other automaker; we know we succeed when we build for the future"*).

Interestingly, the logo displays the Spencerian style which was adopted for corporate correspondence and taught at US business schools in the past. Evidently, the font enhances Ford's reputation as a company that adheres to the principles of business culture. The founder's last name is written in an unusual typeface, not typical for car brands, which intensifies the already mentioned sense of *competition*. Today the brand, determined to gain leadership, is widely associated with continuity of generations and the rich heritage encapsulated in the image code of its forefather (*"A family led business with sixty thousand peo-*

ple working together, and plants, and offices, and dealers at across every state of the Union”).

Analysis of Ford’s logo invites the assumption that, aside from color, there are some other signs of manipulative force in advertising. These are linguacultural signs that are of great value in rendering corporate ideology as may be exemplified by one of the latest global campaigns of the highly patriotic company Harley Davidson (the Super Bowl commercial: *“Harley-Davidson, made in America, sending freedom”*). Abundant with linguacultural signs, the commercial vividly illustrates a considerable influence of national culture on corporate ideology. Present are the national flag, sights of “one-storied America”, and a bronze eagle sculpture. The implication is that, thanks to its strong corporate culture built on national values (hard work, superiority, competition, the American Dream), Harley-Davidson is capable of investing significant resources into producing vehicles all over the world (*“American craftsman. They are people who transform the factory by holding on to their values while modernizing their methods. Their product is rolling across six continents now. They are the people who build Harley-Davidson motorcycles right here in America. There’s a lot of pride in the employees here at the York plant... We put on blood, sweat and tears to make the product...These people are the reason Harley-Davidson motorcycles are now built with cutting edge processes and technologies. And they are building a factory to run at a pace that would tucker out any other factory in the world”*). Further decoding the phrase ‘tucker out’ in the last sentence adds some other shades to the concepts of ‘dominance’ and ‘rivalry.’ According to Merriam Webster, the phrase is an idiomatic expression used in informal language only in the USA (Merriam Webster); and indeed, the phrase is not registered in Oxford monolingual dictionary (Oxford Learner’s Dictionaries). Although included in another British dictionary and marked ‘US informal’ (Cambridge Dictionary), the phrase is presented in a passive construction ‘to be tuckered out’ and therefore has no active form. This exposes the deictic function of the phrase. As deicticity is a universal feature of the whole language system (Ivanova, Iskhakova 2011: 20), the phrase may be viewed as a sign that separates Self from Other and indicates group identity formation — which, in our case, is a corporate team. Thus, slight cultural connotations may be found not only in the lexical aspect of the word but in its grammar features as well. The interaction of lexical and grammatical meanings within the word suggests the following: we are an exceptional American brand determined to achieve leadership by aggressively attacking our competitors. The grammatical category of the Passive Voice contributes to the general sense of aggressively active position typical of American masculine culture. Unlike the mediator who lives in peace avoiding turbulent actions, the agent tries to affect the course of events, makes

plans, and ponders the ways of bringing them to life (Karasik 2009: 41). Learned from birth, this cultural model of behavior pattern evokes empathy in the American audience.

Alongside ethnocultural values, corporate ideology also boasts universal concepts. This is clearly observed in commercials of foreign car manufacturers as in Nissan's advert "*You are an electric vehicle. Electricity powers your heart. You want to feel your heartbeat faster. Drive an electric car made a company whose EVS has gone 5 billion miles for highway, driveway, speedway. And where is the loudest sound is the best of your electric heart. This is the new Nissan*" (Electric cars for electric drivers. Nissan USA). The commercial consists of two conceptual blocks. The first part conveys universal sense through the emotive code that arouses feelings common to all human beings (*heart — your feelings and emotions considered as part of your character; have a kind / good / big heart (=be a kind / good / generous person)* (Macmillan Dictionary). The second part deals with ethnocultural sense encoded in words '*highway,*' '*driveway,*' '*speedway.*' The word '*driveway,*' though of American origin, is used both in the USA and Great Britain and denotes "*a road, esp. a private one, leading from a street or other thoroughfare to a building, house, garage, etc.*" (Collins Dictionary Online). Even though in Anglo-Saxon countries the word '*highway*' is overwhelmingly attributed to any public road, the word is firmly rooted in American terminology. It denotes (A) "*a road, street, and parkway,*" (B) "*a right-of-way, bridge, railroad-crossing, tunnel, drainage structure including public roads on dam, sign, guardrail, and protective structure, in connection with a highway,*" and (C) "*a portion of any interstate or international bridge or tunnel and the approaches thereto*" (23 U.S. code § 101 – Definitions and declaration of policy). No other country has a document with such an extended explanation of the word as the US legal code. As for the word '*speedway,*' definitional analysis discloses that in the meaning of '*road,*' which logically better suits the chain of homogeneous parts of the sentence in the text, it occurs only in American English. In classic British English, a speedway is a sporting event *cf.*: [uncountable] (*British English*) the sport of racing motorcycles on a special track; [countable] (*North American English*) a special track for racing cars or motorcycles on (Oxford Learner's Dictionary). The overall sense behind the words is that Nissan is dedicated to satisfying customers regardless of their nationality, religious beliefs, interests, occupation, profession, gender, etc.

Nearly every commercial ends with the image of a logotype and a tagline. Doubtless, employees know a lot about the vision, principles, and values encoded in their company's logo due to the meticulous work of its PR managers who use every language means at their disposal to construct corporate identity. Language is a very important aspect of organizational culture which must give a suf-

ficient answer to the question of “*who we are.*” Corporate language as a code system is easily deciphered by members of the team, because the declared information is seen in rites and rituals of everyday corporate life. For example, an organization that uses military-oriented language (such as “*We are fighting this battle together or success means climbing to the top*”) may focus more on maintaining a rigid organizational hierarchy and a clear separation between people at different levels in the company (Bart 1997).

The case with consumers is a little bit different. Logotypes and taglines speak to them subtly, but still persuasively enough. While interpreting them in a commercial, the addressee somehow is able to intuit information about the corporate ideology. In this regard, a logotype boasts strong communicative force, since it triggers perceptions and creates associations at a speed no other form of communication can achieve (Wheeler 2012: 56) reaching a broad audience. Hence, a logotype is a cultural code by itself, as it embodies corporate culture in its history.

Seeing that figurative perception of an automobile is usually based on its metaphorical similarity with animals and birds, zoomorphic cultural code is particularly noteworthy. Symbolizing the rebellious nature of the American character, the wild horse in Ford Mustang’s logo has made the automobile a unique linguacultural sign that denotes a certain worldview. Although many cars may be viewed as iconic from one perspective or another, Ford Mustang is distinct. It gives a sense of “good breeding,” due to which an American car can rival a European one in class without seeming snobbish (Piller 1999: 491–492). Obviously, Ford Motor Company with its mission to produce affordable cars for everyone tries to discredit foreign car automakers, especially British ones that manufacture luxury cars for selected populations. Encoding the sense ‘*freedom*’ as the basic ideal of the American Dream, this zoomorphic code hints at equal conditions for prosperity and wealth for each person irrespective of their social origin (“*We make our most iconic vehicles electric... We build for every single American*”). Thus, a logotype is a semiotically loaded text of multiple code systems. Recognized all over the world, this multimodal sign brings up many cultural connotations. While slogans, mission statements, and taglines sooner or later become outdated, a logotype is timeless. A company rarely comes up with a renewed logo because it is used to protect and distinguish its corporate identity.

As for the tagline, it is usually seen as an essential appendix to developing meaning in its connection to the logo (Almeida, Clemente, Mendes 2019: 2). Its wording makes an commercial catchy and dynamic. Repeated many times, it helps to firmly embed the company’s name and products in consumers’ memory

Notably, associations with durable, long-standing logotypes and taglines are not static. These two get new readings in every new co-text, stirring emo-

tions relevant to the situation. Naturally, none of them undergo dramatic changes, especially not the logotype. Nevertheless, there may be some changes in the sense of the logo and tagline in commercials; for instance, such as in Toyota's big game commercial of 2022 (2022 Toyota Big Game Commercial Ft Tommy, Leslie, and Rashida: "The Joneses"). The company that attracts and gains customers by introducing goods of top quality has never mentioned competitors before. This time, Toyota declares new goals and claims to stay ahead of other companies in the commercial featuring the famous Joneses (Tommy Lee Jones, Leslie Jones, Rashida Jones, and Nick Jonas) battling through deserts and mountains in their pickups (*"It's keeping up with the Jonases now"* (*"to keep up with the Joneses — informal, often disapproving; to try to have all the possessions and social achievements that your friends and neighbors have"* (Oxford Learner's Dictionaries). Similarly, the tagline *"Stay ahead"* that has been previously associated with technology and innovation, clears up how the company leads the future (*"Try to keep up, whoever you are. Stay ahead in the all-new Tundra"*).

Last, but not least, the automobile itself may be viewed as a cultural code that molds American lifestyle. Again, the key element in the semiotic space of this cultural code is color, because color plays an essential role in the development of commercials and appears to be a major factor that audiences recognize in videotexts (Kress, Leeuwen 2006: 229). Another good example of this is Toyota's commercial featuring copywriters and company managers discussing the plot of a commercial for the Supra model. One can see an allusion to the dialogue of culturally opposite countries, Japan and the USA. Although the copywriters try to please the managing staff, the two parties can't reach an agreement. The copywriters suggest that the commercial would be a success as an action movie. The managers, conversely, want to preserve the concept of safety as the hallmark of Toyota's style.

— *Manager 1: I'm just not feeling that this super aggressive driving resonate with the target demo.*

— *Copywriter 1: Okay, how about this. Supra cruising through a city at night. Driver takes a wrong turn.*

— *Manager 2: Does it have to be a wrong turn? Can we utilize the navigation to make sure the driver takes the right turn? The navigation is such an exciting feature.*

— *Copywriter 1: How about no driving? Hero front three-quarter angle beauty shot.*

— *Copywriter 1: Burnout a celebration.*

— *Manager 1: Can we do it without a smoke?*

— *Manager 2: And can we do we the VSC on so the car doesn't lose traction?*

— *Copywriter 1: Okay, how about pizza delivery? Trash truck plows through the delivery bikes. A Formula D driver is waiting for his pizza; says he'll deliver them in his Supra.*

— *Copywriter 2: How about Freddy?*

— *Copywriter 1: He would drive it like he stole it.*

— *Manager 1: We can't have any criminal intent or associations with theft.*

A consensus is eventually arrived at, as the decision is made to create the commercial in the action adventure genre.

— *Manager 2: Can't we do something about the hatchback making a really practical car for grocery shopping?*

— *Copywriter 1: Awesome!*

— *Manager 2: I like the idea of a female presence. But the driver should really be wearing a helmet.*

Meanwhile, images of white cars in various contexts offered both by the copywriters and the managers give us an important clue. The color white contains an equal balance of all the colors of the spectrum, representing equality, fairness, impartiality, neutrality, independence, growth, and creativity. Besides, it symbolizes security in car enthusiasts' circles, since white cars are believed to be practical as they are rarely reported stolen.

4. Conclusion

Summing up, the linguaculturalogical analysis undertaken in this paper demonstrates a high manipulative potential of present-day commercials. Concise yet condensed fragments of advertising, they transfer corporate information via hints created through interaction of verbal text and nonverbal code systems. The key element in the process of generating sense belongs to cultural codes, interpretation of which depends on the context of a given commercial and the cultural context of corporate discourse. In this sense, cultural codes maintain the discursive cohesion of advertising. For this reason, at the beginning of the article we put emphasis on the notion of discourse and the importance of implementing discourse analysis in studying TV commercials. Without acknowledging that a commercial is part of a discourse it is impossible to identify the meeting points and overlap of PR communications and advertising activities. In this paper, we have attempted to prove that from the linguistic point of view this traditional separation is rather arbitrary. These research findings may be used by copywriters as guidance for improving their practice of creating corporate advertising. The results may also be of benefit in teaching courses in Media Communication, Intercultural Communication and Translation Studies, and Linguaculturology. Further research may focus on dynamic aspects of linguistic manifestation of

corporate ideology by gathering data about companies' slogans and defining the timeline of these slogans with special attention to shifts on the plane of expression and the plane of content of a given linguistic sign. This should necessarily be backed with comprehensive linguaculturalogical commentary on extralinguistic factors within and outside corporate culture.

References

- Almeida, Flavio, Clemente, André, & Mendes, Antonio. (2019) The Significance of Discovering Visual Metaphor in a Logotype on the Remembrance (of that same logotype). *Convergências- Revista de Inves*, XII (24). Retrieved from <http://convergencias.ipcb.pt>.
- Bart, Christopher K. (1997) Industrial Firms and the Power of Mission. *Industrial Marketing Management*, 26 (4), 371–383. DOI: 10.1016/S0019-8501(96)00146-0.
- Baryshev, Nikolay V., & Sdobnikov, Vadim V. (2020) Kulturnyj kod v aspekte perevodcheskoj deyatel'nosti (The Cultural Code in Terms of Translation Activity). *LUNN Bulletin*, Special Issue, 18–31. (In Russian).
- Bignell, Jonathan. (2002) *Media Semiotics: An Introduction*. Manchester: Manchester University Press.
- Goddard, Cliff, & Wierzbicka, Anna (2014). *Words and Meanings: Lexical Semantics Across Domains, Languages, and Cultures*. Oxford: Oxford University Press.
- Gorn, Gerald, Dahl, Darren, & Chattopadhyay, Amitava. (1997) Effects of Color as an Executional Cue in Advertising: They're in the Shade. *Management Science*, 43 (10), 1387–1400.
- Harris, Thomas E., & Nelson, Mark D. (2007) *Applied Organizational Communication: Theory and Practice in a Global Environment*. Oxford: Taylor & Francis.
- He, Agnes Weiyun. (2003) Discourse Analysis. In Aronoff, Mark, & Rees-Miller, Janie. (eds.) *The Handbook of Linguistics (Blackwell Handbooks in Linguistics)*. Malden, MA & Oxford: Blackwell Publishers.
- Heitmann, John A. (2009) *The Automobile and American Life*. Jefferson, NC: McFarland & Co.
- Hofstede, Geert H. (2010) *Cultures and Organizations: Software of Mind*. Maidenhead: McGraw-Hill.
- Ivanova, Svetlana V., & Iskhakova, Zemfira Z. (2011) Kodirovaniye i dekodirovaniye deysiya: metodologicheskij aspekt (Encoding and Decoding of Deixis: Methodological Aspect). *Vestnik of Leningrad State University named after S.A. Pushkin*, 4, 14–27. (In Russian).
- Karasik, Vladimir I. (2009) *Yazykovye klyuchi (Language Clues)*. Moscow: Gnozis. (In Russian).
- Kecskes, Istvan. (2014) *Intercultural Pragmatics*. Oxford: Oxford University Press.
- Khasanova, Rimma M. (2014) Sredstva sozdaniya tsennostnogo koda v reklamnom profile kompanii (Means of Creating Axiological Code in the Advertising Profile of the Company). *Vestnik of Leningrad State University named after S.A. Pushkin*, 4, 178–186. (In Russian)].

- Klemm, Mary S., Sanderson, Stuart M., & Luffman, George A. (1991) Mission Statements: Selling Corporate Values to Employees. *Long Range Planning*, 24 (3), 73–78. DOI: 10.1016/0024-6301(91)90187-S.
- Kolosova, Tatiana Y., Korobova, Natalia V., & Ukhanova, Olga A. (2018) Kinotekst kak sredstvo realizatsii (kino) diskursa (Film Construct as Realization of Film Discourse). *LUNN Bulletin*, 41, 39–47. (In Russian).
- Kress, Gunther R., & Van Leeuwen, Theo. (2006) *Reading Images. The Grammar of Visual Design*. 2nd edition. London: Routledge.
- Mindiakhmetova, Rimma M. (2018) Sugestivno-manipulyativnyj potentsial pretsedentnyh fenomenov v angloyazychnom reklamnom profile kompanii (Suggestive-manipulative Potential of Precedent Phenomena in the Advertising Profile of the Company). *Kazan Science*, 7, 74–76. (In Russian).
- Mustajoki, Arto. (2012) A Speaker-oriented Multidimensional Approach to Risks and Causes of Miscommunication. *Language and Dialogue*, 2 (2), 216–243. DOI: 10.1075/ld.2.2.03mus.
- Pavlina, Svetlana Y. (2017) Intertekstualnyje fragmenty v angloyazychnom politicheskom mediadiskurse (Intertextual Units in the British and American Political Media Discourse). *LUNN Bulletin*, 39, 48–57. (In Russian).
- Peeters, Bert. (2017) Applied Ethnolinguistics Is Cultural Linguistics, but Is It Cultural Linguistics? *Advances in Cultural Linguistics*, 507–527. DOI: http://dx.doi.org/10.1007/978-981-10-4056-6_23.
- Piller, Ingrid. (1999) Extended Metaphor in Automobile Fan Discourse. *Poetics Today*, 20 (3), 483–498.
- Scollon, Ron, & Scollon, Suzanne W. (2003). *Discourse in Place: Language in the Material World*. London / New York: Routledge. DOI: 10.4324/9780203422724.
- Siltanen, Rob. (2014, January 29) Yes, A Super Bowl Ad Really Is Worth \$4 Million. *Forbes*. Retrieved from <https://www.forbes.com/sites/onmarketing/2014/01/29/yes-a-super-bowl-ad-really-is-worth-4-million/?sh=108f1e62e983>.
- 23 U.S. code § 101 — Definitions and declaration of policy. Retrieved from <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/23/101>.
- Weigand, Edda. (2004) Emotions: The Simple and the Complex. In Weigand, Edda (ed.) *Emotions in Dialogic Interaction*. Amsterdam: John Benjamins, 3–31.
- Wheeler, Alina. (2012) *Designing Brand Identify: An Essential Guide for the Whole Branding Team*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons.
- Wynne, Robert. (2014, July 8) The Real Difference Between PR and Advertising. *Forbes*. Retrieved from <https://www.forbes.com/sites/robertwynne/2014/07/08/the-real-difference-between-pr-and-advertising-credibility/?sh=5e9bf4d92bb9>.
- Yegorova, Lyudmila G. (2018) Prijomy rechevogo vozdeystviya v sovremennom regional'nom media diskurse (Verbal Impact Techniques in Modern Regional Media Discourse). *LUNN Bulletin*, 43, 30–38 (In Russian).

Language material resources

- 2022 Toyota Big Game Commercial Ft Tommy, Leslie, and Rashida: «The Joneses» (2022, July 03). Retrieved from <https://youtu.be/AtQIz5pkwwg>.
- Built Together. Built for America. Ford (2022, July 03). Retrieved from https://youtu.be/eiKNJCQ2a_E.

- Daniel Craig reveals the all-new Range Rover Sport (2022, July 03). Retrieved from <https://youtu.be/Yhf18XfaL48>.
- Electric cars for electric drivers. Nissan USA (2022, July 03). Retrieved from <https://youtu.be/8Ys13y-V4kw>.
- The Pitch. 2022. Toyota Supra commercial. Toyota (2022, July 03). Retrieved from <https://youtu.be/Nvedr1AeQt8>.
- The Super Bowl commercial. Harley-Davidson, made in America, sending freedom (2022, July 03). Retrieved from <https://youtu.be/bBmkwK1qb2c>.
- The Volvo XC 90: Drive the Future. Retrieved from <https://youtu.be/c4uvXAf2eh4>.

Dictionaries

- Cambridge Dictionary. Retrieved from <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/>.
- Collins Online Dictionary. Retrieved from <https://www.collinsdictionary.com/>.
- Macmillan Dictionary. Retrieved from <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/>.
- Merriam Webster online dictionary. Retrieved from <https://www.merriam-webster.com/dictionary/>.
- Oxford Learner's Dictionaries. Retrieved from <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>.

УДК 81'25

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-59-3-64-76

О ТРИЕДИНСТВЕ ПРЕДМЕТА ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

В. И. Фролов

Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия

В статье описан предмет общей теории перевода, показана его принципиально тройственная природа. Производится обзор взглядов на перевод как научный объект. Анализируются точки зрения, в разное время высказанные представителями лингвистической теории перевода и других теоретических направлений. Проводится значимое методологическое разделение на микро- и макролингвистические концепции перевода. Представлены три ракурса рассмотрения перевода. К двум традиционным — переводу как процессу и переводу как результату — добавляется третья «ипостась», а именно перевод как событие речевого взаимодействия. Эта третья грань призвана отразить социолингвистическую природу перевода. Автор приходит к выводу, что все три группы факторов пересекаются в плоскости текста, который, однако, также понимается в самом широком макролингвистическом смысле. В качестве теоретико-методологической базы предлагается теория речевого общения, которая включает в себя как постулаты теории речевой деятельности, разработанной А. А. Леонтьевым, так и ряд идей М. М. Бахтина. Именно идеи последнего, по мнению автора, составляют особый подход к описанию общественной природы высказывания, релевантный для теории перевода. Триединство предмета общей теории перевода обеспечивается методологической стыковкой всех теоретических баз, а именно выделенных автором лингвистических, психолингвистических и социолингвистических концепций. Согласование данных теорий позволяет говорить о целостном и едином предмете общей теории перевода, не ограничивая ее потенциал изучением отдельных аспектов.

Ключевые слова: общая теория перевода; предмет науки о переводе; макролингвистическая концепция перевода; речевое событие; теория речевого общения.

Цитирование: Фролов В. И. О триединстве предмета общей теории перевода // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 3 (59). С. 64–76. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-59-3-64-76.

On the Threefold Subject of General Translation Theory

Valentin I. Frolov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

The paper describes the subject of the general translation theory, demonstrating its fundamentally threefold nature. The introduction includes an overview of the perspectives on translation as an object of scholarly study. The author analyzes the viewpoints expressed at different times within the linguistic theory of translation and other theoretical frameworks, making a

significant methodological division into micro- and macrolinguistic concepts of translation. The next section discusses three angles of looking at translation. In addition to the two traditional aspects (translation process and translation result), a third one is introduced, namely translation as an instance of speech interaction. This third facet is intended to reflect the sociolinguistic nature of translation. The author concludes that all three groups of factors overlap on the textual plane, with text also understood in the broadest macrolinguistic sense. Theoretically and methodologically, this research is based on the theory of speech communication, which includes both the premises of the theory of speech activity, developed by A. A. Leontiev, and a range of M. M. Bakhtin's ideas. It is the ideas of the latter that, in the author's opinion, constitute a special approach to the description of the social nature of the utterance, relevant for the theory of translation. The threefold nature of the subject of the general translation theory is further enforced by the methodological overlap of its theoretical foundations, namely the evocative linguistic, psycholinguistic, and sociolinguistic concepts. The agreement of these theories allows us to postulate the integral and unified nature of the subject of the general translation theory without limiting its potential to the study of individual aspects.

Key words: general translation theory; subject of translation studies; macrolinguistic concept of translation; speech event; speech communication theory.

Citation: Frolov, Valentin I. (2022) On the Threefold Subject of General Translation Theory. *LUNN Bulletin*, 3 (59), 64–76. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-59-3-64-76.

1. Введение

Теория перевода как научная дисциплина существует более полувека, однако до сих пор продолжают споры относительно ее предмета. Ничего удивительного, впрочем, в этом нет, ведь перевод — явление сложное и многогранное. Речь в данной статье пойдет о предмете именно *общей теории перевода*.

Более или менее стойкое единодушие относительно объекта исследований наблюдается в рамках лингвистической теории перевода (ЛТП), создатели и подборники которой в методологических целях намеренно сузили предмет своих научных изысканий. Так, формулируя требования к «объективному» научному изучению перевода, В. Н. Комиссаров отмечает, что, во-первых, объект должен быть доступен для анализа, во-вторых, исследуемый материал должен поддаваться обобщению и систематизации, в-третьих, выявляемые закономерности должны обнаруживать общие основания. И именно «стремление удовлетворить эти требования и определило обращение к лингвистической теории перевода» (Комиссаров 1996: 91). При этом ни один из корифеев ЛТП не был настолько наивным, чтобы полагать, будто феномен перевода ограничивается взаимодействием систем языков между собой, т. е. микролингвистической проблематикой. Однако именно в этом обвиняют представителей ЛТП их критики. Данная абберрация по крайней мере отчасти связана с тем, что на момент возникновения науки о переводе господствующей парадигмой в языкознании был структурализм, поэтому определение «лингвистический» обрекало представите-

лей соответствующих подходов в переводоведении на прямые ассоциации с методологическими и теоретическими принципами структурной лингвистики. Стоит ли говорить, что подобное отождествление уже давно утратило актуальность. Еще в 70-е годы О. Каде, рассуждая о предмете лингвистической теории перевода, указывал на необходимость четко разделять и не смешивать микролингвистические и макролингвистические концепции: «Характерными примерами слишком узкого или же абстрактного определения перевода как предмета научного исследования являются микролингвистические и семиотические концепции в теории перевода, которым противопоставляются макролингвистические (коммуникативные) концепции, учитывающие взаимодействие языковых и неязыковых факторов в процессе перевода (в частности, социальные аспекты этого вида речевой деятельности) и их влияние на результат, т. е. на перевод как речевое произведение» (Каде 1979: 4).

Не вызывает сомнений тот факт, что коммуникативно-прагматический поворот в языкознании мгновенно и неотвратно повлиял и на переводоведение. Неудивительно, ведь теория перевода и в своих истоках, и просто онтологически неотрывно привязана к теории языка. Как точно отметил в свое время Дж. Стайнер, всякое теоретическое рассмотрение проблем перевода «предполагает систематическую теорию языка, с которой оно либо совпадает, либо состоит в отношениях частного и целого» (Стайнер 2020: 357). В 1988 году, спустя десять лет после выхода статьи О. Каде, его мысли, уже концептуально закрепленные в отечественной науке о переводе, поддержал А. Д. Швейцер:

«Исследуя перевод как особый вид речевой коммуникации, теория перевода не ограничивается анализом его языкового механизма. Ведь перевод — это не только взаимодействие языков, но и взаимодействие культур. В переводе находят свое отражение ситуация порождения исходного текста и ситуация перевода. Едва ли удастся адекватно описать процесс перевода, не учитывая того, что он осуществляется не идеализированным конструктом, а человеком, ценностная и психологическая ориентация которого неизбежно сказывается на конечном результате. Именно поэтому в предмет <...> теории перевода входит процесс перевода в *широком социокультурном контексте* с учетом влияющих на него *внеязыковых* факторов — его *социальных, культурных и психологических* детерминантов» (курсив наш — В. Ф.) (Швейцер 1988: 8).

Таким образом, «включение перевода в сферу интересов языкознания» предполагало «широкое (“макролингвистическое”) понимание предмета этой науки» (Комиссаров 2009: 9). И когда классики и современные представители ЛТП говорят об изучении «текстов» или «результатов дея-

тельности переводчика», они выходят далеко за рамки структуралистских, хомскианских или любых других микролингвистических реалий.

К сожалению, этого никак не хотели понять (да и сегодня зачастую не хотят понимать) критики ЛТП. Так, анализируя лингвистический подход в целом и идеи В. Н. Комиссарова в частности, А. Н. Крюков отмечал, что «из сферы исследования умышленно исключается субъект деятельности — переводчик — со своими мотивами, целями и психофизиологическим аппаратом <...> Для простоты и “объективности” исследования лингвистическая теория отреклась от переводчика, как в свое время лингвистика с легкой руки Ф. де Соссюра отреклась от “говорящего” человека» (Крюков 1984: 5). Другим примером бессмысленной борьбы с «ветряными мельницами лингвистичности» в теории перевода являются работы З. Д. Львовской. Свой оригинальный коммуникативный подход исследователь разрабатывает как бы в полемике с представителями ЛТП, при этом на деле воюет она не с лингвистическим переводоведением, а с неким упрощенным образом лингвистической теории перевода. З. Д. Львовская призывает считать предметом науки о переводе «весь процесс перевода, понимаемый как акт двуязычной коммуникации, включающий речевую деятельность всех его участников <...> Предметом теории перевода является раскрытие сущности процесса перевода и выявление его общих закономерностей» (Львовская 1985: 38). По сути, такая формулировка методологическим принципам ЛТП не противоречит, что не мешает автору в более поздней работе утверждать, что наука о переводе, замкнутая «рамками лингвистической теории», «заблуждалась относительно природы исследуемого объекта» (Львовская 2014: 161). В похожем ключе об объекте теории перевода пишет и Р. К. Миньяр-Белоручев: «Объектом науки о переводе является не просто коммуникация с использованием двух языков, а коммуникация с использованием двух языков, включающая коррелирующую между собой деятельность источника, переводчика и получателя. Центральным звеном этой коммуникации является деятельность переводчика или перевод в собственном смысле этого слова, который представляет собой один из сложных видов речевой деятельности» (Миньяр-Белоручев 1996: 25).

Он также отмечает, что «перевод как объект исследования нельзя сводить и к деятельности переводчика. Деятельность переводчика включена в определенную речевую ситуацию и коррелирует с ней <...>» (Там же: 15). Но ведь о важности учета всех аспектов речевой ситуации писал еще Я. И. Рецкер, которого критики ЛТП считают самым строгим приверженцем узколингвистического подхода к переводу. По Рецкеру, речевую ситуацию составляют следующие элементы: «1) отражение личности автора

(или говорящего); 2) отражение источника, в котором опубликован переводимый материал; 3) отражение адресата или аудитории, к которой обращено высказывание; 4) назначение переводимого материала, ожидаемый эффект, который он должен произвести на читателя или слушателя» (Рецкер 1974: 33). Прав был В. Н. Комиссаров, говоря, что «все мы вышли из Рецкера» (Комиссаров 2011: 7). Как мы видим, стереоскопичный взгляд на исследуемый объект, понимание укорененности всякого текста в конкретной ситуации речевого общения — все это было еще у «отцов-основателей» ЛТП. Отмечая факт преодоления лингвистического и литературоведческого изоляционизма, А. Д. Швейцер напрямую связывал расширение дисциплинарных рамок теории перевода с расширением «горизонтов самого языкознания», характеризующимся установлением «тесных связей с другими науками» (Швейцер 1999: 21).

Впрочем, попытки расширить горизонты дисциплины, включение в область ее исследования большего числа граней и ипостасей исследуемого объекта, привлечение методологических и понятийных аппаратов смежных наук — все это ставит новую проблему, а именно проблему междисциплинарности. Заметим, что западная наука о переводе — с легкой руки М. Снелл-Хорнби и других теоретиков — давно пошла именно этим путем, объявив себя подчеркнуто междисциплинарной (Snell-Hornby, Röchhacker, Kaindl 1992). Однако с методологической точки зрения междисциплинарной может считаться только та область исследований, в рамках которой четко и непротиворечиво сформулирован и описан специфический междисциплинарный объект. При этом такой «новый междисциплинарный объект не может быть исследован с помощью старого понятийного аппарата. А если какой-то дисциплинарный термин все-таки используется, он требует обязательного приспособления для описания нового объекта» (Пищальникова 2011: 107). Таким образом, междисциплинарность теории перевода должна в первую очередь подразумевать если не выработку нового понятийного аппарата, то по крайней мере приспособление старых категорий к особенностям нового объекта. Вторым же важным требованием междисциплинарности является универсальность избранных для описания нового объекта понятий: «Система категорий, описывающая этот объект, должна быть приемлемой для любой из наук, занимающихся ее исследованием» (Там же: 108).

2. Результаты исследования и их обсуждение

Так можно ли, учитывая все различия в подходах, вообще говорить о едином предмете общей теории перевода? Традиционно в переводоведении проводилось разделение на перевод как процесс и перевод как резуль-

тат. С. Н. Сыроваткин остроумно указывал на то, что эти два «перевода» являются омонимами: «Одна из первых трудностей определения понятия перевода — это то, что само слово “перевод” полисемично, если вообще не представляет собой пару омонимов» (Сыроваткин 1978: 5). При этом содержание термина «процесс перевода» «обусловлено парадигмой исследования и включает мыслительные операции переводчика, основные этапы перевода, а также принятие переводческого решения и его обусловленность внешними и внутренними факторами» (Княжева, Боровкова 2021: 29–30). Методологически различение процесса (речевой деятельности) и его результата (текста) необходимо, однако одна из задач общей теории перевода, как нам представляется, это выстраивание такой концептуальной базы, которая позволила бы это разделение снять. В своем обзоре развития науки о переводе В. Н. Комиссаров отмечал, что на определенном этапе исследователям стало «ясно, что вряд ли целесообразно противопоставлять процесс перевода его результату» (Комиссаров 2020: 134). Тем не менее разведение путей переводоведения по этим двум траекториям продолжалось еще долго. А. Н. Крюков предложил различать два типа онтологии — субститутивно-трансформационную и деятельностьную. Такое разделение было подхвачено рядом исследователей, в том числе Н. Л. Галеевой, которая отмечала, что эти два типа онтологии «отличаются друг от друга прежде всего *отношением к деятелю и деятельности*» (Галеева 1997: 18).

Следует признать, что в вышеупомянутом остроумном замечании С. Н. Сыроваткина есть доля истины. Перевод как процесс, т. е. конкретная психологическая деятельность, и перевод как результат, т. е. готовый текст (*эргон*), в определенном ракурсе представляются настолько разными феноменами, что кажутся вполне логичными попытки отдать их в ведение разных наук. Вспоминая о том, что среди «неязыковых факторов» всегда упоминаются и «социальные», к двум аспектам — психолингвистическому (перевод как процесс) и лингвистическому (перевод как результат) — следует также добавить третий, а именно «перевод как событие» (событие речевого взаимодействия). При этом важно отметить, что перевод как событие — это не иной *тип* перевода (ср. разделение на собственно перевод и терциарный перевод [Сдобников 2010: 140]), а еще одна ипостась единого явления. По-своему подходя к проблеме изучения неязыковых факторов, авторитетный англо-финский переводовед Эндрю Честерман в своей программной статье предложил заниматься «наукой о переводчике» (*translator studies*) (Chesterman 2009). Попытки изучать перевод специализированно (по отдельным ведомствам) понятны, но, на наш взгляд, доведенные до крайности (например, когда предлагается изучать процессы, происходящие в мозгу переводчика), они приведут лишь к дальнейшему теоретико-

методологическому расколу в переводоведении. Так, в одной работе современное состояние науки о переводе было названо «этапом методологического кризиса» (Фролов 2020: 216). Если взять в качестве примера психологию, то подобные метания в трактовке научного объекта привели к усилению позиций нейрофизиологии. Однако с теоретико-методологической точки зрения мозг — это физиологический субстрат, изучение которого лишь косвенно и частично приближает исследователя к пониманию собственно психических процессов. Так и в науке о переводе исследователь, излишне заостряющий внимание на индивидуально-психологических или средовых факторах, обречен упираться в субстрат или косвенные контексты, не продвигаясь по пути феноменологии переводческой деятельности.

При этом и ученый, и переводчик-практик интуитивно чувствуют, что перевод есть единое, пусть и сложное, целое. Иными словами, есть та плоскость, в которой пересекаются и языковые, и неязыковые факторы, определяющие перевод как особый вид коммуникации. В нашем понимании такой плоскостью является текст.

Формально утверждение о том, что перевод происходит между текстами, есть трюизм, но оно может наполняться разным содержанием в зависимости от той или иной трактовки понятия «текст». Если «текст» понимается в узком микролингвистическом смысле, то можно даже согласиться с критиками ЛТП, выступающими против «текстоцентризма» в переводоведении. Более широкое понимание в духе теории и лингвистики текста также во многом ограничено. Нам же необходима такая трактовка текста, которая бы включала в себя всю релевантную для теории перевода психолингвистическую и социолингвистическую подоплеку, а также не противоречила бы описанным нами выше правилам выделения междисциплинарного объекта. Другими словами, вопрос не только в том, *что* изучать, но также и в том, на основе какой теоретико-методологической базы это делать. В некоторых работах отмечалось, что для рассмотрения перевода как междисциплинарного объекта необходимо использовать наработки теории речевой деятельности А. А. Леонтьева (Фролов 2018). Если же говорить о социолингвистическом аспекте, т. е. рассмотрении перевода в его «третьей ипостаси события речевого взаимодействия», то здесь необходимой «базой может стать теория речевого общения, или металингвистика, М. М. Бахтина» (Фролов 2021: 249). При этом сам М. М. Бахтин, в отличие от своего брата Н. М. Бахтина (см. [Кочетков 2019]), специально о переводе никогда не писал.

В работе «Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках» М. М. Бахтин, развивая свою идею «диалогического

отношения между текстами», утверждает, что текст есть «высказывание, включенное в речевое общение (текстовую цепь) данной сферы» (Бахтин 1979: 283). Данная мысль, давно ставшая достоянием литературоведения и филологии, крайне важна и для лингвистики. Действительно, встроенность текста в ряд других текстов, взаимодействие с ними можно интерпретировать не иначе как отражение его общественной природы. А значит, попытка «включить текст в речевое общение» будет и частью события перевода. При этом на выбор переводчиком «текстовой цепи» будут влиять определенные факторы, главным образом его функциональная установка (см. [Ланчиков 2009]).

Стоит упомянуть здесь и представление М. М. Бахтина о «двух полюсах текста»: первый из них — система языка, однако при этом «каждый текст (как высказывание) является чем-то индивидуальным, единственным и неповторимым <...> Этот второй момент (полюс) присущ самому тексту, но раскрывается только в ситуации и в цепи текстов (в речевом общении данной области)» (Там же). Важно отметить, что бахтинской теории языка мы имеем парадигму, во многом альтернативную магистральному языкознанию XX века и тем более классической социолингвистике.

Итак, в теории речевой деятельности А. А. Леонтьева мы имеем стык лингвистики с психологией, в металингвистике М. М. Бахтина — стык языковой природы текста с общественной. Для завершения картины необходим стык леонтьевской и бахтинской теорий. Здесь нам помогут две находки — текстологическая и методологическая. В предисловии к переизданию своей первой крупной работы «Слово в речевой деятельности» А. А. Леонтьев указывает на «очевидный интерес М. М. Бахтина к этой книге и другим моим лингвистическим работам 60-х годов» (Леонтьев 2014: 2). На эту мысль его натолкнули составители и редакторы собрания сочинений М. М. Бахтина, которые в комментариях к шестому тому сообщали, что в архивах ученого «хранится экземпляр указанной здесь книги А. А. Леонтьева (Леонтьев А. А. Слово в речевой деятельности. М., 1965) с многочисленными пометами М.М.Б. <...> Психолингвистическая концепция Леонтьева могла интересовать М.М.Б. своей установкой на говорящего человека, на создание общей теории речевой деятельности, расширяющей предмет лингвистики от узко понимаемой системы языка до сферы речи» (курсив наш — В. Ф.) (Бахтин 2002: 562). Как мы видим, обоих ученых интересовал тот самый ракурс, который мы выше описывали как макролингвистический.

Что же касается методологической состыковки, то здесь необходимо сослаться на статью Т. В. Ахутиной «Теория речевого общения в трудах М. М. Бахтина и Л. С. Выготского». Теория речевой деятельности

А. А. Леонтьева в своих принципиальных постулатах выросла из идей А. Н. Леонтьева, который, в свою очередь, был последователем Л. С. Выготского, а значит, согласование идей М. М. Бахтина и Л. С. Выготского позволяет, на наш взгляд, говорить и об увязке идей М. М. Бахтина и А. А. Леонтьева. Итак, в концепциях двух ученых Т. В. Ахутина находит важнейшие точки соприкосновения и даже предлагает объединить обе концепции под общим названием «теория речевого общения»: «<...> попробуем построить общую картину, которая непротиворечиво включала бы положения обоих ученых <...> Основным двигателем смыслового развертывания (от понятного только мне внутреннего слова к понятной ему внешней речи) является сопоставление моего субъективного сиюмоментного смысла, который я приписываю данному слову, и его объективного (постоянного для меня и для моего слушателя) значения. Таким образом, основным строительным материалом порождения речи является живое двуголосое слово <...> Высказывание и слово как свернутая форма высказывания являются единицами речевой деятельности, речевого общения и сознания» (Ахутина 1984: 13).

Модель порождения речи Выготского — Леонтьева обогащается бахтинской идеей двуголосого слова. Конечно, глубокое содержательное сопоставление двух теорий — дело будущего, однако и текстологическая находка редакторов собрания сочинений М. М. Бахтина, и уверенность Т. В. Ахутиной в том, что две теории могут быть объединены, позволяют нам говорить о наличии единой «теории речевого общения».

3. Выводы

Итак, по А. Д. Швейцеру, в предмет общей теории перевода «входит процесс перевода в широком социокультурном контексте с учетом влияющих на него внеязыковых факторов — его социальных, культурных и психологических детерминантов». Соглашаясь с такой формулировкой, мы считаем нужным уточнить, что в таком случае необходимо говорить о трех «ипостасях» предмета: переводе как процессе, переводе как результате и переводе как событии, о его принципиальном триединстве. С нашей точки зрения, методологически важно это единство подчеркнуть, поскольку попытки выделить только те или иные стороны долгое время приводили к малопродуктивным спорам и чересполосице в переводоведении. Следующий шаг — единая теоретико-методологическая основа, полагаясь на которую можно было бы в равной степени исследовать любую из трех граней перевода. В рамках предложенной нами схемы за психолингвистический стык отвечает теория речевой деятельности, за социолингвистический —

теория языка (металингвистика) М. М. Бахтина, при этом две теории стыкуются и между собой.

Таким образом, перевод трактуется достаточно широко, при этом методологически предмет общей теории не выходит за рамки проблематики «текста» в том смысле, что и теория речевой деятельности, и теория речевого общения не заимствуют методологии и концептуальные базы из смежных наук (будь то психология, культурология, социология), а в необходимой степени расширяют макролингвистическую проблематику. Здесь представляются релевантными слова О. Каде, сказанные им по поводу собственной формулировки предмета теории перевода, но одинаково подходящие и для идей, высказанных нами выше: «<...> широкое понимание предмета теории перевода отнюдь не заставляет отрицать ее лингвистический характер, если только признать лингвистическим, наряду с исследованием языка как знаковой системы, также и исследование речепроизводства и речи (как способов и результатов общественного использования языка)» (Каде 1979: 7).

Список литературы / References

- Ахутина Т. В. Теория речевого общения в трудах М. М. Бахтина и Л. С. Выготского // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 1984. № 3. С. 4–13. [Akhutina, Tatyana V. (1984) Teoriya rechevogo obshcheniya v trudakh M. M. Bakhtina i L. S. Vygotskogo (The Theory of Speech Communication in the Works of M. M. Bakhtin and L. S. Vygotsky). *Moscow University Bulletin. Psychology*, 3, 4–13. (In Russian)].
- Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 281–307. [Bakhtin, Mikhail M. (1979) Problema teksta v lingvistike, filologii i drugikh humanitarnykh naukakh (Problem of a Text in Linguistics, Philology and Other Humanitarian Sciences). In Bakhtin, Mikhail M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* (The Aesthetics of Verbal Creativity). Moscow: Iskusstvo, 281–307. (In Russian)].
- Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 6. М: Русские словари, 2002. [Bakhtin, Mikhail M. (2002) *Sobraniye sochineniy. T. 6.* (Collected Works. Vol. 6). Moscow: Russkiye slovari. (In Russian)].
- Галеева Н. Л. Основы деятельностной теории перевода. Тверь: ТГУ, 1997. [Galeyeva, Natalya L. (1997) *Osnovy deyatel'nostnoy teorii perevoda* (The Foundations of the Activity-Based Translation Theory). Tver: TGU. (In Russian)].
- Каде О. К вопросу о предмете лингвистической теории перевода // Тетради переводчика. 1979. Вып. 16. С. 3–11. [Kade, Otto (1979) K voprosu o predmete lingvisticheskoy teorii perevoda (On the Subject of the Linguistic Theory of Translation). *Translator's Notebooks*, 16, 3–11. (In Russian)].
- Княжева Е. А., Боровкова Т. Ю. Переводческое задание как инструмент взаимодействия участников процесса перевода // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 1 (53). С. 23–40. [Knyazheva, Yelena A., & Borovkova, Tatyana Yu. (2021) Perevodchesko-

- ye zadaniye kak instrument vzaimodeystviya uchastnikov protsessa perevoda (A Translation Task as a Vehicle for the Interaction of the Participants in the Translation Process). *LUNN Bulletin*, 1 (53), 23–40. (In Russian)].
- Комиссаров В. Н. Интуитивность перевода и объективность переводоведения // Язык. Поэтика. Перевод. Сборник научных трудов МГЛУ. 1996. Вып. № 426. С. 91–99. [Komissarov, Vilen N. (1996) Intuitivnost' perevoda i obyektivnost' perevodovedeniya (The Intuitive Nature of Translation and the Objective Nature of Translation Studies). *Proceedings of the Moscow State Linguistic University*, 426, 91–99. (In Russian)].
- Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. [Komissarov, Vilen N. (2009) *Lingvistika perevoda* (Translation Linguistics). Moscow: LIBROKOM. (In Russian)].
- Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: Р. Валент, 2011. [Komissarov, Vilen N. (2011) *Sovremennoye perevodovedeniye* (Modern Translation Studies). Moscow: R. Valent. (In Russian)].
- Комиссаров В. Н. Переводоведение в XX веке: некоторые итоги // Переводческие исследования. Избранные статьи 1968–2005. М.: Р. Валент, 2020. С. 133–146. [Komissarov, Vilen N. (2020) *Perevodovedeniye v 20 veke: nekotoryye itogi* (Translation Studies in the 20th Century: Some of the Crucial Results). In Komissarov, Vilen N. *Perevodcheskie issledovaniya. Izbrannye stat'i 1968–2005* (Translation Investigations. Selected papers 1968–2005). Moscow: R. Valent, 133–146. (In Russian)].
- Кочетков А. Н. «Короткое дыхание» Николая Бахтина: «Разговор о переводах» // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2019. Вып. 46. С. 42–50. [Kochetkov, Aleksandr N. (2019) «Korotkoye dykhaniye» Nikolaya Bakhtina: «Razgovor o perevodakh» (Nikolai Bakhtin's "Short Breath": A Discourse on Translations). *LUNN Bulletin*, 46, 42–50. (In Russian)].
- Крюков А. Н. Актуальные методологические проблемы науки о переводе // Тетради переводчика. 1984. Вып. 21. С. 3–13. [Kryukov, Anatoly N. (1984) Aktual'nyye metodologicheskiye problemy nauki o perevode (Current Methodological Problems of the Science of Translation). *Translator's Notebooks*, 21, 3–13. (In Russian)].
- Ланчиков В. К. Развитие художественного перевода в России как эволюция функциональной установки // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2009. Вып. 4. С. 163–172. [Lanchikov, Viktor K. (2009) *Razvitiye khudozhestvennogo perevoda v Rossii kak evolyutsiya funktsionalnoy ustanovki* (The Development of Literary Translation in Russia as an Evolution of the Function-based Attitude). *LUNN Bulletin*, 4, 163–172. (In Russian)].
- Леонтьев А. А. Слово в речевой деятельности: Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. М.: ЛЕНАНД, 2014. [Leontiev, Aleksey A. (2014) *Slovo v rechevoy deyatel'nosti: Nekotoryye problemy obshchey teorii rechevoy deyatel'nosti* (The Word in Speech Activity: Some Problems of the General Theory of Speech Activity). Moscow: LENAND. (In Russian)].
- Львовская З. Д. Теоретические проблемы перевода. М.: Высшая школа, 1985. [Lvovskaya, Zinaida D. (1985) *Teoreticheskiye problemy perevoda* (Theoretical Problems of Translation). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].

- Львовская З. Д. Современные проблемы перевода. М.: Издательство ЛКИ, 2014. [Lvovskaya, Zinaida D. (2014) *Sovremennyye problemy perevoda* (Current Problems of Translation). Moscow: LKI. (In Russian)].
- Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода. М.: Московский лицей, 1996. [Minyar-Beloruchev, Ryurik K. (1996) *Teoriya i metody perevoda* (Theory and Methods of Translation). Moscow: Moskovsky litsey. (In Russian)].
- Пищальникова В. А. О содержании базовых терминов в современной отечественной психолингвистике // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. 2011. № 4. Вып. 2. С. 106–115. [Pishchalnikova, Vera A. (2011) O soderzhanii bazovykh terminov v sovremennoy otechestvennoy psikholingvistike (On the Content of Basic Terms in Modern Russian Psycholinguistics). *Tver University Bulletin. Series Philology*, 4 (2), 106–115. (In Russian)].
- Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Международные отношения, 1974. [Retsker, Yakov I. (1974) *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika* (Translation Theory and Practice). Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya. (In Russian)].
- Сдобников В. В. Типология перевода: коммуникативно-функциональный подход // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2010. Вып. 10. С. 132–143. [Sdobnikov, Vadim V. (2010) Tipologiya perevoda: kommunikativno-funktsionalny podkhod (The Typology of Translation: a Communicative-functional Approach). *LUNN Bulletin*, 10, 132–143. (In Russian)].
- Стайнер Дж. После вавилонского смешения. Вопросы языка и перевода. М.: МЦНМО, 2020. [Steiner, George (2020) *Posle vavilonskogo smesheniya. Voprosy yazyka i perevoda* (After Babel. Aspects of Language and Translation). Moscow: MTsNMO. (In Russian)].
- Сыроваткин С. Н. Теория перевода в аспекте функциональной лингвосомиотики. Калинин: Калининский ун-т, 1978. [Syrovatkin, Sergey N. (1978) *Teoriya perevoda v aspekte funktsional'noy lingvosemiotiki* (Translation Theory in the Aspect of Functional Linguosemiotics). Kalinin: Kalininskiy un-t. (In Russian)].
- Фролов В. И. Перевод с точки зрения теории речевой деятельности // Языковое бытие человека и этноса. Материалы XV Березинских чтений. 2018. С. 243–248. [Frolov, Valentin I. (2018) Perevod s tochki zreniya teorii rechevoy deyatel'nosti (Translation from the Perspective of the Theory of Speech Activity). In *Yazykovoe bytie cheloveka i etnosa. Materialy XV Berezinskikh chteniy* (Linguistic Being of Man and Ethnicity. Proceedings of the 25th Berezin Readings), 243–248. (In Russian)].
- Фролов В. И. К вопросу о периодизации переводческой мысли // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2020. № 4 (67). С. 210–217. [Frolov, Valentin I. (2020) K voprosu o periodizatsii perevodcheskoy mysli (On the Periodization of Translation Theories). *Tver University Bulletin. Philology*, 4 (67), 210–217. (In Russian)].
- Фролов В. И. Перевод и теория речевого общения // Методология современного языкознания – 3. М.: Р. Валент, 2021. С. 246–250. [Frolov, Valentin I. (2021) Perevod i teoriya rechevogo obshcheniya (Translation and Theory of Speech Communication). In *Methodology of modern linguistics 3*. Moscow: R. Valent, 246–250. (In Russian)].

- Швейцер А. Д.* Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. [Shveitser, Aleksandr D. (1988) *Teoriya perevoda: status, problem, aspekty* (Translation Theory: Status, Problems, Aspects). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Швейцер А. Д.* Междисциплинарный статус теории перевода // Тетради переводчика. 1999. Вып. 24. С. 20–31. [Shveitser, Aleksandr D. (1999) *Mezhdistsiplinarnyy status teorii perevoda* (The Interdisciplinary Status of Translation Theory). *Translator's Notebooks*, 24, 20–31. (In Russian)].
- Chesterman, Andrew. (2009) The Name and Nature of Translator Studies. *Hermes — Journal of Language and Communication Studies*, 42, 13–22.
- Snell-Hornby, Mary, Pöchhacker, Franz, & Kaindl, Klaus. (eds.) (1992) *Translation studies: An interdisciplinary*. Vienna: John Benjamins Publishing.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

УДК 811.111:81'373

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-59-3-77-88

BIBLICAL ALLUSIONS AND THEIR FUNCTIONS IN THE WORKS OF WILLIAM SHAKESPEARE

Anna D. Bakina

I. S. Turgenev Orel State University, Orel, Russia

The study examines the functioning of biblical allusions or biblicisms as precedent units of biblical etymology in the works of William Shakespeare. Biblicisms are heterogeneous and include such groups as biblical names, phraseological units of biblical origin, biblical quotations and sayings, as well as allusions implicitly referring to the Bible, etc. Allusions connected to the Bible are an integral part of various types of classical and modern English texts. The use of biblical allusions in the text creates additional expressiveness and figurativeness and establishes a special contact with readers who have sufficient background knowledge and are able to 'trace back' the connection between the allusions used and their source. The works of the great English playwright are saturated with biblical references which have different functions. The purpose of the study is to identify multiple biblical references, namely allusions, in the texts of Shakespearean plays and chronicles, to analyze contexts containing biblicisms from the semantic and stylistic points of view, with regard to the primary sources of biblicisms and their original meanings. The material of the research is the works of W. Shakespeare. The research methods are the contextual method and the method of intertextual analysis. The object of the study is biblical allusions, the subject is their semantics and the specificity of their functioning in the literary pieces of W. Shakespeare. The results of the study show that in Shakespeare's plays the Bible acts as a precedent text, the regular use of references to which helps the author to encode information with the purpose to draw the audience's attention to various social misdemeanors, vices, and political crimes in a unique way, and helps the reader to fully perceive the author's ideas and messages.

Key words: Bible; biblicism; precedent text; biblical name; biblical allusion; Shakespeare.

Citation: Bakina, Anna D. (2022) Biblical Allusions and Their Functions in the Works of William Shakespeare. *LUNN Bulletin*, 3 (59), 77–88. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-59-3-77-88.

Библейские аллюзии через призму шекспировского наследия

А. Д. Бакина

Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, Орел, Россия

Настоящее исследование освещает актуальную проблему функционирования библеизмов как прецедентных единиц библейской этимологии в произведениях У. Шекспира. Библеизмы неоднородны и включают такие группы, как библейские имена, фразеологические единицы, источником происхождения которых является библейский текст или сюжет, библейские цитаты и изречения, а также библейские аллюзии, неявным образом отсылающие к Библии и т. п. Библейские аллюзии являются неотъемлемой частью произведений различных видов классического и современного английского дискурса. Введение в текст библеизмов создает дополнительную выразительность и фигуральность, устанавливает особенный контакт с кругом читателей, обладающих фоновыми знаниями и способных отследить связь используемых аллюзий с их источником. Произведения великого английского драматурга насыщены библеизмами, которые выполняют разные функции. Цель исследования — выявить многочисленные библейские отсылки, а именно аллюзии, в текстах шекспировских пьес и хроник, проанализировать контексты, содержащие библеизмы, с семантической и стилистической точек зрения, с учетом анализа первоисточников библеизмов, и их первоначальные значения. Материалом исследования послужили некоторые произведения У. Шекспира. В качестве методов исследования выступают контекстологический метод и метод интертекстуального анализа. Объектом исследования выступают библейские аллюзии, предметом — их семантика и специфика функционирования в литературных произведениях У. Шекспира. Результаты исследования показывают, что в пьесах Шекспира Библия выступает в качестве прецедентного текста, регулярное использование ссылок на который помогает автору закодировать информацию, чтобы привлечь внимание аудитории к различным социальным проступкам и порокам, убийствам и политическим преступлениям, а читателю — в полной мере воспринять идеи и замысел великого автора.

Ключевые слова: Библия; библеизм; прецедентный текст; библейское имя; библейская аллюзия; Шекспир.

Цитирование: Бакина А. Д. Библейские аллюзии через призму шекспировского наследия // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 3 (59). С. 77–88. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-59-3-77-88.

1. Introduction

In a constantly changing and dynamically developing world, people can't help looking for a solid foundation, something true and eternal. Thus, for an increasing number of people, the faith of their ancestors with its everlasting moral values is becoming really significant. This is probably why there is a worldwide growing interest in the Christian Holy Scriptures. The Bible is not just a book but a whole collection of ancient wisdom, contained in texts written and composed by many people throughout many centuries. The Bible quotes over a dozen unknown works. Many of the works that were once part of the Bible have not

reached us, thus the sacred book is definitely worthy of special linguo-stylistic research (Fedulenkova 2016: 9).

William Shakespeare is rightfully considered to be an outstanding poet and playwright, not only in Great Britain, but throughout the world. It is generally accepted that his works are an encyclopedia of human relationships, a mirror in which people's true nature is reflected, a treasury of profound meanings, ideas and truths which masterfully represent the human essence in all its diversity. Reading Shakespearean plays and chronicles, we constantly come across multiple references and allusions to biblical texts, the distinctive characteristic of which is *intertextuality*, along with metaphorical richness, symbolism, and the diversity of the cultural and historical context (see also: [Kabanova 2016; Fedulenkova 2019a: 238]).

The **relevance** of this study is determined by the avid and increasing interest in Biblical studies around the world especially in terms of the *cognitive* approach with due attention to the *pragmatic* potential and functions of phraseological units (Fedulenkova 2019b, 2019c, 2020a: 117, 2021), as well as the growing attention to biblicisms as markers of biblical precedence (Golubeva 2013; Vajc 2013). Being a text of exceptional cultural significance, the Bible acts as a *megaprecedent* text and requires thorough scholarly attention. Biblical texts, unique in terms of their origin, existence, and impact on all spheres of culture, never lose their precedent value and live on in the minds of millions of people and a large number of cultures, which, in its turn leads to their constant *dynamic variation* (see also: [Fedulenkova 2020b: 83]). Phraseological units of biblical origin are characterized by mobility; they are able to easily adapt to various linguistic conditions and to develop new variants (lexical, grammatical, mixed, etc.) while obeying specific linguistic laws. Occasional transformations of biblical phraseological units are also quite frequent, which leads to significant semantic enrichment of vocabulary (Mendel'son 2002: 156; Naciscione 2010: 55–56; Fedulenkova 2020a). The Bible is acknowledged “to be the richest source of English idioms, followed by the works of Shakespeare. Most of the biblical expressions have been so assimilated into the English language that they are not always associated with the Bible” (Klyukina 2003: 2).

This study's **goal** is to substantiate the hypothesis that biblicisms, namely biblical allusions, in the works of William Shakespeare act as precedent units of biblical origin of special significance, and the ability to identify and understand them gives readers a deeper insight into the author's artistic intention.

2. Material and Methods

The **methods** used in the research are the contextual method (see also: [Amosova 1963: 76; Kunin 1971: 2–14; Komarova 1998: 564]) and the method

of intertextual analysis (see also: [Fedulenkova 2020a: 30]). The study analyzes various biblical allusions contained in seventy two extracts from the tragedy “Hamlet,” the comedy “Twelfth Night,” and the chronicles: “Richard II” and “Henry IV”.

3. Results and Discussions

3.1. *The Notion of “Biblical Allusion”*

Textual allusions carry hidden meanings that enable the author to characterize the subject of communication through the prism of a situation or event that was described earlier in a precedent text known to a wide range of people (Kibizova, Bakina 2020: 102).

I. R. Galperin interprets the concept of allusion as a reference to historical, literary, mythological, biblical, and everyday facts and notes that allusion, as a stylistic device, is not accompanied by an indication of its source (Galperin 1958: 176). In his view, structurally, an allusion is a word or a word-combination, or a phrase. According to V. P. Moskvina, a textual allusion is a fragmentary and imprecisely reproduced part of a text; it consists of a word or a series of one-word units that do not reflect the lexical and grammatical structure of the original text fragment (Moskvina 2014: 41). It is a complex, intertextually enriched sign which necessarily has certain associative support.

Moreover, it may involve both “reliance on the pre-text,” when the reader is referred to a previous fragment of the same text, and “reliance on a precedent text,” when there is a reference to another text, hypothetically familiar to the reader. In addition to their literal meaning, statements containing an allusion have a second plane of content, forcing the reader to turn to certain memories, sensations, and associations. The text, as it were, acquires a second dimension (Naumova 2011).

The specificity of the semantics of biblical allusive units is largely determined by the ambiguity and complexity of these units themselves, since they are supposed to refer us to the texts of Scripture, which means that in the secondary context of their use they will always retain some additional semantic components that they received from the original text. The retained connotations are enriched with additional contextual meanings in the recipient text (Kibizova, Bakina 2020: 104).

3.2. *Shakespeare and the Bible*

Notwithstanding the fact that almost in every piece of his writing W. Shakespeare refers to biblical texts and ideas, one cannot deny that there is more to it than just blunt or partly implicit citations.

As V. P. Komarova points out, there is a very controversial relationship between Shakespeare and biblical texts. The comparison of Shakespeare’s texts

with those passages of biblical books in which commentators see allusions make us conclude that in many cases Shakespeare opposed the ideas of the Bible and displayed a different attitude to life. In particular, the few parallels between the judgments of Hamlet and the texts of Ecclesiastes or the Book of Job do not allow us to talk about the influence of biblical ideology on the playwright, but rather suggest the influence of the Renaissance culture and the numerous quotations from the works of ancient poets and philosophers cited in the plays (Komarova 1998). The linguist claims that, for the most part, “the allusions are introduced into the language of those heroes who believe in religious truths and in the power to influence the course of events with the help of the Bible. But in many cases the personages use the quotations from the Scripture as a kind of weapon in the political struggle” (Komarova 1998).

According to Peter Milward, Shakespeare’s plays “conceal an undercurrent of religious meaning which belongs to their deepest essence” (Milward 1973: 102). He “shows the universal relevance of the Bible both to the reality of human life ‘in this harsh world’ and to its ideal in the heart of God” (Milward 1987: 207). Steven Marx assumes that “a thorough familiarity with the Scriptures” is a prerequisite to understanding the Biblical references in the plays, and that the plays’ references to the Bible “illuminate fresh and surprising meanings in the biblical text” (Marx 2000: 13).

One more researcher, Dr. Naseeb Shaheen, claims that initially there were no biblical allusions in Shakespeare, though “he [Shakespeare] sought to demonstrate God’s providence towards England, and repeatedly points out that those who commit evil will sooner or later be punished... Inspired by Hall’s theme of divine retribution, Shakespeare adds biblical references that reflect that theme” (Shaheen 1999: 90).

Finally, Harold Fisch in his comparative study devoted to the problem of biblical presence in the works of “the three poets”: W. Shakespeare, J. Milton and W. Blake, asserts in the Preface to his study: “I shall be concerned primarily with the way my chosen authors incorporate biblical paradigms in their work. This will be taken not as an example of influence in the narrow sense but as a key to their poetic practice — a claim that will be more readily granted in reference to Milton and Blake than to Shakespeare. However, I will argue that Shakespeare draws on biblical sources to an extent not generally recognized” (Fisch 1999: vii).

We do not mean to reject or accept the opinions mentioned above blindly, without critical analysis. What matters here is that Shakespeare’s plays and chronicles abound in numerous explicit and implicit references to the Bible plots and texts, “The Tempest,” “King Lear,” “Measure for Measure,” “Henry VI,”

“Richard II,” and “The Merchant of Venice” being the most vivid and illustrative examples.

3.3. Biblical Allusions in the Chronicle “Richard II”

(1) In Act I, Scene 2 in response to the Duchess’ exclamation: “Where then, alas, may I complain myself?” John of Gaunt, the brother of the woman’s murdered husband, replies: “To God, the widow’s champion and defense”, which is associated with the content of the Gospel: “As he approached the town gate, a dead person was being carried out — the only son of his mother, and she was a widow. And a large crowd from the town was with her. When the Lord saw her, his heart went out to her and he said, “Don’t cry.” Then he went up and touched the bier they were carrying him on, and the bearers stood still. He said, “Young man, I say to you, get up!” The dead man sat up and began to talk, and Jesus gave him back to his mother” (Luke 7:12-15). Thus, Gaunt, who is unable to commit the act of retribution himself, tries to console his brother’s widow, reminding her of God as the protector of the widows. Obviously, in a broader sense, Shakespeare wants to make it clear: where a person is helpless, God can assist.

(2) In Act III, Scene 2, King Richard, outraged by his alleged betrayal by his three favorites, exclaims: “Three Judases, each one thrice worse than Judas!”, thereby emphasizing the highest degree of treachery of people on whose loyalty he had the right to rely?). It is well known that one of the twelve disciples of Christ betrayed him to the high priests and thereby condemned him to a martyr’s death on the cross. “Then one of the Twelve — the one called Judas Iscariot — went to the chief priests and asked, ‘What are you willing to give me if I deliver him over to you?’ So they counted out for him thirty pieces of silver. From then on Judas watched for an opportunity to hand him over” (Matthew 26:14-16). The biblical name Judas has become synonymous with despicable betrayal. To heighten the impression, Shakespeare stresses that each of the three alleged traitors is not just Judas, but “thrice worse than Judas.”

(3) The image of Judas and the twelve apostles is also mentioned in Act IV, Scene 1, in King Richard’s monologue: “The favors of these men: were they not mine? Did they not sometime cry, ‘all hail!’ to me? So Judas did to Christ: but he, in twelve, Found truth in all but one: I, in twelve thousand, none.”

(4) Act III, Scene 2 mentions dust in the mouth of the same King Richard: “Make dust our paper and with rainy eyes Write sorrow on the bosom of the earth.” The word “dust” is found more than once in the Bible. In this case, we can assume that Shakespeare is referring to Genesis 3:19: “By the sweat of your brow you will eat your food until you return to the ground, since from it you were taken; for dust you are and to dust you will return.” As Richard discusses his inevitable imminent death and that he “owns a pitiful pinch of clay that

serves as a shell for bones.” The mention of a pinch of clay evokes references to the prophecies of Isaiah: “Woe to those who quarrel with their Maker, those who are nothing but potsherds among the potsherds on the ground. Does the clay say to the potter, ‘What are you making?’ Does your work say, ‘The potter has no hands’?” (Isaiah 45:9) and “Yet you, Lord, are our Father. We are the clay, you are the potter; we are all the work of your hand” (Isaiah 64: 8) as well as Jeremiah 18:6: “He said, Can I not do with you, Israel, as this potter does?” declares the Lord. “Like clay in the hand of the potter, so are you in my hand, Israel.” In the face of death, Richard involuntarily turns to biblical stories, probably trying to find at least some consolation in them.

Furthermore, Shakespeare could not but refer to the notorious Pontius Pilate, the procurator of Judea, whose name, like the name of Judas, became a household name.

(5) In Act IV, Scene 1, King Richard laments: “Though some of you with Pilate wash your hands Showing an outward pity; yet you Pilates Have here deliver’d me to my sour cross, And water cannot wash away your sin”. The great playwright makes a reference to the famous Gospel scene in which the procurator, in order to please the crowd, sends Jesus to execution, although in his soul he understands that Christ is innocent. “When Pilate saw that he was getting nowhere, but that instead an uproar was starting, he took water and washed his hands in front of the crowd. ‘I am innocent of this man’s blood,’ he said. ‘It is your responsibility!’ All the people answered, ‘His blood is on us and on our children!’ Then he released Barabbas to them. But he had Jesus flogged, and handed him over to be crucified” (Matthew 27: 24-26).

(6) At the end of the play, in the last remark addressed to Exton, Bolingbroke says: “With Cain go wander through shades of night, And never show thy head by day nor light”. Here Shakespeare refers the reader to Genesis 4:12, the Lord’s words to Cain, guilty of fratricide: “When you work the ground, it will no longer yield its crops for you. You will be a restless wanderer on the earth”. The name Cain became a household name as a symbol of treachery, the absence of any moral principles.

3.4. Biblical Allusions in the Chronicle “Henry IV”

One of the main characters of the chronicle Sir John Falstaff in his remarks often refers to biblical plots. Despite the fact that by nature Falstaff can be classified, rather, as a comic character, his statements often have a profound meaning. Shakespeare uses biblical stories in a non-religious context, hoping that the audience will be able to recognize the source of allusions.

(7) In Part I, Act I, Scene 2, Falstaff ironically tells Prince Harry that he is ready to receive the dress “from the shoulders of the executed.” If we turn to the scene of the crucifixion of Christ in the Gospel, we read: “When they had cruci-

fied him, they divided up his clothes by casting lots” (Matthew 27:35). It may be assumed that Falstaff wants to remind the prince of this Gospel passage and in a playful manner to convince the prince of the need be merciful. Indeed, in the preceding remarks Sir John encourages his friend to abolish the “barbaric custom of hanging” in England, once he accedes to the throne.

(8) In the same scene, again in an ironic manner, Prince Harry (this time he portrays the king, his father) tells Falstaff, who plays the role of the prince: “The complaints I hear of thee are grievous.” This remark of the prince evokes associations with the Book of Genesis: “Then the Lord said, “The outcry against Sodom and Gomorrah is so great and their sin so grievous...” (Genesis 18:20) and “...because we are going to destroy this place. The outcry to the Lord against its people is so great that he has sent us to destroy it” (Genesis 19:13).

(9) In Part I, Act II, Scene 4, depicting the king, Falstaff says to the prince: “If then the tree may be known by the fruit, as the fruit by the tree, then, peremptorily I speak it, there is virtue in that Falstaff ...”. Saying this phrase, Sir John again refers the Gospel of Matthew 7:16-18: “By their fruit you will recognize them. Do people pick grapes from thorn bushes, or figs from thistles? Likewise, every good tree bears good fruit, but a bad tree bears bad fruit. A good tree cannot bear bad fruit, and a bad tree cannot bear good fruit.”

(10) In part I, Act III, Scene 3, Falstaff says to his servant Bardolph: “I never see thy face but I think upon hellfire and Dives that lived in purple, for there he is in his robes, burning, burning.” This guides us to the famous parable of the rich man and Lazarus in the Gospel of Luke 16:19-26. Lazarus is a beggar who waited for “crumbs falling from the rich man’s table,” while the rich man “dressed in purple and fine linen and feasted brilliantly every day.” When the beggar and the rich man died, the first went to heaven, and the second to hell.

(11) Shakespeare makes a reference to the same parable in Falstaff's remark in Act IV, Scene 2: “... now my whole charge consists of ancients, corporals, lieutenants, gentlemen of companies, slaves as ragged as Lazarus in the painted cloth, where the glutton’s dogs licked his sores.” Interestingly, in the continuation of this remark there is another biblical allusion associated with the parable of the prodigal son: “...you would think that I had a hundred and fifty tattered prodigals lately come from swine-keeping, from eating draff and husks.” This parable is set out in Luke 15 and tells the story of the prodigal son, who, though ruined through his own stupidity, returns to his father and receives forgiveness. Falstaff uses both allusions to give a detailed and meaningful description of the recruits’ appearance.

(12) In part II, Act I, Scene 1, the Earl of Northumberland, the enemy of King Henry IV, upon learning of the death of his own son, exclaims:

Keep the wild flood confined! let order die!

*And let this world no longer be a stage
To feed contention in a lingering act;
But let one spirit of the first-born Cain
Reign in all bosoms, that, each heart being set
On bloody courses, the rude scene may end.*

For a better understanding of the grief-stricken father's feelings, Shakespeare refers the reader to Genesis 7:11-12: "In the six hundredth year of Noah's life, on the seventeenth day of the second month — on that day all the springs of the great deep burst forth, and the floodgates of the heavens were opened. And rain fell on the earth forty days and forty nights" and Genesis 4:8: "Now Cain said to his brother Abel, 'Let's go out to the field.' While they were in the field, Cain attacked his brother Abel and killed him." According to V. P. Komarova, "the chronicle plays 'King Henry IV' and 'King Henry V' are almost free from biblical allusions; here political arguments prevail, and the leaders allude to 'time' as the power that justifies their actions. Even the archbishop in 'Henry V' recollects the Book of Numbers with the practical goal: to convince Henry V that he has 'rights' to the French crown, while the motive of the prelate is egotistical: the war must help to save the church property from the attacks of the parliament" (Komarova 1998). "The most interesting Biblical allusions occur in the language of sir John Falstaff in both parts of 'Henry IV.' His allusions are introduced to make a comical effect: the well-known sayings and precepts are paraphrased or changed so as to make the audience laugh or to attract attention to some painful facts of the English life at the time when the plays were staged" (Komarova 1998).

3.5. Biblical Allusions in "Twelfth Night"

(13) In Act I, Scene 5, the jester addressing Olivia says: "Anything that's mended is but patched: virtue that transgresses is but patched with sin; and sin that amends is but patched with virtue". It is probably appropriate here to recall the Gospel of Matthew 9:16: "No one sews a patch of unshrunk cloth on an old garment, for the patch will pull away from the garment, making the tear worse." This allusion can be interpreted as follows: until the internal problems are resolved, external benefits will not help in any way.

(14) In Act II, Scene 5, Sir Andrew, outraged by Malvolio's plans to marry Olivia and become an Earl, exclaims ironically: "Fie on him, Jezebel!" The reference to the Third Book of Kings 21:25 is most evident: "There was never anyone like Ahab, who sold himself to do evil in the eyes of the Lord, urged on by Jezebel his wife". According to the 21st chapter of the Third Book of Kings, Jezebel, the wife of Samaria's king Ahab, ordered to stone Naboth, who had refused to give Ahab his vineyard, "the inheritance of his fathers," even for silver

or for another vineyard. The biblical name Jezebel has become a household name for a vain, shameless person.

4. Conclusion

The results of the study allow us to conclude that the works of W. Shakespeare contain frequent references to biblical plots and texts, without identification and analysis of which it is difficult or even impossible to achieve a complete understanding of the message of the plays. The analysis of the selected samples clearly demonstrates that the favorite biblicisms of W. Shakespeare are precedent biblical names (Judas, Pontius Pilate, Cain, Lazarus, Noah, etc.). In the tragedy “Hamlet,” references to the Bible, especially spoken by the Prince of Denmark himself, make the reader “plunge headlong” into the maelstrom of the protagonist’s suffering. In the comedy “Twelfth Night,” biblicisms are used in a special hyperbolized ironic manner (and Shakespeare’s irony definitely deserves most thorough and detailed research). Biblical allusions serve as markers of biblical precedence and appear to prove the idea of biblical omnipresence and significance. Biblicisms in the literary masterpieces of W. Shakespeare enhance their overall semantic complexity since they are interpreted and used by the author in a highly individual and unique manner.

Thus in Shakespeare’s plays that were the subject of this study the Bible acts as a key precedent text, and the author’s use of biblicisms makes it possible to convey implicit meanings to the audience and the reader as well as to make the perception of his plays more lively and emotionally compelling due to the presence of the vertical context.

References

- Amosova, Nataliya N. (1963) *Osnovy anglijskoj frazeologii* (The Basics of English Phraseology). Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. (In Russian).
- Fedulenkova, Tatiana N. (2016) *Lekcii po anglijskoj frazeologii biblejskogo proiskhozhdeniya: uchebnoe posobie* (Lectures on Phraseology of Biblical Etymology: Training Manual). Moscow: Izdatel'skij dom Akademii Estestvoznaniya. (In Russian).
- Fedulenkova, Tatiana N. (2019a) Recenziya na monografiyu N. A. Kuz'minoj: Intertekst: tema s variacijami. Fenomeny yazyka i kul'tury v intertekstual'noj interpretacii. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2018. 272 s. (Review on the Monograph by N. A. Kuzmina: “Intertext: the Theme with Variations. Linguistic and Cultural Phenomena in Intertextual Interpretation”. M.: Book House “LIBROKOM”, 2018. 272 p.). *Che-lovek. Kul'tura. Obrazovanie*, 2 (32), 238–245. (In Russian)
- Fedulenkova, Tatiana N. (2019b) (2022, August 10) Pragmaticheskie funktsii sovremennoj anglijskoj filologii (Pragmatic Functions of Modern English Phraseology). *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 5 (2), 74–83. Retrieved from <http://rrlinguistics.ru/journal/annotation/1713/>. (In Russian).

- Fedulenkova, Tatiana N. (2019c) *Novoe v izuchenii frazeologii v postneklassicheskij period*. Zykova I. V. *Konceptosfera kul'tury i frazeologiya. Teoriya i metody lingvokul'turologicheskogo izucheniya*. M.: LENAND, 2019. 380 s. (New in Phraseological Studies of Postnonclassical Period. Review on Zykova I. V. *Conceptosphere of Culture and Phraseology. Theory and Methods of Linguocultural Studies*. M.: LENAND, 2019. 380 p.). *Izvestia of Smolensk State University*, 3 (47), 401–406. (In Russian).
- Fedulenkova, Tatiana N. (2020a) *Frazemosemiozis kak kognitivno-pragmaticheskaya problema: Recenziya na knigu: Alefirenko N. F. «Kognitivno-pragmaticheskie istoki frazemosemiozisa»: monografiya*. M.: FLINTA: Nauka (Phraseosemiosis as Cognitive-pragmatical Problem. Review on the Monograph by Alefirenko N. F. “Cognitive-Pragmatical Sources of Phraseosemiosis”. Moscow: FLINTA: Nauka). *Vestnik of Pomor University. Series: Humanitarian and Social Sciences*, 1, 114–122. (In Russian).
- Fedulenkova, Tatiana N. (2020b) (2022, August 10) *Razvitie variantnosti frazeologii biblejskoj etimologii* (Development of Variability in Phraseology of Biblical Etymology). *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 6 (2), 83–96. Retrieved from <http://rllinguistics.ru/journal/annotation/2065/> (In Russian).
- Fedulenkova, Tatiana N. (2021) *Diskutiruemye problemy sovremennoj frazeologii* (Debatable Questions of Modern Phraseology). *LUNN Bulletin*, 1 (53), 149–155. (In Russian).
- Fisch, Harold. (1999) *The Biblical Presence in Shakespeare, Milton and Blake: A Comparative Study*. Oxford: Oxford University Press.
- Galperin, Ilya R. (1958) *Ocherki po stilistike anglijskogo yazyka* (Essays on English stylistics). Moscow: Izdatel'stvo literatury na inostrannyh yazykah. (In Russian).
- Golubeva, Nadezhda A. (2013) *Precedentnye edinicy v religioznom diskurse* (Precedent Units in Religious Discourse). *LUNN Bulletin*, 23, 26–34. (In Russian).
- Kabanova, Irina N. (2016) *Intertekstual'nyj status allyuzivnyh vklyuchenij v medijnom diskurse* (Intertextual Status of Allusion in Mass Media Discourse). *LUNN Bulletin*, 33, 31–39. (In Russian).
- Kibizova, Elena R., & Bakina, Anna. D. (2020) *Semanticheskie osobennosti biblejskih allyuzij i specifika ih perevoda* (Semantic Peculiarities of Biblical Allusions and the Specifics of the their Translation). *Youth Science Forum Journal*, 6, 101–109. (In Russian).
- Klyukina, Tatyana P. (2003) (2022, August 10) *Osobennosti upotrebleniya i perevoda anglijskih i russkih bibleizmov* (Peculiarities of Usage and Translation of English and Russian Biblicisms). *Al'manah «Stolpotvorenje»*, 8–9. Retrieved from http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/klyuk-bible-phrases.shtml. (In Russian).
- Komarova, Valentina P. (1998) *Shekspir i Bibliya: opyt sravnitel'nogo issledovaniya* (Shakespeare and the Bible: a Comparative Study). Saint-Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta. (In Russian).
- Kunin, Aleksandr V. (1971) *Frazeologicheskie edinicy i kontekst* (Phraseological Units and Context). *Inostrannye yazyki v shkole*, 5, 2–14. (In Russian).
- Marx, Steven. (2000) *Shakespeare and the Bible*. Oxford: Oxford University Press.
- Mendel'son, Veronika A. (2002) *Frazeologicheskie edinicy biblejskogo proiskhozhdeniya v anglijskom i russkom yazykah* (Phraseological Units of Biblical Origin in English and Russian). PhD Thesis in Philology. Kazan. (In Russian).
- Milward, Peter. (1973) *Shakespeare's Religious Background*. Chicago: Loyola University Press.

- Milward, Peter. (1987) *Biblical Influences in Shakespeare's Great Tragedies*. Bloomington, Indiana: Indiana University Press.
- Moskvin, Vasily P. (2014) K utochneniyu ponyatiya «allyuziya» (To the Notion of Allusion). *Russkaya rech'*, 1, 37–43. (In Russian).
- Naciscione, Anita. (2010) *Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse*. Amsterdam, the Netherlands; Philadelphia, USA: John Benjamins Publishing Company.
- Naumova, Tatyana M. (2011) O roli allyuzivnyh antroponimov v formirovanii mezhkonceptnyh svyazej vnutri britanskoj nacional'noj konceptosfery (na primere koncepta failure) (On the Role of Allusive Anthroponyms in Establishing Interconceptual Relationships in the British National Conceptual Sphere (On the Example of the Concept 'Failure')). *LUNN Bulletin*, 14, 51–56. (In Russian).
- Shaheen, Naseeb (1999) *Biblical References in Shakespeare's Plays*. Newark: University of Delaware Press.
- Vajc, Karina S. (2013) Sovremennaya angloyazychnaya hristianskaya propoved': intertekstual'nyj aspekt (The Modern English-language Christian Sermon: Intertextual Aspects). *LUNN Bulletin*, 22, 11–21. (In Russian).

Internet Sources

- Biblija onlain (Bible Online) (2007) (2021, August 15). Retrieved from: <https://bible.by/>
- The Complete Works of William Shakespeare (1993) (2021, August 16). Retrieved from: <http://shakespeare.mit.edu/index.html>.

УДК 821

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-59-3-89-98

ТВОРЧЕСТВО Л. ЛИНДЕРА: ТРАДИЦИИ, ВЛИЯНИЯ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР¹

И. А. Бекин

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

На протяжении всей своей истории Швейцария представляла для иностранцев неизменный интерес как в культурном, так и в литературном отношении. Хотя Швейцария и находится в самом сердце Европы, на культурный ландшафт страны определенно оказали влияние независимость, стремление держаться особняком и многоязычие. Примерно к XVII столетию окончательно оформляются литературные центры в Цюрихе, Фрейбурге, Лозанне с собственными типографиями, начинает создаваться «швейцарская литература», в зависимости от области или кантона постоянно испытывающая влияние итальянской, французской и немецкоязычной литературных традиций. Отсюда такая невероятная концентрация и полифония идей, определившая швейцарскую литературу. Одним из центральных для немецкоязычного севера Швейцарии стало фрейдистское восприятие действительности как некоего *modus operandi*. Фрейдизмом, сращенным с классической немецкой философией, безусловно, пропитан культурный фон всего XX века. Это находит отражение в работах трёх главных деятелей культуры немецкоязычного языкового пространства: Томаса Манна, Франца Кафки и Бертольда Брехта. Швейцария, не испытывавшая ужасов войны, выпавших на долю её соседей, сталкивается всё же с их последствиями. В послевоенную литературу (в частности, пьесы Фридриха Дюрренматта, Макса Фриша, Макса Штайгера 1940–50-х гг.) входят в первую очередь мотивы немецкой «литературы изгнания». Переосмысливается ключевой для немецкоязычной литературы второй половины XX века концепт вины — швейцарцы тоже виноваты в общеевропейской трагедии. Перед писателями Швейцарии также встаёт вопрос «Как мы живём и как нам следует жить?». Ответ на него пытается дать один из последователей писателей «Группы 47», Мартина Вальзера, ученик Карла Крауса Лукас Линдер.

Ключевые слова: швейцарская литература; полифония; компаративистика; юмористическое; кафкианство.

Цитирование: Бекин И. А. Творчество Л. Линдера: традиции, влияния, художественный мир // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 3 (59). С. 89–98. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-59-3-89-98.

¹Исследование выполнено в рамках стипендиальной программы DAAD «Иммануил Кант». The research is funded by the “Immanuel Kant” DAAD Scholarship.

The Works of Lukas Linder: Traditions, Influences, and Vision of the World

Ilya A. Bekin

N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Throughout its history, Switzerland has been of constant interest to foreigners, in terms of both its culture and literature, hence the incredible concentration and polyphony of ideas that define Swiss literature. Despite being in the heart of Europe, Switzerland has always been known for its desire to stand apart, its independence, and multilingualism. All these factors have greatly influenced the cultural landscape of the country. Thus, approximately by the 17th century, literary centers with their remarkable printing houses in Zurich, Fribourg, and Lausanne are beginning to create “Swiss literature,” which, depending on the region or canton, has been constantly influenced by Italian, French, and German-speaking literary traditions. One of the central features of the tradition of the German-speaking north of Switzerland was its Freudian perception of reality as a kind of *modus operandi*. Freudianism fused with classical German philosophy certainly forms the cultural background of the entire 20th century, and this is reflected in the works of the three main cultural figures of the German-speaking tradition: Thomas Mann, Franz Kafka, and Bertolt Brecht. Even though Switzerland has not experienced the horrors of war that befell its neighbors, it still has had to face its consequences, and its post-war literature (in particular, plays by Friedrich Dürrenmatt, Max Frisch, and Max Steiger of the 1940-50s) definitely includes motifs of the German ‘exile literature.’ Another aspect of the German-language Swiss literature which is currently being reconsidered is the concept of “Schuldgefühl”: the idea that the Swiss are also to blame for the pan-European tragedy. Swiss writers are compelled to face the question, “How do we now live, and how should we live?” Lukas Linder, a follower of aestheticism of “Group 47” and a disciple of Martin Walser and Karl Kraus, seeks to answer this poignant question in his work.

Key words: Swiss literature; polyphony; comparative studies; humorous; Kafkaesque.

Citation: Bekin, Ilya A. (2022) The Works of Lukas Linder: Traditions, Influences, and Vision of the World. *LUNN Bulletin*, 3 (59), 89–98. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-59-3-89-98.

1. Введение

Лукас Линдер — неоднозначный писатель, давно вышедший за сцену бернского театрального фестиваля, известного за пределами Швейцарии, в том числе и в России (Bühne Bern, DeutschlandFunk; Nachtkritik).

Бернский фестиваль (*Berner Theaterfestspiele*) — типичное для швейцарской городской культуры мероприятие; почти в каждом городе существует местный диалект и местная театральная культура. Вокруг такого фестиваля объединяются единомышленники: театральные деятели, актёры, режиссёры, драматурги, которые вместе издаются, имеют общую публику. В какой-то момент им становится тесно, особенно именитые отделяются. Так произошло и с Линдером (Michalzik 2018: 18).

Линдер — молодой драматург, которого швейцарская пресса справедливо называет «новым Дюрренматтом» (Tageswoche). Действительно, по замечанию П. Михальчика (Michalzik 28: 2018), с классиком швейцар-

ской литературы XX века Линдера роднит общее понимание юмористического, особый темп повествования, швейцарский колорит на фоне абсолютной универсальности, внешнее отсутствие психологизма, парадоксальность.

Писатель родился в кантоне Цюрих в 1984 году, изучал философию и германистику в Базельском университете, писал для театра в Базеле, его работы отмечены многочисленными премиями, в том числе премией Клейста (пьеса воспитания «Человек из Оклахомы» (*Der Mann aus Oklahoma*) (Linder 2013: 35–70) и призом зрительских симпатий Гейдельбергского театрального фестиваля (назидательная пьеса «Человек в ванне, или Как стать героем») (Linder 2012: 15–65).

В 2008 году Линдер принял участие в авторской лаборатории драматического театра Дюссельдорфа под руководством Томаса Йонига, в рамках которой написал пьесу, принесшую ему приз зрительских симпатий. В 2010 году получил премию мастерской *Stück für Stück* Венского драматического театра в Йозефштадте. Театральный сезон 2011–12 года был отмечен для него стипендией лауреата театральной мастерской в Базеле, тогда же он был приглашенным драматургом в театре Биля – Золотурна в Швейцарии. Автор более десятка пьес, с успехом поставленных в Австрии, Германии и Швейцарии, он продолжает сотрудничество почти со всеми крупными немецкоязычными театрами Европы.

В 2018 году Лукас Линдер попробовал себя в качестве романиста и выпустил книгу «Последний в своем роде» (*Der letzte meiner Art*). В 2020-м выходит второй роман Лукаса Линдера «Незавершенный» (*Der Unvollendete*) (перевод мой — И. Б.) (Linder 2021). По его собственным словам, сейчас ведёт работу над третьей книгой, параллельно обдумывая драматические сюжеты.

Проживает в Швейцарии и Лодзи. Женат.

Такова краткая биографическая характеристика Лукаса Линдера, которую уместно было бы привести в литературной энциклопедии, сопроводив длинным списком опубликованных произведений, и, подкрепляя не менее внушительным списком литературных и театральных премий, поставить точку.

2. Характеристика материалов и методов исследования

Однако одна из принципиальных задач данного исследования не столько проследить творческий путь автора, сколько выявить глубинные механизмы формирования идиостиля, выявить закономерности и взаимовлияния, из которых выводится как фабульная структура произведений,

так и проблематика внутренних конфликтов, волнующих автора и его героев.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Лукас Линдер достаточно сдержан в оценках масштаба собственной личности и значения своего творчества для родной литературы: подобная скромность вполне узнаваема в контексте швейцарской социокультурной идентичности.

Примечательно, что, говоря о своих учителях, Линдер в меньшей степени отмечает влияние немецкоязычных авторов. В интервью он неизменно называет в первую очередь Ф. М. Достоевского, замечая, что русская литература оказала решающее влияние на его творческое становление: «Я стремился убежать от тяжеловесности немецкой литературы и ни в одной крупной европейской литературе не чувствовал себя на своём месте, а потом я прочитал Толстого и Достоевского, русскую классическую литературу и осознал: я дома» (Linder 2019) (перевод мой — И. Б.).

Замечание весьма интересное и ценное, учитывая привычную отечественному филологу дихотомию «Толстой — Достоевский». Европейские интеллектуалы знают ее по работам Д. С. Мережковского (Мережковский 2000), М. М. Бахтина (Бахтин 1975, 1979), Т. Манна (Mann 1967a, Mann 1967b).

Однако «русская линия» в сознании европейцев входит в магистральные контексты мировой литературы. Крупнейший советский специалист по Ф. М. Достоевскому Г. Фридлендер связывает традицию автора «Бесов» с лучшими образцами французского реализма (Фридлендер 1988), особо отмечая О. де Бальзака и Э. Золя. Литературная традиция Толстого, по мнению отечественного исследователя Б. Эйхенбаума, на начальном этапе встраивается в парадигму «Гёте — Флобер — Томас Манн», однако русский писатель образует собственную традицию:

«Французские критики в известном смысле правы, когда они видят в “Анне Карениной” следы изучения Толстым французской литературы — Стендаля, Флобера; но, увлекаясь патриотизмом, они не видят главного — того, что “Анна Каренина” представляет собой не столько следование европейским традициям, сколько их завершение и преодоление» (Эйхенбаум 1974: 243).

Отечественный германист М. Бент в статье 1992 года усматривает иную творческую вертикаль — «Клейст — Кьеркегор — Флобер», которую исследователь «протягивает» вплоть до творчества Ф. Кафки (Бент 1992: 80–86)

Принимая во внимание две эти модели, следует заметить, что важное место в них занимает фигура Г. Флобера. Его горький скепсис относительно буржуазного мира и человека в нем предельно близок Линдеру.

Отчужденный герой находится и в центре конфликта дебютного романа писателя «Последний в своем роде», рассказывающего о судьбе потомка одного из знаменитых аристократических домов Берна, не оправдавшего надежд своего чопорного семейства и решающего порвать с авторитетом славных предков.

Таков и герой его пьесы «Человек в ванне...» (*Der Mann in der Badewanne*) Альберт Вегелин (Linder 2012). Молодой человек перестаёт принимать пищу, а окружающие — каждый для собственной выгоды — превращают это пассивное действие в акцию — голодовку протеста, причём постоянно либо говорят о еде, либо едят. Пьеса очень интересна структурно: она представляет собой два параллельных действия, одно из которых — вполне нарративная история Альберта Вегелина, второе же — «подиумная дискуссия», во время которой Ведущая, Философ, Политик и Автор обсуждают (не)происходящее с (не)героем, возводя спор в пространство общефилософских категорий «тварь я дрожащая» или «герой нашего времени». Причём Политик, спящий во время подиумной дискуссии, вступает на территорию нарратива, совершая таким образом фантазмагорический переход: из пространства, в котором присутствует автор сюжета, он переходит в вымышленный сюжет, становясь таким образом дважды вымышленным персонажем.

Альберт Вегелин при этом на протяжении всей пьесы избегает становиться Героем, всё больше прячась в вынесенной в заглавие ванне. Анатоль Ферн же, герой последнего опубликованного романа «Незавершенный», служит своего рода промежуточным итогом творчества Лукаса Линдера и его магистральной темы — «героический герой в типических обстоятельствах современной жизни».

Анатоль Ферн — писатель-неудачник, неудавшийся любовник. Познакомившись в баре с девушкой и приведя её домой, он собирается для начала удивить её искусством приготовления бутербродов («она ведь, должно быть, голодна!» (Linder 2021: 13) (перевод мой — И. Б.)), описывает в деталях устройство и функционал недавно купленного пылесоса. Неудивительно, что его «любовное приключение» ничем не заканчивается.

На протяжении всего романа герой мучается тем, что не может написать бестселлер, и в поисках вдохновения отправляется с другом-профессором в Лодзь на симпозиум микологов. Дантовского рая Анатоль достигает, услышав доклад профессора о грибах и грибницах. Наконец ему, мучимому вопросом, кто же из двух писателей-Маннов наиболее ве-

ликий — Томас или Клаус (ещё одна блестящая шутка Линдера), открывается не только смысл жизни, но и своего рода Кастальский ключ, благодаря чему он всё-таки напишет долгожданный бестселлер.

В последней книге печальный юмор Лукаса Линдера раскрывает новые грани уже с первых строк: «Что это было? Уж конечно не начало “В поисках утраченного времени” <...>» (перевод мой — И. Б.) (Linder 2020: 9). Интеллектуальный читатель помимо очаровательного пастиша на начало эпопеи Пруста угадывает ещё и аллюзию на протестантский катехизис Лютера с его повторяющимся *Was ist das?*. Юмор играет для Линдера-писателя решающую роль. Причём этот юмор создаётся подспудно, имплицитно. Писатель привлекает опыт драматурга, основываясь на юмористической ситуации, избегая морализаторства, сатиры и чрезмерной сложности, от которой читателю (а в случае с Линдером, справедливо добавить, и зрителю) становится не по себе.

Второй магистральной темой творчества Линдер является поиск свободы — или в данном случае несвободы в её «вежливом швейцарском проявлении». Человек, который хочет быть (и чувствовать себя) свободным, но при этом не хочет никого беспокоить, никому своей свободой докучать — Альберт Вегелин, «истинный швейцарец», подвергается со стороны автора-Линдера и Автора — героя пьесы жесточайшей критике. И здесь представляется уместным вернуться к проблематике творчества Достоевского.

Н. В. Живолупова в центр нравственной проблематики романов Достоевского ставит вопрос о «преображенном христианстве»: человек, отрекающийся, отходящий от религии, утрачивает здравомыслие (например, Верховенский в «Бесах») и сотворяет таким образом главное антигуманистическое преступление (Живолупова 2020: 117). Христос Достоевского — незлобивый князь Мышкин, преображающий мир эпилептик, проникающийся сочувствием к падшей женщине. В этом смысле Альберт Вегелин, отказывающийся от еды чудака, которого в конце мать и возлюбленная (перверсные Богоматерь и Магдалина) ведут на заклание / распятие, — фигура, безусловно, христологическая, на уровне смыслов вступающая в экзистенциальное и идеологическое противоречие с Политиком и начальником-Шиндером, воплощающими нищенское начало.

Достоевский сверхчеловека Раскольникова однозначно опровергает и отвергает. Вегелин, не преступающий никаких формальных законов, совершает преступление вольнодумства. Его главный инструмент и главный враг — воля. Таким образом, конфликт, актуализированный Кафкой, Томасом Манном, Клаусом Манном и множеством немецкоязычных писателей-предшественников — «поэт-толпа», «художник-бюргер», Линдером

осмысляется как конфликт абсолютно внутренний, зарождающийся, реализуемый и исполняемый одним человеком в рамках одного земного существования: творцом и филистером одновременно.

Похожую мысль высказывает переводчик Т. Манна С. К. Апт, справедливо утверждающий, что привычное русскому уху слово «бюргер» несёт однозначно негативную коннотацию, в то время как по-немецки семантическое поле охватывает лишь сему «городской житель» (Апт 2008: 8:). Бюргерство в немецкой традиции осмысляется явлением исключительно положительным, основательным, *vernünftig* — иными словами, рационально правильным руководством к жизни, отказ от которого ведёт к частным («Будденброки») и вселенским («Доктор Фаустус») катаклизмам. Именно такую трактовку, по собственным словам, даёт герою пьесы и Лукас Линдер.

Проблема кафкианского маленького человека, подавляемого и в конечном счёте уничтоженного обществом, в его художественном мире сосуществует с индивидуализмом в истинно «достоевском» его смысле: отказ от конформизма влечёт за собой необратимые для души последствия. Здесь будет уместным вспомнить доктора Кафку, писателя, предпочитающего нивелировать себя до жука, паразита, винтика в непомерно разросшейся бюрократической машине Австро-Венгерской империи, находящего творческую, личную и духовную свободу не в вечном страдании по роду человеческому, а в выверенном и чётком следовании жизненному укладу пристойного австрийского бюргера и возведшего тяжеловесный канцелярит в пространство метафизических величин (Затонский 1965: 137).

Именно таков Линдер-писатель, сочетающий в себе здоровый прагматический юмор и следование особой традиции немецкоязычной литературы с ее абсурдистским характером, притчевым юмором Кафки. В эссе «Заметки о чувстве юмора Кафки, которые, пожалуй, стоило бы отредактировать» (*Some Remarks on Kafka's Funniness (from which probably not enough has been removed)*) классик американского постмодернизма Д. Фостер Уоллес отмечает, что юмор Кафки равноудалён как от «пародийности Барта», так и от «юмора современной американской индустрии развлечений» (Wallace 1999). Он не пользуется игрой слов, не строит каламбур на основании физического порока, а самое важное — никогда не высмеивает власть, что делает его юмор абсолютно неясным как для поколения советских людей, воспитанных на шутках-экивоках, так и для поколения нынешнего, предпочитающего слэпстик и стендап с его *punching-up*-культурой (высмеивание вышестоящих).

Юмор Кафки в подобных категориях просто немыслим, наоборот, человек, облечённый властью, у него абсурден, страшен, печален и нико-

гда не смешон (вспомним, например, лейтенанта из рассказа «В исправительной колонии»). Человек, воспитанный на европейской культуре метафоры (от разветвлённых толкований Библии до средневековой схоластики), сталкиваясь с юмором Кафки, привычно ищет метафоричности и в нём, в то время как юмор писателя строится по принципиально обратному принципу: это есть абсолютная буквализация правды.

Рассказ «Голодарь», реминисценции на который однозначно угадываются в пьесе Линдера, напоминает о таких устоявшихся формулах немецкого языка, как *Hunger nach Aufmerksamkeit*, *Hunger nach Liebe und Anerkennung*. Мягкая и прямая ирония Кафки проступает сквозь кажущуюся беспросветность его произведений. Это юмор Пятикнижия, требующий сперва перевода, а после толкования. Дополнительное измерение в рассказе Кафки открывается, если вспомнить, что в греческом слове «анорексия» просвечивает глагол *orego* — «желаю, стремлюсь». Ни одна шутка Кафки не является шуткой в полном смысле этого слова.

«Es gibt unendlich viel Hoffnung, nur nicht für uns», — замечает Кафка в одной из дневниковых записей (Kafka 2012: 48). Для героев Линдера, как впрочем, и для героев Кафки (ещё одна параллель в названиях — *Der Unvollendete* и *Der Verschollene*), единственно возможным выходом становится подлинно романтическое ничегонеделание, постулируемое Шлегелем в его теории о романтической иронии (Пигулевский 2002: 40–43). Герои Линдера, а также Грегор Замза, Йозеф К., Тонио Крёгер и принц Клаус-Генрих из «Его королевского Высочества» выбирают подобный путь — «не делать ничего, чтобы сделать всё», чтобы их активнейшее внутреннее мирозерцание внешне оставалось пассивным, таким образом персонажи сохраняют самоценную личность, осмысляя фарсовый иррационализм жизни.

Таков воспитательный или, скорее, антивоспитательный пафос творчества Линдера. Не случайно свои пьесы он характеризует как назидательные — *Lehrstück* или *Bildungsroman* (по аналогии с термином *Bildungsroman* И. В. Гёте (*Bildung* — воспитание / становление). Единственным уместным и осмысленным действием для самого Линдера остается собственно *Das Schreiben*, в кафкианском смысле этого слова. «Я весь — литература и ничем иным не могу и не хочу быть» (Kafka 2012: 114) (перевод мой — И. Б.). В дихотомии «жизнь — письмо» для автора «Голодаря» второй элемент практически сходит на нет как в художественной, так и в биографической плоскости. Упомянутый выше М. Бент возводит подобный тип повествования к принципу флюберовского «постоянного письма», благодаря которому автор «Искушений святого Антония» способен переносить жизнь.

В швейцарской литературе эту традицию представляет один из самых загадочных и сложно интерпретируемых авторов первой половины XX столетия Р. Вальзер. В микрограммах писателя передано движение «одинокой прогулки» как непрерывное «писание — действие — проживание» (Sebald). Микрограммы — небольшие тексты, написанные очень мелким почерком на небольших клочках бумаги, которые были доступны писателю в психиатрической клинике, в которой он провел последние годы жизни. Не случайно Кафка, Вальзер и Флобер входят в круг любимых писателей Л. Линдера.

4. Заключение

Подводя итог, можно сказать, что для художественного мира писателя характерно тяготение ко второй модели письма, представленной линией «Клейст — Кьеркегор — Флобер», т. е. «абсурдистского реализма». В то время как первая ось развития реалистического мышления знакома автору, но в значительно меньшей степени освоена им как писателем.

Список литературы / References

- Апм С. К.* Достоинство духа // Манн Т. Путь на Волшебную гору. М.: Вагриус, 2008. С. 5–18. [Apt, Solomon K. (2008) Dostoinstvo dukkha (The Dignity of Spirit). In Mann, Tomas. Put' na Volshebnuyu goru (A Way to the Magical Mountain). Moscow: Vagrius, 5–18. (In Russian)].
- Бахтин М. М.* Эпос и роман // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М. Художественная литература, 1975. С. 447–483. [Bakhtin, Mikhail M. (1975) Epos i roman (Epos and Novel). In Bakhtin, Mikhail M. Voprosy literatury i estetiki (Issues of Literature and Aesthetics). Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 447–483. (In Russian)].
- Бахтин М. М.* Роман воспитания и его значение в истории реализма // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 188–236. [Bakhtin, Mikhail M. (1979) Roman vospitaniya i yego znachenije v istorii realizma (An Upbringing Novel and Its Significance in the History of Realism). In Bakhtin, Mikhail M. Estetika slovesnogo tvorchestva (The Aesthetics of Verbal Creativity). Moscow: Iskusstvo, 188–236. (In Russian)].
- Бент М. И.* Я весь — литература // Литературное обозрение. 1992. № 2. С. 86–90. [Bent, Mark I. (1992) Ya vyes' — literature (I am Entirely a Literature). Literaturnoye obozreniye (Literature Review), 2, 86–90. (In Russian)].
- Живолупова Н. В.* Достоевский и иные художественные миры: Монография. Н. Новгород: Изд-во «Дятловы горы», 2020. [Zhivolupova, Natalya V. (2020) Dostoevskiy i inye khudozhestvennyye miry: Monografiya (Doestoevsky and Other Fiction Worlds: Monograph). Nizhny Novgorod: Izd-vo "Dyatlovyy gory". (In Russian)].
- Затонский Д. В.* Франц Кафка и проблемы модернизма. М.: Высшая школа, 1965. [Zatonskiy, Dmitry V. (1965) Frants Kafka i problemy modernizma (Franz Kafka and Issues of Modernism). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].

- Мережковский Д. С. Толстой и Достоевский. Религия. М.: Наука, 2000. [Merezhkovskiy, Dmitriy S. (2000) *Tolstoy i Dostoyevskiy. Religiya* (Tolstoy and Dostoevsky. Religion). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Пигулевский В. О. Ирония и вымысел: от романтизма к постмодернизму: Монография. Р. н/Д: Фолиант, 2002. [Pigulevsky, Viktor O. (2002) *Ironiya i vymysel: ot romantizma k postmodernizmu: Monografiya* (Irony and Fiction: from Realism to Postmodernism: Monograph). Rostov-on-Don: Foliant. (In Russian)].
- Фридлиндер Г. М. Путь Достоевского к роману-эпопее // Достоевский. Исследования. Т. 8. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1988. С. 159–176. [Fridlender, Grigoriy M. (1988) Put' Dostoyevskogo k romanu-epopeye (Dostoesky's Way to an Epic Novel). In *Dostoyevskiy. Issledovaniya* (Dostoevsky. Researches). Vol. 8. Leningrad: Nauka (Leningrad branch), 159–176. (In Russian)].
- Эйхенбаум Б. М. Толстой. Семидесятые годы. М.: ГИХЛ, 1974. [Eykhnenbaum, Boris M. (1974) *Tolstoy. Semidesyatytye gody* (Tolstoy. The Seventies). Moscow: GIKhL. (In Russian)].
- Bühne Bern. (2022, January 21) Retrieved from <https://buehnenbern.ch/>. (In German).
- Deutschlandfunk. (2022, January 21) Retrieved from <https://www.deutschlandfunk.de/lukas-linder-der-letzte-meiner-art-held-des-100.html>. (In German).
- Kafka, Franz. (2012) *Tagebücher 1910-1922*. Hamburg: Tredition. (In German).
- Linder, Lukas. (2012) Der Mann in der Badewanne oder wie man ein Held wird. *Theater der Zeit Verlag*, Juni, S. 48–60. (In German).
- Linder, Lukas. (2013) Der Mann aus Oklahoma. *Theater der Zeit Verlag*. (In German).
- Linder, Lukas. (2014) Das traurige Schicksaal des Karl Klotz. *Theater der Zeit Verlag*. (In German).
- Linder, Lukas. (2018) *Der letzte meiner Art*. Zürich: Kein und Aber Verlag. (In German).
- Linder Lukas. (2021) *Der Unvollendete*. Zürich: Kein und Aber Verlag. (In German).
- Mann, Thomas. (1967a) *Goethe und Tolstoi. Fragmente zum Problem der Humanität*. Berlin: Fischer. (In German).
- Mann, Thomas. (1967b) *Dostojewski mit Maßen*. Berlin: Fischer. (In German).
- Michalzik, Peter. (2018) 100 Jahre Theater Wunder Schweiz. *Theater der Zeit Verlag*. (In German).
- Nachtkritik. (2022, January 21) Retrieved from: https://nachtkritik.de/index.php?option=com_content&view=article&id=14591:der-revisor-oder-das-suendenbuch-cilli-drexel-inszeniert-lukas-linders-komoedie-nach-nicolai-gogol-am-theater-basel&catid=38&Itemid=40. (In German).
- Sebald, Winfried G. (2022, January 21) Le promeneur solitaire: W. G. Sebald on Robert Walser. Retrieved from <https://www.newyorker.com/books/page-turner/le-promeneur-solitaire-w-g-sebald-on-robert-walser>.
- Tageswoche. (2022, January 21) Retrieved from <https://tageswoche.ch/form/interview/sie-sind-doch-ein-neuer-duerrenmatt-herr-linder/>. (In German).
- Wallace, David Foster. (1999) (2022, January 21) Some Remarks on Kafka's Funniness. Retrieved from <https://www.yumpu.com/en/document/read/8015256/david-foster-wallace-some-remarks-on-kafkas-funniness>.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378.096

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-59-3-99-114

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ КАК ИНСТРУМЕНТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЕ ФИЛОЛОГОВ И ЛИНГВИСТОВ

К. Г. Голубева, Т. В. Сухарева

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

Работа посвящена анализу и уточнению методики интерпретации художественного текста с привлечением методов когнитивной интерпретации и контекстуального анализа в русле семантико-когнитивного подхода. Исследование обосновывает статус текста как основной дидактической единицы при обучении иностранным языкам, описывает традиционную методику интерпретации текста, анализирует научные направления, возникшие на стыке лингвистики, когнитивистики и лингводидактики: коммуникативную стилистику текста, семантико-когнитивный подход и методическую лингвоконцептологию. Практический этап исследования посвящен изучению способов вербализации концепта *'marriage'* в тексте художественного произведения *The Man of Property* Джона Голсуорси. Задачей практической части работы являлось моделирование содержания и структуры концепта путем выявления и анализа представляющих его языковых средств на основании 45 контекстов, выделенных методом сплошной выборки. В результате исследования номинативного поля концепта были выявлены 11 когнитивных характеристик, составляющих его содержание. Сопоставление данных, полученных в ходе семантико-когнитивного анализа, и данных лексикографических источников показывает, что текст анализируемого произведения отображает индивидуально-авторскую картину мира. К ядерной зоне смысловой структуры исследуемого концепта относятся когнитивные характеристики, не отраженные в содержании словарных статей. Это смысловые компоненты, объединенные общим тематическим признаком «Супружеский союз включает материальные и нематериальные формы собственности». Результаты практической части исследования были обобщены, сделан вывод о том, что формулировки когнитивных признаков могут лечь в основу интерпретационного монологического высказывания, быть раскрыты и детализированы в зависимости от целей и задач учебной интерпретации. Когнитивные характеристики в данном случае служат смысловыми доминантами речевого продукта и основой для других элементов выска-

зывания, таких как детализирующее цитирование, анализ стилистических средств, заключительное обобщающее утверждение. Применение принципов семантико-когнитивного исследования при работе с текстом позволяет достаточно точно определить уникальность содержания художественного концепта, выделить специфические черты, присущие идиостилю автора. Таким образом, интеграция традиционной процедуры учебной интерпретации с методами семантико-когнитивного анализа позволяет выработать эффективные приемы работы с текстом, направленные на выявление его глубинных смыслов, проработку аргументативной составляющей, а также определение структурных, композиционных характеристик и средств связности текста.

Ключевые слова: интерпретация текста; семантико-когнитивный анализ; художественный концепт; индивидуально-авторская картина мира; когнитивная характеристика.

Цитирование: Голубева К. Г., Сухарева Т. В. Художественный концепт как инструмент интерпретации текста в образовательной парадигме филологов и лингвистов // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 3 (59). С. 99–114. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-59-3-99-114.

Literary Concept as an Interpretational Tool in the Educational Paradigm of Philologists and Linguists

Kristina G. Golubeva, Tatyana V. Sukhareva

N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The paper analyzes and specifies the methodology of text interpretation procedure integrating the methods of cognitive interpretation and contextual analysis in the framework of semantic-cognitive approach. The research explores the status of text as the principle didactic unit in foreign language teaching, gives a gist of the traditional methodology of academic text interpretation, and analyzes the scholarly trends blending linguistics, the cognitive science and linguodidactics which are communicative stylistics, the semantic-cognitive approach and methodological linguodidactics. The practical part of the research studies the ways the literary concept “marriage” is verbalized in the novel “The Man of Property” by John Galsworthy. The aim of the practical part is the modelling of the concept content and the analysis of the language means that represent it, based on forty-five contexts selected by means of the continuum sampling method. As a result of the analysis of the nominative field of the concept, eleven cognitive characteristics representing its content have been determined. The comparison of the data obtained in the course of the semantic-cognitive analysis and lexicographical data reveals that the analyzed text reflects the author’s individual worldview. The nuclear zone of the concept is comprised of cognitive characteristics that are not manifested in the content of dictionary entries. These sense components are unified by the common thematic feature: ‘Marriage comprises material and non-material forms of property.’ The authors summarize the results of the practical research and conclude that the formulations of cognitive characteristics may form the basis of academic text interpretation and be enlarged on depending on the aims of the activity. Cognitive characteristics serve as sense dominants of the speech act and the basis for other components such as detailed citation, the analysis of stylistic means, and the final summarizing statement. The application of the semantic cognitive ap-

proach in text interpretation activities allows us to determine the specificity of the content of the literary concept and to distinguish the unique traits that are characteristic of the author's idiosyncrasy. Thus, the integration of the traditional procedure of academic text interpretation and the methods of semantic-cognitive analysis make it possible to develop efficient methods of working with texts with the goal of determining their meaning and implications, argumentation, structural and compositional characteristics, and means of coherence.

Key words: text interpretation; semantic-cognitive approach; the literary concept; the author's individual worldview; a cognitive characteristic.

Citation: Golubeva, Kristina G., & Sukhareva, Tatyana V. (2022) Literary Concept as an Interpretational Tool in the Educational Paradigm of Philologists and Linguists. LUNN Bulletin, 3 (59), 99–114. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-59-3-99-114.

1. Введение

Работа с художественным текстом является неотъемлемым компонентом аудиторной и внеаудиторной деятельности по практике иностранных языков на всех этапах обучения в вузе. Это вполне закономерно, так как систематическое обращение к художественной литературе на иностранном языке имеет ряд преимуществ и позволяет решать конкретные учебные задачи. Так, благодаря возможности обсуждать события произведений студенты учатся выражать свою точку зрения, анализировать, критически мыслить; развивают творческие способности (Загуменкина, Крюкова 2016). С другой стороны, художественный текст дает богатый языковой материал, позволяющий последовательно прорабатывать лексику, грамматические структуры и другие языковые аспекты, стимулируя речевую деятельность.

Также полагается, что чтение художественного произведения позволяет обучающимся знакомиться с социальным, культурным устройством иноязычного общества, что способствует эффективному усвоению лингвострановедческих знаний и является средством формирования вторичной языковой личности (Гильманова, Никитина, Даминова 2016; Петрова 2018).

В научной литературе распространен термин «текстоцентрический подход», предполагающий, что именно текст является основной дидактической единицей при обучении иностранному языку (Рябченко 2020). Являясь результатом речевой деятельности, текст является основой обучения и служит средством формирования всех видов компетенций (Воителева 2013).

На продвинутом этапе обучения иностранным языкам работа с художественным текстом остается приоритетным аспектом, учитывая цели лингвистического образования. Так, в задачи профессиональной деятельности филологов и лингвистов входят анализ и интерпретация на основе

существующих научных концепций отдельных языковых, литературных и коммуникативных явлений и процессов, текстов различного типа, включая художественные, с формулировкой аргументированных умозаключений и выводов в научно-исследовательской сфере. В прикладной сфере работа с текстом предполагает освоение методов и приемов практической работы в области филологического анализа различных типов текстов (научного, публицистического, художественного и т. д.), а также аннотирование и реферирование документов, научных трудов и художественных произведений на иностранных языках.

Учитывая важность соблюдения принципов междисциплинарной интегральности и научности (Краева 2020), актуальным становится внедрение принципов научного анализа текста в процесс обучения способам интерпретации.

Целью работы является анализ и уточнение методики интерпретации художественного текста с привлечением методов когнитивной интерпретации и контекстуального анализа. В основу методики положен семантико-когнитивный подход, разработанный З. Д. Поповой и И. А. Стерниным (Попова, Стернин 2007).

Для достижения поставленной цели необходимым видится решение следующих задач:

1. Описание традиционной методики интерпретации текста, применяемой для обучения студентов, обучающихся по направлениям 45.03.01 Филология и 45.03.02 Лингвистика, а также описание и определение тех когнитивных методов и приемов анализа текста, которые могли бы быть продуктивными для достижения целей и задач в рамках практического курса иностранного языка и интегрированы в соответствующие учебные разделы.

2. Исследование концепта в соответствии с семантико-когнитивной моделью. Обобщение итогов исследования и определение элементов процедуры анализа, которые могли бы быть применены в ходе учебной интерпретации текста.

3. Интеграция методов смыслового и семантико-когнитивного анализа. Определение процедуры исследования текста с учетом продуктивных научных методик исследования в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы.

Новизна исследования обусловлена недостаточной проработкой интегративных методик смыслового анализа текста в системе высшего гуманитарного образования.

Гипотеза. Приемы семантико-когнитивного анализа применимы в ходе учебной интерпретации текста и обеспечивают данными, позволяю-

щими определить доминантные смысловые признаки художественного концепта. Выявленные когнитивные характеристики могут не совпадать с лексикографическими данными, так как будут актуализировать смыслы, релевантные для описываемого сюжета и выражающие авторскую концепцию, его концептуальную картину мира. В свою очередь, количественные данные, выявленные в ходе семантико-когнитивного исследования, будут ранжироваться по уровню частотности и соотноситься с центральными смыслами текста. Интенсивность представленности признака будет отражать художественную значимость уникальных смысловых нюансов.

В практике преподавания английского языка интерпретация текста рассматривается в первую очередь как смысловой анализ текста в виде структурно правильно оформленного, функционально и семантикостилистически адекватного, логически стройного, завершенного монологического высказывания в устной и / или письменной форме. Для овладения данным комплексным умением обучающиеся должны научиться составлять основную сюжетную линию, характеризовать персонажей, определить проблематику текста, выделить идею, выразить собственное отношение к героям; обосновать содержательные аспекты анализа примерами из текста; проанализировать роль выразительных языковых средств в передаче смысла; применить знания теории языка в области стилистики и лексикологии на практике при раскрытии содержания художественного произведения и обосновании собственного отношения к описываемым событиям и проблемам (Королева, Коробова 2019). Очевидно, что требования к составлению подобного рода монологического высказывания достаточно высоки и предполагают не только уверенное владение практически языковыми умениями и навыками, но и способность анализировать языковые факты и синтезировать теоретические знания в области лингвистики в практической сфере. Зачастую обучающиеся сталкиваются с трудностями именно аналитического характера: заменяют анализ текста пересказом, испытывают сложности в трактовке стилистических приемов, в обобщающей формулировке основной идеи и т. д. Следовательно, существует насущная потребность в разработке таких алгоритмов и инструментов интерпретации, которые могли бы эффективно направлять и структурировать деятельность обучающихся в сфере работы с художественным текстом. Другими словами, важной видится разработка интегративной методики, сочетающей традиционные подходы к интерпретации и современные достижения лингвистической науки, особенно в области когнитивистики, так как именно когнитивная наука обладает необходимым инструментарием методов для исследования текста.

Интерес к исследованию процессов интерпретации объединяет лингвистику и когнитивистику (Goldman 1987; Devitt 1990; Демьянков 1994; Givón 2005). В последнее время широкое распространение получили методы концептуального анализа текста в обучении текстовой деятельности. Концептуальный анализ предполагает отбор из изучаемого текста единиц, объективирующих лингвоконцепты, и исследование их ментальных полей (Демидова, Богданова 2019). Анализ концептуального пространства текста предполагает исследование его лексико-семантической структуры, что позволяет сделать аргументированные выводы о проблематике текста, основной идее, композиционных характеристиках и т. д. Алгоритм работы включает анализ предтекстовых пресуппозиций; анализ семантики заглавия; выявление набора ключевых слов текста и повторяющихся слов, сопряженных с ключевыми; обнаружение слов одной тематической области; описание концептосферы текста, то есть обобщение всех контекстов, в которых употребляются ключевые слова; моделирование структуры концептосферы.

Другое перспективное направление в изучении художественного текста концентрируется вокруг теории коммуникативной стилистики текста, выделяя диалогичность и регулятивность в качестве его основных характеристик (Bakhtin 1982; Болотнова 2007; Wodak 2008). В коммуникативной стилистике текста используется методика моделирования текстовых и межтекстовых ассоциативно-смысловых полей концептов, в структуру которых входят ключевые слова-номинанты концепта и синонимичные ему лексические единицы словного и сверхсловного типа, а также экспликатеры и актуализаторы концепта, которые могут становиться ядерными элементами при отсутствии слова-номинанта концепта (Болотнова 2007).

Значимой также является концепция семантико-когнитивного подхода, в соответствии с которой возможно выделить когнитивные признаки и когнитивные классификаторы в результате семантического описания языковых средств, объективирующих концепт. Метод семантико-когнитивного анализа предполагает, что в процессе лингвокогнитивного исследования от содержания значения происходит переход к содержанию концептов в ходе особого этапа описания — когнитивной интерпретации (Стернин 2016).

Другим перспективным направлением научных исследований является методическая лингвоконцептология, интегрирующая лингвоконцептологию и частную лингводидактику. Концепт рассматривается как «средство осуществления интегративной мировоззренческой функции обучения» (Мишати́на 2018: 21), а также как «единица обучения, развития и

воспитания» (Цыбулько 2014: 63). В основе данного подхода лежит принцип филологизации гуманитарного образования, предполагающий «выход за пределы лексики как системы в область языковой картины мира и концептосферы культуры» (Мишатина 2019). Итогом, обобщающим интерпретационную деятельность адресата, включающую осмысление содержательно-фактуальной, подтекстовой и содержательно-концептуальной информации, может стать конструирование гиперконцепта (Касперская 2009:36), который трактуется как «обобщенный смысл текста, результат интерпретационной деятельности адресата на основе свертывания полученной и переосмысленной эстетической информации, репрезентированной всей системой текста» (Болотнова 2021: 39). Гиперконцепт связан с доминантной лексической микроструктурой текста и может быть выражен с помощью ключевых слов и фраз, а также через взаимосвязь смысловых текстовых парадигм.

2. Характеристика материалов и методов исследования

Практический этап исследования посвящен изучению способов вербализации концепта *'marriage'* в тексте художественного произведения *The Man of Property* Джона Голсуорси. Текстовый материал ограничен одной главой (Chapter 5. *The Forsyte Menage*), что обосновано целью работы, заключающейся в определении алгоритма интегративного интерпретационного анализа текста, который может быть осуществлен в рамках одного занятия дисциплин «Практикум по культуре речевого общения (английский язык)» и «Смысловой анализ текста на иностранном языке» для направлений подготовки 45.03.01 Филология и 45.03.02 Лингвистика. Текст произведения *The Man of Property* традиционно является дидактическим материалом для студентов филологов и лингвистов, так как позволяет интегрировать работу над практическими (речевыми) навыками и умениями и теоретические знания студентов, полученные при изучении смежных дисциплин, в первую очередь стилистики. Задачей практического этапа исследования является моделирование содержания и структуры концепта путем выявления и анализа языковых средств, его представляющих. Методом сплошной выборки были выделены 45 контекстов, объективирующих концепт. В корпус исследуемых контекстов вошли как прямые номинации концепта, так и наименования ситуативно-контекстуальных характеристик, раскрывающих его содержание. Объектом исследования будет являться номинативное поле концепта *'marriage'*, а предметом исследования — семантика единиц его номинативного поля.

Контекстуальный анализ позволяет отобрать лексические единицы, называющие видовые варианты денотата и его отдельные признаки. Далее

исследуется и обобщается семантика единиц номинативного поля. Метод когнитивной интерпретации позволяет описать содержание концепта в виде перечня когнитивных признаков, уровень частотности которых позволяет определить их иерархию. В качестве завершающего этапа исследования выделенные когнитивные признаки можно определить либо как общекультурные, либо как индивидуально-авторские с опорой на анализ лексикографического значения ключевого слова-репрезентанта и его гипонимов.

3. Результаты исследования и их обсуждение

В ходе практического исследования было выявлено, что прямые номинации концепта '*marriage*', включая дубликаты и гипонимы, составляют незначительное число единиц: *married life* (1), *(to) marry* (1), *the happy pair* (1), *a wife and a husband* (1), *husband* (3), *master* (1), *mistress* (1), *conjugal* (1). Данное обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что в описании семейной жизни главного героя превалируют косвенные, окказиональные, индивидуально-авторские средства вербализации концепта.

Семантический анализ единиц номинативного поля концепта позволил выделить ряд признаков, которые в дальнейшем были подвергнуты когнитивной интерпретации. Лексические единицы, сходные по семантике, были объединены в обобщенные ментальные характеристики концепта. В результате на основании логического и вероятностного критериев, а также принципа аналогии был определен ряд когнитивных признаков. В нижеприведенном перечне первым формулируется сам признак, указывается, каким количеством единиц он объективируется, затем перечисляются языковые единицы, значение которых обобщено в ходе когнитивной интерпретации.

1. Элегантная обстановка семейного очага 30:

little (silver boxes, court, house) 3, elegance (dined without a cloth, common to this house) 2, individual (house, design) 2, really elegant 1, menage 1, general perfection 1, two kinds of fastidiousness 1, other houses with the same high aspirations 1, that very charming little house of the Soames Forsytes 1, pretensions to taste 1, the starry 1, soft-petalled 1 roses 1, the ruby-coloured glass 1, quaint silver furnishing 1, a handsome rosewood table 1, windows which had been altered to open outwards 1, hanging flower boxes 1, filled with fuchsias 1, tiled with jade-green tiles 1, surrounded by pink hydrangeas 1, in peacock-blue tubs 1, a parchment coloured 1, Japanese 1 (sunshade), commodious (the house) 1, rose-shaded (lamp) 1.

2. Предметы быта как собственность 9:

this dining-table with its deep tints 1, the starry, soft-petalled roses 1, the ruby-coloured glass 1, quaint silver furnishing (own) 1, all the things he had

collected 1, his silver 1, his pictures 1, his houses 1, his investments 1 (property).

3. Супруга как собственность 8:

own (could a man own anything prettier than the woman, did not own her as it was his right to own her, he could do no more than own her body, made her his own) 5, the law of possession 1, property (out of his other property ... out of her he got none) 1, rose (pluck her and sniff the very secrets of her heart) 1.

4. Красота супруги 6:

daintily (a mistress who would have dwelt daintily on a desert island) 1, could be imagined like some nymph (Irene) 1, fair body (her own) 1, her amber-coloured hair 1, fair skin 1, dark brown eyes 1.

5. Супружеская жизнь как военный конфликт 6:

at war (two kinds of fastidiousness) 1, in this conflict (throughout the house) 1, the woman had gone to the wall 1, as in the struggle between Saxon and Celt 1, He had married this woman, conquered her, made her his own 1, his business-like temperament protested (against a mysterious warning) 1.

6. Сильный, успешный человек — идеалистичный образ супруга 6:

the necessity for being a successful (husband), who was peculiarly successful (at the end of the play) 2, a strong, (husband), the strong (that had just then come into fashion) 2, rough 1, sound 1 (one class of husband).

7. Супруг устанавливает правила в доме 5:

early in married life Soames had laid down the rule 1, 'The servants must give us hot dinner on Sundays ...' 1, Soames liked to talk during dinner about business 1, Soames liked her to dine in a low dress 1, he often took Irene to the theatre 1.

8. Супруга не проявляет любовь 5:

Irene's silence 1, she was ever silent 1, passive 1, (gracefully) averse 1, lest by word, motion, or sign she might lead him to believe that she was fond of him 1.

9. Безупречность супруга 4:

daintiness (a master whose daintiness, this competitive daintiness) 2, immaculateness (skin-like) 1, it was the fashion (to take baths) 1.

10. Образ жизни — капиталовложение, гарантирующее процветание 4:

a master whose daintiness was an investment 1, cultivated by the owner 1, for his advancement 1, in accordance with the laws of competition 1.

11. Обстановка символизирует желание хозяина иметь детей 2:

deposited like eggs (little things made of silver) 1, resembling birds' nests (countless nooks) 1.

Анализ частотности выделенных когнитивных признаков указывает на то, что наиболее распространенными характеристиками являются те, которые так или иначе соотносятся с материальными или нематериальными формами собственности главного героя (признаки 1–4, 9–11). Они составляют большинство (74,1 %) от всех выделенных единиц номинативного поля концепта *'marriage'*. Данное обстоятельство соответствует идейному содержанию произведения, центральный персонаж которого — успешный, процветающий юрист, измеряющий все жизненные категории в имущественных терминах. Следующими по частотности идут характеристики, описывающие поведение супругов (5–8), составляющие 25,9 % от общего количества номинативных единиц. Таким образом, выявленные смысловые доминанты возможно объединить в укрупненные тематические группы, обобщив их смысловые признаки (см. Табл. 1).

Таблица 1. Распределение когнитивных признаков (далее — КП) по укрупненным тематическим группам (далее — УТГ) и их частотность (в процентном соотношении)

№	Наименование УТГ	Частотность УТГ	Наименование КП	Частотность КП
1.	Супружеский союз включает материальные и нематериальные формы собственности	74,1 %	Элегантная обстановка семейного очага	35,3 %
			Предметы быта как собственность	10,6 %
			Супруга как собственность	9,4 %
			Красота супруги	7 %
			Безупречность супруга	4,7 %
			Образ жизни — капиталовложение, гарантирующее процветание	4,7 %
			Обстановка символизирует желание хозяина иметь детей	2,4 %
2.	Поведение супругов	25,9 %	Супружеская жизнь как (военный) конфликт	7,05 %
			Сильный, успешный человек	7,05 %

№	Наименование УТГ	Частотность УТГ	Наименование КП	Частотность КП
			век — идеалистичный образ супруга	
			Супруг устанавливает правила в доме	5,9 %
			Супруга не проявляет любовь	5,9 %

Обратимся к данным лексикографических источников, чтобы определить соотношение индивидуально-авторского и общекультурного компонентов в структуре содержания художественного концепта *'marriage'*. Согласно *Oxford Learner's Dictionaries*, лексема *marriage* трактуется как *'the legal relationship between two people who are married to each other'*. Данная дефиниция уточняется словарем *Oxford Advanced American Dictionary* как *'the legal relationship between a husband and a wife'*. Второе значение в *Oxford Learner's Dictionaries* регистрируется как *'the state of being married'*. Также словарь фиксирует значения *'the ceremony in which two people marry each other'* и *'a combination of two things'*.

По данным *Cambridge Dictionary*, лексема *marriage* определяется как *'the legal relationship of two people who are married'* и *'the ceremony at which two people marry'*. Таким образом, доминантными компонентами в структуре значения лексемы *'marriage'* являются семы «отношения / любовная связь», которые являются «юридически оформленными».

Согласно данным ассоциативного словаря английского языка *VisuWords*, стимульная единица *'marriage'* связана с ассоциатами, которые определенно соотносятся с компонентами лексикографического значения слова-стимула. Так, правовой аспект репрезентируют следующие ассоциаты: *'marriageability'*, *'marriage license / wedding license'*, *'marriage contract / marriage settlement'*; семантический компонент «отношения / любовная связь» представлен такими ассоциатами, как *'marriage union / matrimony'*, *'marriage bed'*, *'married couple / man and wife'*, *'a marriage of convenience'*. Также данные ассоциативного словаря актуализируют дополнительный компонент, не представленный в содержательной структуре словарных дефиниций, в соответствии с которым заключение супружеского союза предстает как явление, нуждающееся в посредничестве: *'marriage counselling / marriage brokerage / marriage mart'*,

'matchmaker / matcher / marriage broker'. Другой смысловой периферийный компонент репрезентирует супружеский союз как явление, подразумевающее социальный ритуал: *'marriage wedding / ceremony'*, *'marriage proposal / proposal of marriage / marriage offer'*.

Сопоставительный анализ выявленных когнитивных признаков, объективирующих художественный концепт, и смысловых компонентов, выделенных на основании анализа данных лексикографических источников, показал, что в ядерной зоне смысловой структуры художественного концепта *'marriage'* находятся когнитивные характеристики, не отраженные в содержании словарных статей. Это смысловые компоненты, объединенные общим тематическим признаком «Супружеский союз включает материальные и нематериальные формы собственности» (см. Табл. 1). Однако своими периферийными компонентами смысла, входящими в укрупненную тематическую группу «Поведение супругов», художественный концепт *'marriage'* сопоставим с семантическим элементом *'relationship'* («отношения / любовная связь»).

Итак, исследование лексикографических данных и их сопоставление с данными, полученными в ходе семантико-когнитивного анализа, подтверждает гипотезу о том, что текст анализируемого произведения отображает в первую очередь индивидуально-авторскую картину мира, его концепцию.

Важно установить, каким образом выделенные когнитивные характеристики создают глубинный смысл текста и соотносятся друг с другом. Согласно теории дискурс-анализа, смысловая макроструктура текста включает в себя смысловые микроструктуры отдельных высказываний и блоков высказываний (Дейк 1989).

Средства текстовой связности не всегда получают языковую объективацию и актуализируются в тексте посредством когнитивных структур (Chilton 2005; Dijk 2005). Семантико-когнитивный анализ раскрывает механизмы структурной организации текста, а именно — его связности (*coherence*), которая достигается посредством логических, когнитивных или семантических отношений его элементов (De Beaugrande, Dressler 1981). Выделенные когнитивные признаки могут быть соотнесены с микроструктурами текста в рамках общей коммуникативной стратегии. Действительно, при построении и анализе номинативного поля концепта и моделировании его содержания действуют все три категории отношений: сначала объединяются единицы, близкие по семантике, затем языковые факты подвергаются когнитивной интерпретации и определяются когнитивные признаки, далее признаки объединяются в укрупненные группы в соответствии с логическим критерием. В итоге конструируется содержание

гиперконцепта, который является итоговым результатом интерпретационной деятельности (Болотнова 2021).

Формулировки когнитивных признаков могут лечь в основу интерпретационного монологического высказывания, быть раскрыты и детализированы в зависимости от целей и задач учебной интерпретации. Когнитивные характеристики в данном случае служат смысловыми доминантами, опорными блоками речевого продукта, на который нанизываются все остальные элементы ответа: детализирующее цитирование, служащее подтверждением, доказательной базой признака; анализ стилистических средств, актуализирующих смыслы содержательного блока и служащих инструментом для имплицитной передачи авторской интенции; итоговое утверждение, обобщающее данные, полученные в ходе интерпретации.

4. Заключение

Аутентичный художественный текст является важнейшим источником дидактического материала. Учебная деятельность, в основе которой лежит работа с текстом, играет значительную роль в формировании речевых навыков и умений на занятиях по практике иностранного языка. Текстоцентрический подход, будучи одним из ведущих принципов лингвистического образования, на старшем этапе обучения реализуется в том числе и посредством учебной интерпретационной деятельности, направленной на выявление смыслов художественного произведения и анализ языковых средств, объективирующих данные смыслы. Современные исследования в сфере когнитивистики, в частности семантико-когнитивного анализа, предлагают методический инструментарий концептуального исследования текста, который может быть применен в обучении текстовой деятельности, так как позволяет обобщить семантические смыслы и объединить их в когнитивные в ходе интерпретации. С помощью полученных данных моделируется содержание и структура художественного концепта, находящегося в центре идейного замысла произведения. Концептуальный анализ раскрывает механизм развертывания макроструктуры текста, объединенного вокруг доминантного гиперконцепта. Микроструктуры, в свою очередь, раскрывают его отдельные признаки и связаны друг с другом смежностью представляемых понятийных сфер.

Применение принципов семантико-когнитивного исследования при работе с текстом позволяет достаточно точно определить уникальность содержания художественного концепта, выделить специфические черты, присущие идиостилю автора. Таким образом, описываемый подход позволяет выработать эффективные приемы работы с текстом, направленные на выявление его глубинных смыслов, усиление и проработку аргументатив-

ной составляющей учебной интерпретации, определение структуры, композиционных характеристик и средств связности текста.

Список литературы / References

- Болотнова Н. С. О методике изучения ассоциативного слоя художественного концепта в тексте // Вестник ТГПУ. 2007. Вып. 2 (65). Серия: Гуманитарные науки (Филология). С. 74–79. [Bolotnova, Nina S. (2007) O metodike izucheniya assotsiativnogo sloya hudozhestvennogo kontsepta v tekste (Methods of Study of Associative Layer of Literature Concept in Text). *Tomsk State Pedagogical University Journal. Series: Humanities (Philology)*, 2 (65), 74–79. (In Russian)].
- Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика: лингвокогнитивные механизмы смысловой интерпретации поэтического текста // Вестник ТГПУ. 2021. Выпуск 6 (218). С. 38–48. [Bolotnova, Nina S. (2021) Kommunikativnaya stilistika: lingvokognitivny mehanizmy smyslovoy interpretatsii poeticheskogo teksta (Communicative Stylistics: Linguo-Cognitive Mechanisms of Sense Intyerpretation of the Poetic Text). *Tomsk State Pedagogical University Journal*, 6 (218), 38–48. (In Russian)]. DOI: 10.23951/1609-624X-2021-6-38-48.
- Воителева Т. М. Анализ и интерпретация текста как путь к его пониманию (методический аспект) // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. 2013. № 3. С. 94–98. [Voiteleva, Tatyana M. (2013) Analiz i interpretatsiya teksta kak put k ego ponimaniyu (metodicheskiy aspekt) (Text Analysis and Interpretation as a Way to Its Understanding (Methodological Aspect). *Sholokhov Moscow State University for the Humanities*, 3, 94–98. (In Russian)].
- Гильманова А. А., Никитина С. Е., Даминова Э. Р. Использование художественных текстов для обучения чтению на иностранном языке // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 4 (46). Часть 3. С. 24–27. [Gilmanova, Azalina A., Nikitina, Svetlana E., & Daminova, Elvira R. (2016) Ispolzovanie hudozhestvennyh tekstov dlya obucheniya chteniyu na inostrannom yazyke (Using Literary Texts to Teach Reading in a Foreign Language). *Meždunarodnyj naučno-issledovatel'skij žurnal (International Research Journal)*, 4 (46), Part 3, 24–27. (In Russian)]. DOI: 10.18454/IRJ.2016.46.115.
- Дейк Т. А. ван Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. [Dijk, Teun A. van. (1989) *Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya* (Language. Cognition. Communication). Moscow: Progress. (In Russian)].
- Демидова Н. И., Богданова Е. С. Метод концептуального анализа текста в обучении текстовой деятельности на уроках русского языка // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 3. С. 203–210. [Demidova, Nina I., & Bogdanova, Elena S. (2019) Metod kontseptualnogo analiza teksta v obuchenii tekstovoy deyatel'nosti na urokah russkogo yazyka (Conceptual Analysis of the Text as a Method of Teaching Textual Activity at the Lessons of Russian as a Native Language). *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 3, 203–210. (In Russian)]. DOI: 10.29025/2079-6021-2019-3-203-210.
- Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33. [Demiankov, Valery Z. (1994) Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost' interpretiruyushogo podhoda

- (Cognitive Linguistics as a Kind of Interpretational Approach). *Topics in the Study of Language*, 4, 17–33. (In Russian)].
- Загуменкина В. С., Крюкова Н. Ф. Художественный текст как смысловой конструкт с установкой на распредмечивающее понимание // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2016. Вып. 33. С. 19–30. [Zagumenkina, Vlentina S., & Krukova, Natalya F. (2016) *Hudozhestvenniy tekst kak smyslovoy konstrukt s ustanovkoy na raspredmechivayuscheye ponimaniye* (Literary Text as an Interpretation-Oriented Meaning Construct). *LUNN Bulletin*, 33, 19–30. (In Russian)].
- Касперская О. В. Методические аспекты обучения старшеклассников интерпретационной деятельности // Вестник ТГПУ. 2009. Вып. 4 (82). С. 36–41. [Kasperskaya, Olga V. (2009) *Metodicheskie aspekty obucheniya starsheklassnikov interpretatsionnoy deyatelnosti* (Methodical Aspects of Teaching Interpretive Skills). *Tomsk State Pedagogical University Journal*, 4, 36–41. (In Russian)].
- Королева О. П., Коробова Н. В. Методология анализа художественного текста (младший этап обучения) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2019. Вып. 48. С. 210–218. [Koroleva, Olga P., & Korobova, Natalya V. (2019) *Metodologiya analiza hudozhestvennogo teksta (mladshiy etap obucheniya)* (A Methodology for Interpreting Literary Texts (Undegraduate Level, 1 and 2 year). *LUNN Bulletin*, 48, 210–218. (In Russian)].
- Краева И. А. Языковая политика в гуманитарном вузе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2020. Спецвыпуск. С. 59–72. [Kraeva, Irina A. (2020) *Yazykovaya politika v gumanitarnom vuze* (Language Policy in Humanities Universities). *LUNN Bulletin. Special Issue*, 59–72. (In Russian)]. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2020-si-59-72.
- Мишатина Н. Л. Методическая лингвоконцептология: современное состояние и вектор развития // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 3 (31). С. 16–25. [Mishatina, Natalya L. (2018) *Metodicheskaya lingvokontseptologiya sovremennoe sostoyanie i vektor razvitiya* (Methodological Linguoconceptology: Its Modern State and Development Thrust). *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 3 (31), 16–25. (In Russian)]. DOI: 10.29025/2079-6021-2018-3(31)-16-25.
- Мишатина Н. Л. Трансдисциплинарный вектор методической лингвоконцептологии // Перспективы науки и образования. 2019. № 3 (39). С. 240–254. [Mishatina, Natalya L. (2019) *Transdistsiplinarnyy vektor metodicheskoy lingvokontseptologii* (Transdisciplinary Thrust of Methodological Linguoconceptology). *Perspectives of Science and Education*, 3 (39), 240–254. (In Russian)]. DOI: 10.32744/pse.2019.3.18.
- Петрова О. В. Языковая картина мира в лингводидактическом аспекте: слова, понятия, концепты // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2018. Вып. 42. С. 58–69. [Petrova, Olga V. (2018) *Yazykovaya kartina mira v lingvodidakticheskom aspekte: slova, ponyatiya, kontsepty* (The Linguistic Worldview in Linguodidactic Aspect: Words, Notions, Concepts). *LUNN Bulletin*, 42, 58–69. (In Russian)].
- Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. [Popova, Zinaida D., & Sternin, Iosif A. (2007) *Kognitivnaya lingvistika* (Cognitive Linguistics). Moscow: AST: Vostok-Zapad. (In Russian)].
- Рябченко Н. Н. Текстцентрический подход на уроках русского языка как неродного // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 67. С. 135–138. [Ryabchenko, Natalya N. (2020) *Tekstotsentricheskiy podhod na urokah russkogo yazyka kak nerodnogo* (Text-centric Approach in Teaching Russian as a Foreign Language). *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya* (Tendencies of Scientific and Educational Development), 67, 135–138 (In Russian)]. DOI: 10.18411/lj-11-2020-120.

- Стернин И. А. Когнитивная семасиология и лингвоконцептология // Теоретические и прикладные проблемы языкознания: избранные работы: сборник научных трудов / под ред. З. Д. Поповой. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2016. С. 295–297. [Sternin, Iosif A. (2016) Kognitivnaya semasiologiya i lingvokontseptologiya (Cognitive Semasiology and Linguoconceptology). In Popova, Zinaida D. (ed.) *Teoreticheskiye i prikladnyie problemy yazykoznaniiya; izbrannyye raboty: sbornik nauchnyh trudov* (Theoretical and Applied Aspects of Linguistics: Selected Works: Collection of Scientific Papers)]. Moscow; Berlin: Direct-Media, 295–297. (In Russian)]. DOI: 10.23681/375700.
- Цыбулько И. П. Антропологическая дидактика в зеркале лингвоконцептологии: опыт проблематизации // Научное мнение. 2014. № 2. С. 60–65. [Tsybulko, Irina P. (2014) Antropologicheskaya didaktika v zerkale lingvokontseptologii: opyt problematizatsii (Anthropological Didactics in the Mirror of Linguoconceptology: Problematisation Experience). *Nauchnoe mnenie* (A Scientific Opinion), 2, 60–65. (In Russian)].
- Bakhtin, Mikhail. (1982) *The Dialogic Imagination: Four Essays*. Austin: University of Texas Press.
- Beaugrande, Robert de, & Dressler Wolfgang U. (1981) *Introduction to Text Linguistics*. London: Longman.
- Chilton, Paul. (2005) Missing Links in Mainstream CDA: Modules, Blends and the Critical Instinct. In Wodak, Ruth and Chilton, Paul. (eds.) *A New Research Agenda in Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinarity*. Amsterdam: Benjamins, 19–51.
- Devitt, Michael. (1990) A Narrow Representational Theory of the Mind. In *Mind and Cognition: A reader*. Oxford.
- Dijk, Teun. A. van. (2005) Contextual Knowledge Management in Discourse Production. A CDA Perspective. In Wodak, Ruth and Chilton, Paul. (eds.) *A New Research Agenda in Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinarity*. Amsterdam: Benjamins, 71–100.
- Goldman, Alvin I. (1987) Cognitive Science and Metaphysics. *Journal of Philosophy*, 84 (10), 537–544.
- Givón, Talmy. (2005) *Context as Other Minds: The Pragmatics of Sociality, Cognition and Communication*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Wodak, Ruth. (2008) Introduction: Discourse Studies – Important Concepts and Terms. In Wodak, Ruth and Krzyzanowski, Michal. (eds.) *Qualitative Discourse Analysis in the Social Sciences*. Palgrave Macmillan, 1–24.

Словари и источники языкового материала / Dictionaries and language material resources

- Cambridge Dictionary. (2022, July 29) Marriage. Retrieved from <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/основной-британский-английский/marriage>.
- Galsworthy, John. *The Forsyte Saga*. Book 1: *The Man of Property*. М.: Прогресс, 1973.
- Oxford Advanced American Dictionary. (2022, July 29) Marriage. Retrieved from https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/american_english/marriage.
- Oxford Learner's Dictionaries. (2022, July 29) Marriage. Retrieved from <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/marriage?q=marriage>.
- VisuWords (2022, July 29) Marriage. Retrieved from <https://visuwords.com/marriage>.

УДК 378

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-59-3-115-127

УСЛОВИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО РЕПЕРТУАРА В СОСТАВЕ ПОЛИЛИНГВАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Е. Д. Кораблева, Е. П. Глумова

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

В статье содержится информация об актуальности владения несколькими языками в быстро меняющемся мире и необходимости исследования личности учителя как носителя многоязычия, формирующего полилингвальную личность обучающегося. Цель и задачи исследования направлены на выявление условий, которые должны быть учтены при отборе языков для формирования полилингвальной компетенции учителя иностранных языков. Определение места языкового репертуара в составе полилингвальной компетенции учителя, систематизация и классификация условий, влияющих на определение языкового репертуара студента, составляют новизну исследования. Материалом исследования являются иностранные языки в различных комбинациях (языковых парах). Главенствующая роль в исследовании отведена индуктивному методу. Во введении выдвинута гипотеза о том, что факторы-условия при определении языкового репертуара полилингвальной компетенции существенно влияют на весь образовательный процесс. Полилингвальная компетенция будущего учителя иностранных языков состоит из четырех компонентов: коммуникативного (уровень языковой подготовки), общекультурного (знания о родной и иностранных культурах в их совокупности), профессионально-педагогического (способность организовать обучение языкам), психологического (предпочтения, установки). Языковой репертуар входит в состав коммуникативного компонента полилингвальной компетенции будущего учителя иностранных языков. Условия определения языкового репертуара в составе рассматриваемой компетенции представляют четыре основных блока: лингвистический (сравнение языковых систем), методический (организация полилингвального образовательного процесса), социально-экономический (факторы, влияющие на распространенность того или иного языка и их комбинации), психологический (эмоциональная и когнитивная реакции на языки на личностном уровне). В проводимом исследовании подтверждается выдвинутая гипотеза о том, что отличие языковых репертуаров студентов изменяет педагогический процесс. В заключительной части обозначены перспективы применения разработанной классификации, позволяющей определить языковой репертуар будущего учителя иностранных языков.

Ключевые слова: иностранные языки; языковой репертуар; многоязычие; полилингвальное образование; полилингвальная личность; полилингвальная компетенция учителя.

Цитирование: Кораблева Е. Д., Глумова Е. П. Условия определения языкового репертуара в составе полилингвальной компетенции учителя иностранных языков // Вестник

Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 3 (59). С. 115–127. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-59-3-115-127.

Conditions for Determining Language Repertoire as Part of the Polylingual Competence of a Foreign Language Teacher

Elizaveta D. Korableva, Elena P. Glumova

N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The article postulates the relevance of polylingualism in a rapidly changing world and the need to study the personality of the foreign language teacher as a carrier of polylingualism that can then form a polylingual personality of the student. The study seeks to identify the conditions that should be taken into account when selecting languages for the formation of the polylingual competence of a teacher of foreign languages. The novelty of the study lies in determining the role of the language repertoire within the multilingual competence of the teacher, as well as in systematizing and classifying the conditions that have impact on determining the student's language repertoire. The research material is the scholarly and methodological literature on the problems of polylingualism. The leading role in the study is assigned to the inductive method. A hypothesis is put forward that the factors and conditions in determining the language repertoire of the polylingual competence have a significant effect on the entire educational process. The polylingual competence of a future foreign language teacher consists of four components: communicative (the level of language training), general cultural (deep knowledge of native and foreign cultures), professional and pedagogical (the ability to organize language teaching), and psychological (preferences and attitudes). The language repertoire is a part of the communicative component of the polylingual competence of the future foreign language teacher, and the conditions for determining the language repertoire comprise four main blocks: linguistic (comparison of language systems), methodological (organization of a polylingual educational process), socio-economic (factors affecting the prevalence of a particular language and their combinations), and psychological (emotional and cognitive responses to languages on a personal level). The hypothesis of the study has been confirmed, since the difference in language repertoires of students changes the pedagogical process. In the final part of the study, the authors outline potential for the application of the suggested classification which makes it possible to determine the language repertoire of the future teacher of foreign languages.

Key words: foreign languages; language repertoire; multilingualism; polylingual education; polylingual personality; polylingual competence of the teacher.

Citation: Korableva, Elizaveta D., & Glumova, Elena P. (2022) Conditions for Determining Language Repertoire as Part of the Polylingual Competence of a Foreign Language Teacher. *LUNN Bulletin*, 3 (59), 115–127. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-59-3-115-127.

1. Введение

Проводимая политика глобализации и цифровизации мира увеличивает потребность в специалистах, способных эффективно работать в многокультурной среде и осуществлять коммуникацию на нескольких ино-

и иностранных языках. На данном этапе развития общественной жизни происходит переход от монолингвальных к формируемым поликультурным и полилингвальным личностям, что трансформирует все ступени системы образования: в дошкольных и школьных учреждениях учебные планы закладывают основы для изучения двух иностранных языков, в высшей школе появляются дисциплины «первый иностранный язык» и «второй иностранный язык» вне зависимости от профиля подготовки, на лингвистических направлениях создаются уникальные программы, где могут параллельно осваиваться три и четыре языка.

В традиционном понимании методика преподавания иностранных языков предусматривает сравнение иностранного (ИЯ1) с явлениями родного языка (РЯ), однако современные условия жизни изменяют образовательную систему для подготовки обучающихся к новым вызовам времени и реалиям, где включение в программы большего количества языков и ознакомление со множеством культур представляется естественным и закономерным процессом. Многоязычные кадры обладают преимуществом на рынке труда, миссия университетов заключается в содействии трудоустройству выпускников, что побуждает учреждения высшего образования реализовывать программы на различных языках. Усложняется процесс обучения будущих учителей, так как языковой сравнительно-сопоставительный анализ включает несколько иностранных языков в совокупности с родным для обучающихся русскому языку (РЯ + ИЯ1 + ИЯ2 + ...). Используемое для целей настоящего исследования понятие «языковой репертуар» подразумевает совокупность знаний и навыков во всех языках, которыми располагает человек или сообщество (Aronin 2017). Концепция языкового репертуара принята Советом Европы и включает группу языковых разновидностей (первый язык, региональный язык, языки, изучаемые в школе или во время поездок за границу), освоенных одним и тем же индивидом с различной целью и степенью владения ими.

Несмотря на наличие высокотехнологичных устройств, программ и мобильных приложений, позволяющих организовать общение с представителями иных лингвокультур, основным проводником в мир многоязычия для обучающихся остается в первую очередь учитель, который обеспечивает функционирование нескольких иностранных языков (полилингвизм) в рамках искусственной (образовательной) среды.

В работах зарубежных авторов выделяются отдельные аспекты обучения многоязычию: особенности обучения нескольким иностранным языкам во Франции (Chen, Hélot 2018) и Японии (Moore, Oyama, Pearce, Kitano 2020); концепция обучения третьему языку (Jessner 2008); частные практики многоязычного обучения в Европе (Piccardo 2016); ожидания учителей в

отношении овладения обучающимися несколькими языками (De Backer, Vantieghem, Van Gorp, Slembrouck, Van Avermaet 2021); шкала оценивания результатов обучения нескольким языкам (Galante 2020); исследование становления многоязычной личности (Hammarberg 2017).

Основы идей полилингвизма берут свое начало в изучении многокультурной личности в работах О. Г. Оберемко (Oberemko, Glumova, Shimichev 2020), И. И. Халеевой (Халеева 1995), Ю. В. Чичериной (Чичерина 2016). Аспект развития полилингвальных личностей представлен в трудах различных отечественных ученых: И. Л. Бим (Бим 2001), Н. В. Барышникова (Барышников 2004), Н. В. Евдокимовой (Евдокимова 2009), П. Ю. Петрусевиич (Петрусевиич 2019), А. А. Прохоровой (Прохорова 2020), Е. П. Глумовой (Glumova, Sukhareva, Malysheva 2021), Л. М. Малых (Малых 2021), Е. В. Шостак (Шостак 2021). В работах заложены основы преподавания нескольких языков для школьников, студентов многопрофильного и технического вузов, ученые выдвигают новые модели обучения преподавателей (Дмитриева, Курицына 2021) и структуры коммуникативной компетенции (Оберемко 2016), необходимые учителю иностранных языков для успешного выполнения профессиональных задач. Однако вопрос подготовки полилингвальных учителей, способных организовать многоязычный образовательный процесс, не становится предметом детального исследования.

И. Л. Бим и Н. В. Барышников отмечают, что к преподавателю иностранного языка не предъявляются требования к владению языками, которые осваивают обучающиеся, но, согласно данным исследования детей поколения Z (Glumova, Kolodina, Korableva, Chelovskaya 2020), высокий уровень компетенции учителя иностранных языков оказывает существенное влияние на мотивацию современных обучающихся, их готовность к взаимодействию с учителем, что доказывает необходимость повышения профессионального уровня будущих учителей иностранных языков. Классификация факторов, влияющих на определение языкового репертуара для обучающихся педагогического профиля, не представлена в исследованиях, однако учет рассматриваемых условий может обеспечить более глубокое понимание учебных и профессиональных целей и задач.

Целью настоящего исследования является выявление условий, определяющих выбор языкового репертуара при подготовке учителя иностранных языков. Задачи исследования включают определение места языкового репертуара в составе полилингвальной компетенции будущего учителя иностранных языков и классификацию факторов, которые учитываются при выборе языкового репертуара для данной категории обучающихся.

Гипотезой исследования выступает предположение, что условия определения языкового репертуара представлены группой факторов, влияющих на весь образовательный процесс в зависимости от языковых комбинаций.

Новизна исследования заключается в определении места языкового репертуара в составе полилингвальной компетенции будущего учителя иностранных языков, систематизации и классификации условий, которые должны учитываться при определении языкового репертуара будущего учителя иностранных языков и девиациях при его изменении.

2. Характеристика материала и методов исследования

Основные материалы исследования — иностранные языки в их взаимодействии.

Ведущим методом исследования является индуктивный метод, позволяющий объединять частные, разрозненные аспекты в общую структуру, также используются анализ и синтез существующих научных результатов по проблематике полилингвального обучения, формированию полилингвальных личностей на различных этапах обучения.

3. Результаты исследования

Рассмотрим место языкового репертуара в составе полилингвальной компетенции будущего учителя иностранных языков. Основные требования к преподавателю иностранных языков представлены в виде четырех компонентов, что конкретизируется в отношении многоязычия (Кораблева 2021). Их совокупность составляет полилингвальную компетенцию учителя, которая включает в себя:

- коммуникативный компонент — уровень языковой подготовки учителя, весь языковой репертуар, применяемый в ситуациях профессионального и иного общения;
- общекультурный компонент — знания о традициях, обычаях стран изучаемых и преподаваемых языков с возможностью представления культуры родной страны в ситуациях полилога культур;
- профессионально-педагогический компонент — общедидактические и методические знания, позволяющие организовать процесс обучения конкретным языкам;
- психологический компонент — эмоциональный (интересы, мотивы) и когнитивный (память, мышление) аспекты, воздействующие на процесс изучения и обучения языкам.

Необходимо обозначить взаимосвязь содержания обучения и языкового репертуара. Под содержанием обучения подразумевается совокуп-

ность того, что необходимо освоить обучающемуся в процессе обучения (Азимов, Щукин 2009), различные комбинации языкового репертуара студента изменяют языковое содержание, которое представляет значимость для методики обучения сторонам речи определенных языков и относится к коммуникативному компоненту полилингвальной компетенции. Таким образом, без определения языкового репертуара невозможно конкретизировать образовательный процесс, выделить его содержательную, технологическую и результативную стороны.

Если в большинстве университетов в образовательных программах представлены преимущественно европейские языки, то в Нижегородском государственном лингвистическом университете им. Н. А. Добролюбова наблюдается широкий выбор для изучения иностранных языков, включая как основные европейские языки (английский, немецкий, французский, испанский, итальянский), так и славянские (польский, сербский), азиатские (китайский, японский, тайский) и иные перспективные для трудовой деятельности языки (турецкий, арабский). Аналогичным образом сталкиваются со сложностью определения языкового репертуара студентов педагогического профиля в других ведущих университетах страны (Казанский федеральный университет, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского), что актуализирует обозначенную в исследовании проблему.

На выбор языковой пары влияют различные условия, которые можно объединить в несколько крупных блоков:

- лингвистические;
- методические;
- социально-экономические;
- психологические.

Лингвистические условия определения языкового репертуара представлены схожестью или отличием изучаемых языковых систем от известных, что непосредственно влияет на процесс обучения будущего учителя, так как уровень сложности или простоты освоения языков зависит от данного фактора. В Институте дипломатической службы государственного департамента США при определении степени сложности языков в качестве единицы приняли количество часов, необходимых для овладения основами определенного языка (Foreign Language Training). Основные языки разделяют на четыре категории:

- первая категория (простые языки): требуется 600 часов занятий (шведский, французский, испанский);
- вторая категория (языки средней сложности): требуется 900 часов занятий (немецкий);

– третья категория (более сложные языки): требуется 1100 часов занятий (русский, иврит, исландский);

– четвертая категория (сложнейшие языки): требуется 2200 часов занятий (японский, китайский, арабский, эстонский, финский, венгерский).

Однако считать подобную классификацию справедливой в отношении русскоговорящих студентов не представляется возможным — ученые Школы языковых исследований из США (*The School of Language Studies*) осуществляли сравнение сложности языковых систем, опираясь на конкретную категорию обучающихся — носителей английского языка. Если в случае с первой и второй категорией европейские языки основываются на латинском алфавите, имеют общие корни для освоения лексики и аналогичных грамматических явлений, то третья категория представляет большие затруднения с точки зрения фонетики и большего количества грамматических категорий (исландский язык); отсутствие явных опор на родной язык при сопоставлении явлений с иностранным языком (иероглифическая письменность, более проявленная широта и краткость звуков) относит остальные языки в группу сложнейших. Для носителей русского языка близкие по грамматическим категориям и лексике славянские (сербский, польский) и основные европейские (английский, немецкий, французский, испанский, итальянский) языки могут быть отнесены к первой категории сложности, в то время как третья и четвертая категории могут совпадать.

Для повышения эффективности образовательного процесса стоит говорить о подготовке преподавателя иностранных языков, способного заранее предусмотреть трудности, с которыми может столкнуться обучающийся при освоении иностранных языков.

Прямой перенос явлений одного языка на другой приводит как к положительной трансференции, так и к отрицательной интерференции.

Пример трансференции:

*She **buys** food.* — Она **покупает** еду.

Пример интерференции:

*I **don't have** food.* — Я **не имею** еду.

При сопоставлении языковых систем выявляются как языковые универсалии, которые характерны для всей совокупности языков, так и особенности, эквиваленты которым трудно найти.

Методические условия определения языкового репертуара рассматриваются как совокупность действий по наиболее оптимальной организации обучения для конкретной категории обучающихся по конкретным языкам. В случае полилингвального образования обучение сторонам и видам речи при сравнительно-сопоставительном подходе отличается в зави-

симости от языковой пары, которую осваивают студенты педагогического профиля.

Фонетическая сторона речи может представлять сложности при сравнении русского и азиатских языков. Например, буква тайского алфавита จ представляет сочетание носовых звуков [нг], аналога которому нет в русском языке, однако в случае подготовки специалистов в области французского языка освоение носовых звуков и их сочетаний позволяет увеличить темп изучения фонетики тайского языка.

Вопрос создания единой системы обучения нескольким языкам рассмотрен в диссертационном исследовании Л. В. Молчановой (Молчанова 2009), где в основу обучения второму языку (японскому) положен опыт освоения первого иностранного языка (английского). Глубинные лингводидактические универсалии при обучении нескольким языкам позволяют проводить обучение грамматике и лексике с опорой на все имеющиеся знания обучающихся о родном языке и изучаемом с периода школьного образования английском. Освоение последующих языков может проходить на тех же основах и в русле той же логики изложения материала обучения.

Обучение письму в алфавитных языках выстраивается по логике: буква — буквосочетание — слово, в то время как для освоения иероглифической письменности запоминаются ключи, из элементов которых составляются слова. Чтение при изучении китайского как второго иностранного для более глубокого понимания чаще всего сопровождается комментариями на английском языке, поэтому языковая пара английский — китайский становится актуальной с целью обучения азиатскому языку на базе имеющегося европейского.

Социально-экономические условия определения языкового репертуара подразумевают совокупность факторов общественной жизни, оказывающих влияние на выбор востребованных для определенных территориальных образований языков. Для регионов при выборе актуальных для изучения языков представляет особую значимость географическая близость со страной, дипломатические отношения с городами-побратимами, экономические связи в различных секторах, культурная схожесть. В учреждениях дошкольного и школьного образования выбор языковой пары чаще всего продиктован наличием педагогических кадров, владеющих тем или иным иностранным языком, и более легким освоением иностранного языка на базе первого иностранного (где английский язык является первым иностранным, а немецкий или французский — вторым). Меньшее количество часов, предусмотренных на изучение второго иностранного языка, заставляет обращать внимание на языки, где может наблюдаться грамматическая и лексическая схожесть. Пожелания по выбору языков со стороны

педагогического коллектива, родителей и самих обучающихся могут быть учтены, однако большая свобода выбора для расширения языкового репертуара предоставляется в высшей школе, где профессорско-преподавательский состав включает специалистов по различным языкам, в том числе редким.

Наблюдаемый дисбаланс в кадрах, владеющих преимущественно европейскими языками для преподавания в школах и средних специальных учреждениях, и специалистов вузов, осваивающих путем дополнительных образовательных программ и стажировок иные языки, становится значимым вопросом, который только начинает обретать актуальность в силу текущей геополитической обстановки. Преемственность в изучении языков должна осуществляться на всех уровнях образовательной системы и представляется возможной, если педагогические кадры будут владеть универсальными знаниями, способствующими более эффективному освоению различных языков с учетом имеющегося языкового репертуара в рамках дополнительного образования и иных программ.

Психологические условия определения языкового репертуара являются наиболее личностно ориентированными из представленных ранее факторов, так как учитывают эмоциональные проявления и когнитивные способности индивида к освоению определенных языков, что выступают как факторы внутренней мотивации к изучению языков (Бердичевский 2018). Психологический комфорт при изучении европейских языков может возникать на этапе работы с текстом, когда общие корни слов позволяют обучающемуся догадаться о значении написанного, в отличие от иных языковых систем, например, китайского языка, когда сопоставительный анализ для выявления аналогий может проводиться в отношении интернациональных слов.

4. Заключение

Рассматриваемые варианты языковых пар позволяют сделать вывод о том, что отличие вариантов изучаемой языковой пары может способствовать повышению эффективности образовательного процесса, если языки являются родственными в отношении лексико-грамматической составляющей (английский и немецкий). В случае с неродственными языками (на примере английского и китайского) наиболее оптимальный способ изучения языков проявляется через раскрытие лингводидактических универсалий, выявление которых может способствовать более интенсивному усвоению языков, — подобная логика может применяться в отношении как неродственных, так и родственных языков.

Разработанная классификация условий выбора языкового репертуара может быть представлена как шкала оценки четырех факторов при определении языковой пары для конкретного учебного учреждения или региона в зависимости от поставленных для обучающихся задач, а также может быть предложена в виде листа самообследования будущего учителя иностранных языков для определения наиболее подходящей языковой пары при наличии подобной возможности вуза.

Список литературы / References

- Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009. [Azimov, El'khan. G., & Shchukin, Anatoly N. (2009) *Novyj slovar' metodicheskikh terminov i ponyatij (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* (A New Dictionary of Methodological Terms and Definitions (Theory and Practice of Teaching Languages). Moscow: IKAR. (In Russian)].
- Барышников Н. В. Мультилингводидактика // Иностранные языки в школе. 2004. № 5. С. 19–27. [Baryshnikov, Nikolay V. (2004) *Mul'tilingvodidaktika* (Multilinguodidactics). *Innostrannye yazyki v shkole* (Foreign Languages at School), 5, 19–27. (In Russian)].
- Бердичевский А. Л. Внешняя и внутренняя мотивация при изучении иностранного языка // Иностранные языки в школе. 2018. № 6. С. 35–39. [Berdichevsky, Anatoly L. (2018) *Vneshnyaya i vnutrennyaya motivaciya pri izuchenii inostrannogo yazyka* (External and internal motivation in a foreign language learning). *Innostrannye yazyki v shkole* (Foreign Languages at School), 6, 35–39. (In Russian)].
- Бим И. Л. Концепция обучения второму иностранному языку (немецкому на базе английского). Обнинск: Титул, 2001. [Bim, Inessa L. (2001) *Koncepciya obucheniya vtoromu inostrannomu yazyku nemeckomu na baze anglijskogo* (The Concept of Teaching a Second Foreign Language (German Based on English). Obninsk: Titul. (In Russian)].
- Дмитриева Е. Н., Курицына Г. В. Модернизация профессиональной педагогической подготовки учителя языка в современных условиях // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 4 (56). С. 108–122. [Dmitrieva, Elena N., Kuritsyna, Galina V. (2021) *Modernizaciya professional'noj pedagogicheskoy podgotovki uchitelya yazyka v sovremennyh usloviyah* (Modernization of Professional Pedagogical Training of Foreign Language Teachers in Modern Conditions). *LUNN Bulletin*, 4 (56), 108–122. (In Russian)].
- Евдокимова Н. В. Концепция формирования многоязычной компетенции студентов неязыковых специальностей: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02. Ставрополь, 2009. [Evdokimova, Nadezhda V. (2009) *Koncepciya formirovaniya mnogoyazychnoj kompetencii studentov neyazykovyh special'nostej* (The Concept of the Formation of Multilingual Competence of Students of Non-linguistic Specialties). Extended abstract of advanced PhD thesis in Pedagogy. 13.00.02. Stavropol. (In Russian)].
- Кораблева Е. Д. Аспекты полилингвальной компетенции учителя иностранных языков // Профессиональная подготовка учителя иностранного языка в России: реалии и

- перспективы. 2021. С. 110–112. [Korableva, Elizaveta D. (2021) *Aspekty polilingval'noj kompetencii uchitelya inostrannykh yazykov* (Aspects of Polylingual Competence of a Teacher of Foreign Languages). *Professional'naya podgotovka uchitelya inostrannykh yazykov v Rossii: realii i perspektivy* (Professional Training of a Foreign Language Teacher in Russia: Realities and Prospects), 110–112. (In Russian)].
- Малых Л. М. К вопросу о содержании понятия «мультилингвальное обучение» в российской системе образования // Вестник Удмуртского университета. 2021. № 1. С. 108–119. [Malykh, Lyudmila M. (2021) *K voprosu o soderzhanii ponyatiya «mul'tilingval'noe obuchenie» v rossijskoj sisteme obrazovaniya* (On the Definition of the Notion “Multilingual Education” in the Russian System of Education). *Bulletin of Udmurt University*, 1, 108–119. (In Russian)].
- Молчанова Л. В. Обучение второму иностранному языку в условиях формирования функционального многоязычия в языковом вузе: на примере японского языка: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2009. [Molchanova, Liliya V. (2009) *Obuchenie vtoromu inostrannomu yazyku v usloviyah formirovaniya funktsional'nogo mnogoyazychiya v yazykovom vuze: na primere yaponskogo yazyka* (Teaching a second foreign language in the context of the formation of functional multilingualism in a language university in Japanese language learning). Extended abstract of PhD thesis in Pedagogy. Moscow. (In Russian)].
- Оберемко О. Г. Аксиологические основы формирования иноязычной коммуникативной компетенции будущего учителя иностранного языка // Проблемы современного педагогического образования. 2016. № 52–2. С. 162–169. [Oberemko, Olga G. (2016) *Aksiologicheskie osnovy formirovaniya inoyazychnoj kommunikativnoj kompetencii budushchego uchitelya inostrannogo yazyka* (Axiological Bases of the Foreign Language Communicative Competence Formation of the Future Foreign Language Teacher). *Problems of Modern Pedagogical Education*, 52–2, 162–169. (In Russian)].
- Петрушевич П. Ю. Методика формирования лексической компетенции школьников при освоении ими нескольких иностранных языков: Автореферат дис. ... канд. пед. наук. Н. Новгород, 2019. [Petrusevich, Polina Yu. (2019) *Metodika formirovaniya leksicheskoy kompetencii shkol'nikov pri osvoenii imi neskol'kih inostrannykh yazykov* (Methodology of Formation of Lexical Competence of Schoolchildren while Mastering Several Foreign Languages). Extended abstract of PhD thesis in Pedagogy. Nizhny Novgorod. (In Russian)].
- Прохорова А. А. Методическая система мультилингвального обучения студентов технического вуза: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02. Нижний Новгород, 2020. [Prokhorova, Anna A. (2020) *Metodicheskaya sistema mul'tilingval'nogo obucheniya studentov tekhnicheskogo vuza* (Methodological System of Multilingual Education of Technical University Students). Extended abstract of advanced PhD thesis in Pedagogy. Nizhny Novgorod. (In Russian)].
- Халеева И. И. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста // Язык – система. Язык — текст. Язык — способность: Сб. ст. к 60-летию Ю. Н. Караулова. М.: ИРЯ, 1995. С. 267–278. [Khaleeva, Irina I. (1995) *Vtorichnaya yazykovaya lichnost' kak recipient inofonnoogo teksta* (Secondary Linguistic Personality as a Recipient of Foreign Text). *Yazyk — tekst. Yazyk — sposobnost': Sb. st. k*

- 60-letiyu Yu. N. Karaulova (Language Is a System. Language Is a Text. Language Is an Ability: Collection of Papers Dedicated to 60th Anniversary of Yu. N. Karaulov). Moscow: IRYa, 267–278. (In Russian)].
- Чичерина Ю. В. Формирование и развитие поликультурной личности как цель обучения иностранным языкам // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2016. Вып. 33. С. 185–191. [Chicherina, Yulia V. (2016) Formirovanie i razvitie polikul'turnoj lichnosti kak cel' obucheniya inostrannym yazykam (Developing a Multilingual Personality as a Goal of Foreign Language Teaching). *LUNN Bulletin*, 33, 185–191. (In Russian)].
- Шостак Е. В. Методика формирования многоязычной компетенции у студентов многопрофильного вуза: Автореферат дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2021. [Shostak, Ekaterina V. (2021) *Metodika formirovaniya mnogoyazychnoj kompetencii u studentov mnogoprofil'nogo vuza* (Methodology for the Formation of Multilingual Competence among Students of a Multidisciplinary University). Extended abstract of PhD thesis in Pedagogy. Moscow. (In Russian)].
- Aronin, Larissa. (2017) Dominant Language Constellation // *Взаимодействие языков и культур: Материалы научной конференции. Череповец: Череповецкий гос. ун-т, 2017* (Interaction of Languages and Cultures: Proceedings of Scientific Conference. Cherepovetsk: Cherepovetsky gos. un-t, 2017), 6–21.
- Chen, Yan-Zhen, Hélot, Christine. (2018) The Notion of Plurilingual and Pluricultural Competence in the Teaching of Foreign Languages in France. *Language Education and Multilingualism*, 1, 168–187.
- De Backer, Fauve, Vantieghem, Wendelien, Van Gorp, Koen, Slembrouck, Stef, & Van Avermaet, Piet. (2021) Teacher Expectations of Multilingual Students' Achievement: Can Teachers Accurately Predict Science Performance on a Linguistically Accommodated Test? *Journal of Multilingual Theories and Practices*, 2 (2), 207–232. DOI: <https://doi.org/10.1558/jmtp.19513>.
- Foreign Language Training. (2022, July 15) U.S. Department of State. Retrieved from <https://www.state.gov/foreign-language-training/>.
- Galante, Angelica. (2020) Plurilingual and Pluricultural Competence (PPC) Scale: the Inseparability of Language and Culture. *International Journal of Multilingualism*. DOI: 10.1080/14790718.2020.1753747. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/340775228_Plurilingual_and_pluricultural_competence_PPC_scale_The_inseparability_of_language_and_culture.
- Glumova, Elena P., Kolodina, Ekaterina O., Korableva, Elizaveta D., Chelovskaya, Alena S. (2020) Virtual Mentoring of Young Foreign Language Teachers in the Organization of Extracurricular Activities. *Fundamental Research of the Phenomenon of Happiness*. DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/202112204003>.
- Glumova, Elena P., Sukhareva, Valeria A., & Malysheva, Tatyana S. (2021) Formation of a Metalinguistic Grammatical Skill in Teaching Second Foreign Language. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. DOI: 10.15405/epsbs.2022.03.80. Retrieved from https://www.europeanproceedings.com/files/data/article/10098/16457/article_10098_16457_pdf_100.pdf.

- Hammarberg, Björn. (2017) Becoming Multilingual: the Macro and the Micro Time Perspective. *International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*. DOI: <https://doi.org/10.1515/iral-2017-0010>.
- Jessner, Ulrike. (2008) Teaching Third Languages: Findings, Trends and Challenges. *Language Teaching*, 41, 15–56. DOI: 10.1017/S0261444807004739.
- Moore, Danièle, Oyama, Mayo, Pearce, Daniel R., & Kitano, Yuki. (2020) Plurilingual Education and Pedagogical Plurilanguaging in an Elementary School in Japan: a Perspectival Origami for Better Learning. *Journal of Multilingual Theories and Practices*, 1 (2), 243–265. DOI: <https://doi.org/10.1558/jmtp.17783> 23.
- Oberemko, Olga G., Glumova, Elena P., Shimichev, Alexey S. (2020) The Language Worldview Formation through Learning Several Foreign Languages. *The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, 904–912. DOI: 10.15405/epsbs.2021.02.02.113.
- Piccardo, Enrica. (2016) Plurilingualism: Vision, Conceptualization, and Practices. *Handbook of Research and Practice in Heritage Language Education*, 1–19. DOI: 10.1007/978-3-319-38893-9_47-1.

УДК 378

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-59-3-128-141

MODELING THE ENVIRONMENT FOR THE VIRTUAL TEACHER — STUDENT — PARENT INTERACTION

Galina V. Sorokovikh, Svetlana G. Staritsyna, Indira R. Abdulmyanova

Moscow City University, Moscow, Russia

The article highlights issues related to low levels of utilizing modern information technologies in educational organizations and seeks to provide information and methodological support for a more successful interaction between a teacher, a student, and their parent(s). The article presents theoretical and practical experience of teachers' methodological training for interacting with students and their parents in a virtual educational environment. It defines the purposes, objectives, principles, strategies, and technologies for designing an optimal environment for virtual interaction and describes its role in the field of information and education. Based on practical experience of methodological training of foreign language teachers, the authors develop and theoretically substantiate a model for creating an educational environment for virtual student — parent — teacher interaction. They not only offer effective technologies and forms of interaction tested with typical students, but also outline innovative forms of teachers' communication with students with disabilities and their parents. The authors have developed and implemented a model of online interaction between a teacher and students' parents for the purpose of socialization, education, and development of schoolchildren; they have also tested various forms of engaging in teacher — student — parent dialogue. The article describes potential objectives, topics, and algorithms for the teacher's communication with various community representatives in a virtual environment that were developed within the framework of elective courses and M.A. programs of the Institute of Foreign Languages. Finally, they discuss actual and potential results of online-based educational activities and students' achievements that include personal pedagogical blogs, a model for designing parents' online forum, instructions for effective written and oral online communication (including communication in a foreign language), ways of providing feedback through automated tests and tasks, as well as guidelines for writing assessment comments and evaluating students' progress.

Key words: environment design, virtual interaction, teacher's virtual communication.

Citation: Sorokovikh, Galina V., Staritsyna, Svetlana G., & Abdulmyanova, Indira R. (2022) Modeling the Environment for the Virtual Teacher — Student — Parent Interaction. *LUNN Bulletin*, 3 (59), 128–141. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-59-3-128-141.

Моделирование среды виртуального взаимодействия учителя — ученика — родителя

Г. В. Сороковых, С. Г. Старицына, И. Р. Абдулмянова
Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

В статье выявлены проблемы, связанные с низким уровнем использования современных информационных технологий в организации и обеспечении информационно-

методического взаимодействия между учителем, учащимся и родителем. Представлен теоретический и практический опыт методической подготовки учителя к взаимодействию с учениками и их родителями в виртуальной образовательной среде. Определены цели, задачи, принципы, стратегии и технологии построения среды виртуального взаимодействия и его роль в информационно-образовательном пространстве. На основе практического опыта методической подготовки учителя иностранного языка теоретически обоснована и разработана модель образовательной среды виртуального взаимодействия учителя в рамках триады: «ученик — родитель — учитель». Не только предложены и апробированы эффективные технологии и формы взаимодействия с типичными обучающимися, но и показаны инновационные формы коммуникации учителя со школьниками с ограниченными возможностями здоровья и их родителями. Авторами разработана и внедрена в образовательный процесс онлайн-модель взаимодействия педагога и родителей с целью социализации, обучения и воспитания школьников, апробированы различные формы выстраивания диалога в триаде «ученик — родитель — учитель». В рамках элективных курсов и магистерских программ института иностранных языков разработаны задания, темы и алгоритмы коммуникации учителя с различными категориями сообщества в виртуальной среде. Продуктом учебной деятельности стали конкретные разработки студентов: авторские педагогические блоги, модель проектирования родительского онлайн-форума; инструкции по ведению письменной и устной онлайн-коммуникации, в том числе на иностранном языке, оформлению обратной связи в автоматически проверяемых заданиях, написанию комментариев по оценке работы и прогресса учащихся.

Ключевые слова: проектирование среды; виртуальное взаимодействие; виртуальная коммуникация учителя.

Цитирование: Сороковых Г. В., Старицына С. Г., Абдулмянова И. Р. Моделирование среды виртуального взаимодействия учителя — ученика — родителя // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 3 (59). С. 128–141. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-59-3-128-141.

1. Introduction

The current Federal educational standards as well as the overall goal of building the information society in Russia coupled with the challenges of the recent Covid-19 pandemic, have created a necessity not only to update the existing electronic educational environment but also to develop methodological and didactic conditions for a more effective teacher — student — parent interaction in a virtual educational environment. Its key purpose is to provide equal opportunities to participate in the educational process for all students. One of the most important areas of teacher training relates to providing future teachers with necessary skills for designing special educational environments as tools for creating conditions that would be conducive to discovering and fostering students' interests and abilities and to giving each student a more active role in virtual educational interaction for their personal growth and self-development. Based on the research of modern teacher training experts (V. A. Slavenin, I. F. Isaev, V. I.

Zagvyazdinsky), pedagogical interaction is seen as a process that occurs between the subjects of educational activity in the course of educational work and is aimed at development, training, socialization, and education of a student, which implies the need to ensure the student's self-realization, to increase their motivation, and to develop their socially valuable qualities (Ariyan 2021).

Modern technologies make it possible to take the teacher — parent interaction to the qualitatively new level and to actively involve parents in the educational process which is especially important for some categories of students, including students with age-specific challenges (Davletova 2021). Therefore, designing a virtual interaction environment within the framework of the teacher — student — parent triad currently remains one of the most important tasks in the professional training of a teacher. Its importance is certainly recognized by university students training to be teachers, which is evidenced by the continued popularity of elective courses aimed at mastering effective techniques of pedagogical communication both in face-to-face interaction and in virtual environments.

The problem of organizing virtual interaction between a teacher and a student is of particular importance for future foreign language teachers. By involving the student in virtual communication, the teacher helps him develop the skills of online communication in a foreign language. Thus, teacher trainers definitely need to equip their undergraduate and graduate students with adequate skills in designing effective pedagogical interactions within the framework of professional virtual communication.

2. Material and Methods

The methods used in this research include analysis of linguodidactic literature on teaching foreign languages as well as academic papers on pedagogy, special pedagogy, and psychology; and modeling (including pedagogical modeling). The development and optimal use of research methodology play an important role in ensuring effective teacher — student — parent interaction. Due to its proven effectiveness and wide recognition by the academic community as one of the most effective methods for studying pedagogical processes, the method of pedagogical modeling was taken as a foundation which has allowed us to explore and visualize the necessary processes and phenomena that occur in educational environments based on individually differentiated approach (Pykhina 2017). We have also utilized probabilistic forecasting, analysis of best practices and innovations, analysis of professional and educational standards in teaching foreign languages, conversations with foreign language teachers, observation of students' activities, and surveys.

3. Results and Discussions

Designing a model of the virtual interaction environment

The solution to the problem of organizing effective virtual interactions in the electronic educational environment of an educational organization is related to pedagogical design, which we understand as “an independent, multifunctional pedagogical activity aimed at creating new or transforming existing objects in the field of education in response to the needs that arise in the process of development of a person, society, or a culture of educational systems” (Alisov 2021). This is reflected in the theoretical substantiation and construction of the virtual interaction environment model. Any design is conditioned by the need to resolve an urgent, professional problem; it is creative, and it is based on motivation, values, knowledge, skills, professional experience, and personal and professional reflection. According to E. A. Potapova, the result of the designing process is a model of a specific professional object which has systemic properties and is based on a new way of solving professional problems and provides for a variety of options for using this model (Potapova 2015). Based on the idea that the main feature of a model is some clear fixed connection of elements and a certain structure that reflects internal, essential relationships and interconnections, we emphasize that the model designed does not reproduce the whole phenomenon, but only those of its most significant features, characteristics, and properties that are critical in relation to the intended results.

Structure of the Virtual Interaction Environment Model

The model of the teacher — student — parent virtual interaction environment within the framework of foreign language training structurally consists of five blocks: target, conceptual, content, technological, and evaluative components. The backbone of the model is the target block: the organizing principle of forging a partnership between teachers, students, and their parents in the electronic educational environment. Its purpose is to create methodological and didactic conditions for the formation of polysubjective relations between teachers, students, and their parents in the digital environment. This overall goal comprises a number of objectives:

1) to identify and describe the structural components of the model of the virtual interaction environment and to develop an algorithm for modular interactive training of future foreign language teachers enabling them to solve various problems of the teacher’s professional communication;

2) to determine the specifics and features of virtual interaction within the framework of the teacher — student — parent triad.

3) to develop criteria, indicators, and levels of confidence building between teachers, students, and their parents in a virtual environment.

The conceptual block defines the ideology of the model for the forging of a partnership between the teacher, students, and their parents in the environment of virtual pedagogical interaction. This block is represented by the main methodological approaches and principles. The solution to the problem of developing modern forms of interaction between the participants of the educational process is inextricably linked with implementing the ideas of the environmental approach, the system-activity approach, and personalized approach.

The environmental approach (Manuylov 2016) allows us to consider the formation of fruitful and collaborative relationships between teachers, students, and their parents both in the conditions of face-to-face educational environments in which they function and in the conditions of the electronic educational environment with its unlimited possibilities in terms of development and self-development of individual students and their successful adaptation in society (Sergeeva et al. 2013).

The system-activity approach (Sorokovykh 2017) makes it possible to present the educational organization as a complex of socio-pedagogical phenomena: purposes and subjects who implement them; relations between its participants; the mastered environment; awakening the student's interest in the academic discipline "Foreign Language" and in the process of learning a language and a culture.

A personalized approach allows us to build the interaction of all participants of the educational process based on students' opportunities, motivation, abilities, and social activity, as well as to develop their self-education skills.

The proposed model is based on several didactic principles that affect the formation of relations between the teacher, the student, and their parents in the virtual environment. The most significant for us are the principle of multidimensionality, the principle of openness, and the principle of interactivity. All of them are closely interrelated and represent a comprehensive system that both provides certain stability and, at the same time, opens up dynamic possibilities for virtual interaction of a foreign language teacher with various subjects of communication (Bates 2019).

The structural and content block of the teacher's virtual interaction with various subjects of the educational process includes the following main structural components: 1) subjects of relations seen as individuals directly or indirectly participating in the educational process which a) allows everyone to determine and form their own value orientations and beliefs, desires and needs, goals and means of achieving them; b) ensures that all the participants have the ability to be subjects of their own development; c) provides the active subject with a system of opportunities for the real formation of his subjective position; d) ensures the process of transformation of needs that motivate the activities of the student;

and e) provides opportunities for the realization of personality (Lui and Chiang 2019); 2) the content of pedagogical interactive interaction as a complex process consisting of many elements: didactic, educational, and socio-pedagogical interaction; 3) various formats of relations between teachers, students, and their parents that would ensure the effectiveness of interaction.

The technological block is represented by a typology of pedagogical situations of virtual interaction and various forms and means that ensure virtual communication between the participants of the educational process. This block includes various platforms, websites, pedagogical blogs, parents' online forums, and other types of online-based interaction, represented by a variety of interactive forms and digital technologies, which, in addition to organizing classes and systematizing didactic material, allow future foreign language teachers to develop the ability to communicate with all the participants of the educational process (Zoidze 2018), and to solve various conflict situations associated with pedagogical errors in the interaction between the teacher, students and their parents. Modern digital tools have all the necessary functionality to hold online and offline meetings, classes, webinars, audio- and video conferences, and to facilitate various educational projects. Thus they provide the means for utilizing most formats of face-to-face interaction.

The evaluative block of the model is represented by criteria and indicators of the formation of relations between teachers, students, and their parents in a virtual environment. To measure the skills and ability to interact in the virtual environment among various participants of the educational process, we have developed the following *criteria, indicators, and levels*:

1) the criterion of the breadth of relations (diversity of types of communication);

2) the criterion of technical support for proper saturation and intensity of interaction in the virtual space (the number and variety of digital tools used for various types of communication);

3) the criterion of compliance with the norms and ethics of social activity in the virtual environment (verbal and non-verbal behavior, a digital image, self-presentation, maintaining a friendly atmosphere in the process of interaction, etc.).

These criteria and indicators allow us to assess the effectiveness of the proposed model of virtual interaction within the teacher — student — parent triad.

In terms of key features of teacher training, we support Konyakhina's opinion that the priority of modern language education (which would also guarantee its high quality) should be the mastery of competencies in the field of professional foreign language communication (Konyakhina 2021). Speaking about

the *levels* of formation of the teacher's skills to interact in a virtual environment with various parties within the educational organization, we have taken as a basis the document of the Council of Europe entitled "Common European Framework of Reference: Learning, Teaching, Assessment," under which the most optimal system of levels for assessing the formation of competencies is the classical three-level system, which includes: *basic level (elementary knowledge — Basic User)*; *intermediate level (independent knowledge — Independent User)*; *advanced level (Proficient User)* (Council of Europe 2020). On this basis, we distinguish elementary, sufficient, and high levels of formation of the teacher's skills to interact with schoolchildren and their parents in the virtual space. The result of our theoretical modeling of the environment for the virtual teacher — student — parent interaction is presented in Figure 1 (see Fig. 1).

We will describe in more detail the proposed theoretical model of the virtual interaction environment and illustrate its effectiveness citing practical results that have been obtained and diversified in the course of methodological training of future foreign language teachers. We will also outline essential characteristics of the concept of "virtual interaction" and show different forms of such interaction based on various situations of communication between the participants of the educational process.

It has been determined that the virtual interaction of the teacher with students and their parents can be represented by various types of communication using the capabilities of computer networks, namely communication "one-on-one," "one with many," and "many with many" (Isaev 2021).

"One-on-one" communication is used in individual online or offline consultations, when the teacher responds to one student or one parent, or when one student or one parent talk to another student or parent. The main feature of this type of communication is privacy, which assumes that the content of messages is inaccessible to other participants of the educational process. Interaction can be conducted both orally and in writing.

Communication of the "one with many" type in an oral format is utilized by the teacher to conduct remote analogues of lectures or parent-teacher conferences. Its written format is embodied in messages in a general chat, information letters sent to e-mail addresses of students or parents.

Communication of the "many with many" type is used for conducting online analogues of seminars, debates and discussions, business games with analysis of specific cases, brainstorming, and training tele-communication projects for oral forms of interaction. Written communication is organized using training chats or forums. Its peculiarity, both for oral and written forms, is that all participants of the educational process can freely interact with each other. In

this case, the messages are publicly available and can be answered by any of the participants.

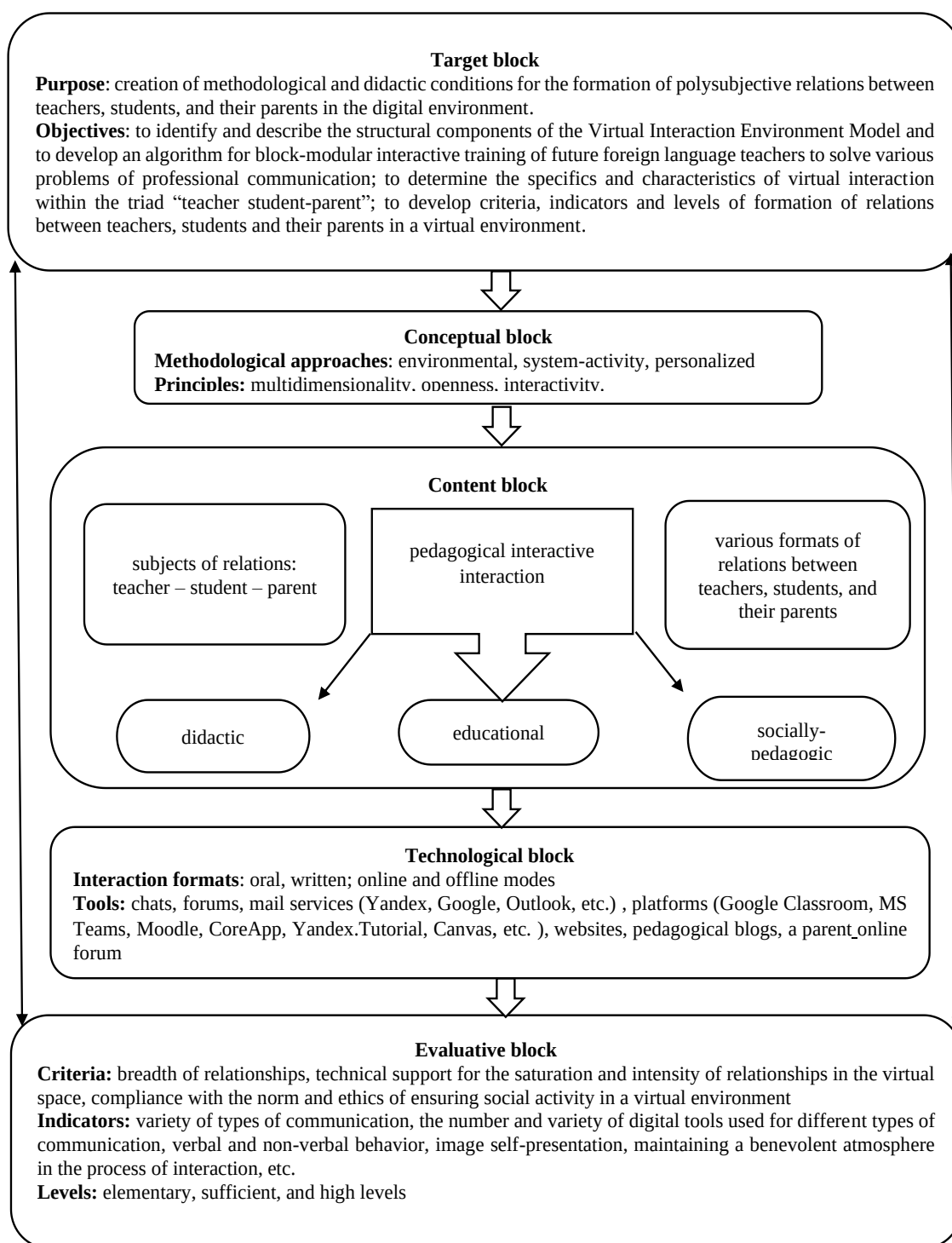

Figure 1. The Model of Virtual Interaction Environment

In the 2020-2021 academic year, the teachers at the Institute of Foreign Languages developed an online parents' forum, which served the following purposes:

1) to identify problem areas in education and upbringing of children by their parents;

2) to determine how the school staff can provide psychological and pedagogical support for and cooperate with parents and students;

3) to outline the academic and character development objectives of the academic discipline "Foreign Language";

4) to discuss the possibilities of organizing an elective in language and culture for the purpose of socialization, development, and education of schoolchildren;

5) to exchange opinions between teachers and parents on building individual educational and developmental trajectories and discuss positive experiences of teachers and parents in that area.

The forum provided a platform for discussing the most relevant and topical problems of school conflicts within the teacher — student — parent triad and ways of resolving them. Many parents offered to facilitate an annual subscription for virtual communication, seeing in it an important way of jointly solving many issues related to education, development, and upbringing of a modern schoolchild. They explained that the existing problems of interaction between the family and the school revealed an objective need to form a single educational environment (Sorokovykh 2021). Many changes that have occurred in our society over the last few decades have disrupted the relationships in the school — family — community system. According to parents, at this stage the school remains the mainstay, the only real structure capable of helping the family, and in the current conditions virtual interaction remains most effective.

Another aspect that requires special attention when describing the virtual interaction between teachers, students and their parents is the presence or absence of feedback. Where it is possible to provide feedback, the forms of interaction are expanded even more and, in online interaction, may include discussions in the video-conference mode, online surveys, testing after lecture segments, etc. In offline interaction, one can organize automated tests within the course with the teacher's pre-programmed comments for correct, incorrect or incomplete answers (Tareva 2018), comments on oral and written assignments, teacher's reviews of specific tasks, recommendations for further study, etc.

Digital Tools for Virtual Collaboration

A variety of digital tools allows you to implement a whole range of types of pedagogical interaction. When designing a training course, the teacher should

consider the need to ensure interaction with students and their parents, the interaction of students with each other, and, in some cases, the interaction between parents. In the absence of an electronic educational environment with the tools provided for many of the types of interaction discussed above, the teacher can use various digital tools that are available on the Internet.

The oral form of communication of the “one-on-one” and “one with many” types can be implemented using e-mail services built into the accounts of Yandex, Google, Outlook (etc.), video conferencing tools (Teleconferencing, Google Meet, Teams) which can be accessed directly from an authorized e-mail page. Unlike traditional phone calls or calls in instant messengers, these tools boast a more advanced functionality (organization of video calls, the ability to share the screen, etc.) and avoid the need to share the teacher’s personal phone number with students or parents. The ability to use a webcam allows you to use non-verbal means of communication, which are of great importance for effective communication. It’s worth noting that for such forms of interaction as webinars or online master classes, one can use special cloud platforms. Written communication of the “one-on-one” and “one with many” types has long been used in the professional practice of modern teachers and is implemented through e-mail, chats in mail services, and instant messengers (Isaev 2018).

Interaction of the type “many with many” in oral form can be carried out using the tools mentioned above, and modern technologies allow the organization of multi-channel communication where participants can work in several groups during one session. The written implementation of virtual interaction of the “many with many” type is provided in working with common online documents of different formats (Google Docs, Yandex.Documents, Internet versions of Microsoft Office, etc.) either directly in the body of the document or through comments.

The use of the tools described above is advisable only in cases of irregular access to the virtual environment. If the digital support of the educational process is stable and permanent, teachers will be wise to turn to more technically advanced tools that integrate all or most of the listed functions in one virtual space. Such tools include educational platforms, blogs, and websites.

Educational platforms can be used not only to organize distance work, but also to accompany the traditional form of training, allowing you to classify the material, ensure the organization and control of independent work, and serve as a link between a teacher, a student, and parents. With the help of the platform, the teacher can create virtual classes, keep academic performance records (including automated performance and attendance records), analyze the activity of students, and ensure the formation and development of their competence of intercultural interaction (Porshneva 2016) as well as monitor their involvement

and class participation. Interaction, both pedagogical and intercultural, is provided with the help of built-in services of audio and video calls, private and group chats, and the ability to organize virtual meetings for team members and invited guests. All this helps the teacher make the interaction with students more diverse, effective, and purposeful. Among the platforms with the greatest functionality, we can list Google Classroom, MS Teams, Moodle, CoreApp, Yandex.Uchebnik, Canvas, etc. Nevertheless, with all the attractiveness and power of their functionality, almost all these platforms have one significant drawback, which the teacher alone cannot often overcome: all of them are paid, and for full access teachers need involvement and financial support of their educational institutions.

Pedagogical blogs based on special website builders or social networks can be more accessible versions of tools for virtual interaction between a teacher, a student, and parents. With the advent of customizable templates and website builders, the creation of a personal internet page has become available to absolutely any user with basic technical skills (Muchacki 2018). The importance of training future teachers to design and use pedagogical blogs as effective tools for the teacher's interaction with students and their parents has been repeatedly confirmed by the popularity of elective courses "Mastering Pedagogical Communication," "The Pedagogical Blog as a Tool for Professional Teachers," "The Art of Virtual Communication as a Key to Professional Success," etc. The advantages of a teacher's blog include the opportunity to keep all the materials and records necessary for classes in one place, a convenient way of organizing open discussions or making collective decisions, a place for organizing a personal learning space, for conducting distance counseling of students, etc.

It should be emphasized that, to ensure the effectiveness of pedagogical interaction, the teacher should be able not only to use all the tools, but also to help students and, if necessary, their parents to address technical problems that may arise in the process of such interaction. To organize this process at a high professional level, the teacher should pay attention to maintaining his ICT-thesaurus (Abdulmyanova 2020) at the level relevant to the modern pedagogical context.

Respect for ethics and the code of conduct for social activities in a virtual environment ensures healthy socio-cultural and personal attitudes and behaviors of teachers, students, and their parents and their ability to both navigate the world of societal values as well as to build and protect the world of their personal values. This involves the creation of constructive and friendly atmosphere conducive to achieving the key strategic goal: the formation of pedagogically expedient relations aimed at realizing the need to obtain the necessary educa-

tional information, organize joint activities, and master certain competencies and skills (Erwin 2019).

There are enough debatable issues to date that require in-depth study of the main psychological and pedagogical theories on the issue of teacher interaction with different categories of communicants: What does the successful formation of professional competencies, necessary for interaction with participants in educational relations within the framework of the implementation of educational programs in virtual and hybrid learning formats, depend on? Is it possible to anticipate, identify, and prevent the most typical professional mistakes of the teacher in virtual communication? Is it possible to form the ability to use the Internet in professional activities and communication of the teacher? What is the ethics and aesthetics of such interaction? The search for answers to the questions requires a further study of these problems and further professional discussion.

4. Conclusion

Summing up, we note that the design of virtual interaction within the teacher — student — parent triad as well as the development and application of technologies in the digital educational environment for schoolchildren are the most important objectives at the current stage of the development of education, including foreign language education. The experience of training future foreign language teachers has also shown that their willingness to design and implement various digital technologies in the teaching and educating of a modern student is a complex multifaceted pedagogical problem and requires serious solutions, ranging from special training of future teachers as part of their university training (Stavroulia 2017) and the willingness of society to interact with schoolchildren and their parents, to the determination of educational organizations to equip their learning environments with necessary means and ways for effective interaction with various categories of students. The proposed model of the teacher — student — parent virtual interaction environment allows us to offer the pedagogical community one of the options for solving the urgent problems of training future teachers for effective work and communication in the digital space.

References

- Abdulmyanova, Indira R., Mikhailova, Svetlana V. (2020). Formirovaniye dvuyazychnogo IKT-tezaurusa pri professional'noy podgotovke uchiteley inostrannogo yazyka (Formation of a Bilingual ICT-thesaurus at the Professional Training of Teachers of a Foreign Language). *Pedagogicheskiy diskurs: achestvo rechi uchitelya: Materialy II Vse-rossiyskoy konferentsii* (Pedagogical Discourse: the Quality of the Teacher's Speech: Proceedings of the II All-Russian Conference). Moscow: Jazyki narodov mira, 6–11. (In Russian).

- Alisov, Evgeniy A., Podymova, Ludmila S. (2021). *Istoriya razvitiya obrazovatel'nykh model'ey i tekhnologiy* (History of the Development of Educational Models and Technologies). Moscow, Berlin: Directmedia Publishing, 353. DOI: 10.23681/599623. (In Russian).
- Aryan, Margarita A. (2021) Razvitiye kriticheskogo myshleniya uchashchikhsya v kontekste razvivayushchego podkhoda k obucheniyu inostrannym yazykam (The Development of Students' Critical Thinking in the Context of a Developing Approach to Teaching Foreign Languages). *LUNN Bulletin*, 55, 128–141. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2021-55-3-128-141. (In Russian).
- Bates, Tony A. W. (2019) *Teaching in a Digital Age. Guidelines for Designing Teaching and Learning*. Retrieved from <https://opentextbc.ca/teachinginadigitalage/>.
- Council of Europe. (2020) *Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment*. Companion volume. Strasbourg: Council of Europe Publishing. Retrieved from at www.coe.int/lang-cefr.
- Davletova, Tatyana A., Artyushkov, Igor V. (2021) Struktura yazykovoy lichnosti rebenka (The Structure of the Language Personality of the Child). *LUNN Bulletin*, 55, 23–40. DOI:10.47388/2072-3490/lunn2021-55-3-23-40. (In Russian).
- Erwin, Jonathan C. (2019) *The SEL Solution: Integrate Social and Emotional Learning into Your Curriculum and Build a Caring Climate for All*. Minneapolis, MN.
- Isaev, Ilya F., Pozdnyakova, Tatyana N. (2018) Formirovaniye dialogichnosti vzaimodeystviya sem'i i shkoly v kontekste gendernogo podkhoda (Formation of the Dialogics of the Interaction of the Family and the School in the Context of the Gender Approach). *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* (Modern Problems of Science and Education), 6, 221. (In Russian).
- Isaev, Ilya F. (2021) Klassifikatsii spetsial'nykh terminov po istoriografii, istochnikovedeniyu, metodam istoricheskogo issledovaniya (Classifications of Special Terms on Historiography, Source Studies, Methods of Historical Research). *Polikhotomicheskiye klassifikatsii spetsial'nykh terminov v nauchnoy i uchebnoy literature: materialy mezhrayon'nogo tematicheskogo sbornika s mezhdunarodnym uchastiyem* (Polychotomic Classifications of Special Terms in Scientific and Educational Literature: Materials of the Interregional Thematic Collection with International Participation). Kurgan: Kurgan State University, 188–195. (In Russian).
- Konyakhina, Ludmila M., Yakovleva, Lora V. (2021) K voprosu formirovaniya yazykovoy lichnosti v kontekste professional'no-orientirovannoy inoyazychnoy vuzovskoy podgotovki (On the Issue of the Formation of a linguistic Personality in the Context of Professionally Oriented Foreign Language University Training). *LUNN Bulletin*, 53, 123–136. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2021-53-1-123-136. (In Russian).
- Lui, Ran, Chiang, Yi-Lin. (2019) Who is More Motivated to Learn? The Roles of Family Background and Teacher–Student Interaction in Motivating Student Learning. *The Journal of Chinese Sociology*, 6. Retrieved from <https://doi.org/10.1186/s40711-019-0095-z>.
- Manuylov, Yuri S. (2016) Sredovoy podkhod v svete pedagogicheskikh idey L'va Semonovicha Vygotskogo (The Environmental Approach in the Light of the Pedagogical Ideas of Lev Semyonovich Vygotsky). *Vestnik of Kostroma State University. Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 22 (4), 315–319. (In Russian).
- Muchacki, Mateusz. (2018) Young Teachers as Participants of Educational Processes on Blogs. *Proceedings of the 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on*

- Social Sciences and Arts SGEM 2018*, 18, 927–934.
DOI:10.5593/sgemsocial2018/3.5/S13.120.
- Porshneva, Elena R., Abdulmyanova, Indira R., Zinovieva, Irina Y. (2016) Formirovaniye kompetentsii mezhekul'turnogo vzaimodeystviya (Formation of the Competence of Intercultural Interaction). *Traditsii i innovatsii v obuchenii inostrannym yazykam i kul'turam: garmonizatsiya ili protivoborstvo?: Kollektivnaya monografiya po materialam mezhdunarodnogo nauchno-metodicheskogo simpoziuma "Lempertovskiye chteniya — XVIII"* (Traditions and Innovations in Teaching Foreign Languages and Cultures: Harmonization or Confrontation? : Collective Monograph on the Materials of the International Scientific and Methodological Symposium "Lempert Readings — XVIII"). Pyatigorsk: Pyatigorsk State Linguistic University, 16–22. (In Russian).
- Potapova, Ekaterina A. (2015) Modelirovaniye protsessa formirovaniya proyektirovochnoy kompetentsii bakalavra kak metodicheskaya problema (Modeling the Process of Forming the Design Competence of a Bachelor as a Methodological Problem). *Nauchnoe mnenie* (Scientific opinion), 1–2, 116–119. (In Russian).
- Pykhina, Natalia V. (2017) Pedagogicheskiye usloviya realizatsii individual'no-differentsirovannogo podkhoda v nachal'nom inoyazychnom obrazovanii (Pedagogical Conditions for the Implementation of an Individually Differentiated Approach in Primary Foreign Language Education). *LUNN Bulletin*, 39, 149–158. (In Russian).
- Sergeeva, Valentina P., Podymova, Ludmila S., Sorokovikh, Galina V., Sukhova, Elena I., Alisov, Evgeniy A., Klochkova, Ludmila I., "et al." (2013). *Aktual'nyye kanaly sotsializatsii lichnosti: ot teorii k tekhnologiyam. Monografiya* (Actual Channels of Personality Socialization: from Theory to Technology: Monograph). Moscow: NITS INFRA-M. (In Russian).
- Sorokovikh, Galina V. (2017). Kontseptual'nyye polozheniya sistemno-deyatelnostnogo podkhoda kak tseli inoyazychnogo obrazovaniya (Conceptual Provisions of the System-Activity Approach as the Goals of Foreign Language Education). *Aktual'nyye problemy prepodavaniya gumanitarnykh nauk: teoreticheskiye i prikladnyye aspekty: sbornik nauchnykh materialov* (Actual Problems of Teaching the Humanities: Theoretical and Applied Aspects: Collection of Scientific Materials). Antibes: Centre International d'Antibes, 178–180. (In Russian).
- Sorokovikh, Galina V., Staritsyna, Svetlana G. (2021) Roditel'skiy onlayn-forum kak model' uspeshnogo vzaimodeystviya triady "uchitel' — uchenik — roditel' " (Parental Online Forum as a Model of Successful Interaction of the Triad "Teacher — Student — Parent"). *Lingvometodicheskoye obespecheniye inklyuzivnogo inoyazychnogo obrazovaniya* (Linguistic and Methodological Support of Inclusive Foreign Language Education). Moscow, 100–105. (In Russian).
- Stavroulia, Kalliopi E., Lanitis, Andreas. (2017) *On the Potential of Using Virtual Reality for Teacher Education. HCI*. DOI:10.1007/978-3-319-58509-3_15.
- Tareva, Elena G., Tarev, Boris V. (2018) The Assessment of Students' Professional Communicative Competence: New Challenges and Possible Solutions. *XLinguae*, 11 (2), 758–783. DOI: 10.18355/XL.2018.11.02.59.
- Zoidze, Ella A. (2018) Veb-tekhnologii i resursy seti internet v prepodavanii i izuchenii angliyskogo yazyka (Web Technologies and Internet Resources in Teaching and Learning English). *Prepodavaniye inostrannykh yazykov i novyye podkhody k akademicheskomu sotrudnichestvu v epokhu interneta: sbornik nauchnykh trudov* (Teaching Foreign Languages and New Approaches to Academic Cooperation in the Era of the Internet: Collection of Scientific Materials). Moscow: RELOD, 20–26. (In Russian).

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-59-3-142-147

КАКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРУЮТ ТЕКСТ?

А. Д. Бакина¹, Т. Н. Федуленкова², С. А. Волкова²

¹Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева,
Орел, Россия

²Владимирский государственный университет
им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия

Рецензия на книгу: *Кухаренко В. А. Текст и его структура*. М.: Флинта, 2020. 188 с. ISBN 978-5-9765-2594-8.

Если Вы взяли в руки книгу Валерии Андреевны Кухаренко под названием «Текст и его структура», то Вы непременно дочитаете ее до последней страницы в течение нескольких часов. О сложных и давно дискутируемых проблемах текста и его структуры автор не только пишет с глубоким знанием предмета, но и просто упоительно ведет доверительный диалог с читателем, умудряясь при этом удерживать читателя в напряженном ожидании: а что же нового можно еще почерпнуть из кладезя знаний о факторах, формирующих текст, о его структурных элементах, о его функциях, наконец?

Прежде всего автор обращает наше внимание на метафорическую этимологию самого слова «текст», с его важнейшими признаками — связностью и законченностью, — происхождение которого связано с реальным процессом плетения.

Вполне очевидно, что к настоящему времени понимание слова «текст» стало значительно более объемным благодаря новым лингвистическим теориям и направлениям. К тому же текст значительно упрочил свои собственные позиции, то есть свои константные составляющие, свои собственные характеристики и свои собственные функции.

Автор сосредоточивает свое внимание на художественном прозаическом тексте, преимущественно англоязычном романе.

В начале книги предлагается краткий экскурс в историю науки о тексте. Упоминается первый Лингвистический кружок, основанный в России в 1915 г. Романом Якобсоном, вскоре уехавшим в Прагу и ставшим одним из ведущих членов Пражского лингвистического кружка. На основе изуче-

ния письменной речи, то есть текста, Р. Якобсон выявил шесть функций речи (коммуникативная, экспрессивная, конативная, поэтическая, фатическая, метаязыковая). Спустя пять десятков лет эти функции были повторены Халлидеем и Хасаном с двумя добавлениями и в такой последовательности: текстуальность, когезия, когерентность, замысел, возможность восприятия, информативность, целесообразность, контекстуальная интертекстуальность (Halliday, Hasan 1976). Затем приводится развернутое определение текста, предложенное И. Р. Гальпериным в последней четверти XX в. и сосредоточенное на функциях текста (Федуленкова, Басова 2020: 177). Не забыты идеи этого же времени Е. В. Падучевой о кореферентности, лежащей в основе связанного текста, и обязательные признаки текстуальности, обусловленные внешней связанностью и внутренней осмысленностью (Падучева 2000: 243; Николаева 2000: 507).

Отмечается также вклад отечественного филолога В. Д. Шкловского, который ввел в мировой метаязык лингвистики и лингволитературоведения такие термины, как сюжет, фабула и острание (переведенное на Западе как *defamiliarization*).

По В. Д. Шкловскому, острание есть постоянный спутник образа, призванный создавать видение предметов, а не их узнавание (Шкловский 1983: 68). Интерес к остранию возобновился с появлением новых данных психологии о том, как мозг отбирает необходимые крупинки из массы поступающей к нему информации.

Проникновение идей структурализма и концептуализма в лингвистику в 60–80-е гг. XX в. вызывает очередную волну интереса к теории текста, что выливается в ряд статей, учебников и монографий. Подчеркивается важность работы Ю. М. Лотмана «Текст в тексте» с его весьма широкой трактовкой термина «текст», когда культура рассматривается как «уникальный текст, в котором уместятся и невербальные системы». Выходят в свет работы М. М. Бахтина, который одним из первых обратился к феномену Автора художественного текста и его героя, а также ухода Автора в тень вымышленного рассказчика, названного *нарратором*, отсюда и повествование сейчас часто называют нарративом.

Рассматриваются также специфические трактовки текста в связи с вниманием к вопросам его образования и структуры со стороны психолингвистов (Выготский, Леонтьев, Залевская и др.).

Вызывает интерес стремление В. А. Кухаренко разграничить понятия «текст» и «дискурс», последнее, как считает автор, появилось в результате многочисленных обращений к тексту, зачастую не вносящих ясность в рассматриваемую проблему: текст понимается автором как «продукт когнитивного процесса порождения и интерпретации», в то время как дис-

курс рассматривается как «явление процессуальное, деятельностное, то есть синхронно осуществляемый процесс порождения текста или же его восприятия» (Кухаренко 2020: 10).

Согласимся с В. А. Кухаренко, что именно узость традиционного понимания текста как «любого речевого высказывания, обладающего смысловой завершенностью и коммуникативной значимостью» сохраняет его терминологическое обособление от сходных явлений. Автор подчеркивает абсолютную антропоцентричность текста художественной прозы в силу присутствия в нем объекта сообщения — персонажа, наряду с привычными для любой коммуникации адресантом сообщения и адресатом.

Основными факторами художественного прозаического текста В. А. Кухаренко считает следующие факторы: Автор, Персонаж, Время, Пространство.

Инновационным методом в анализе текста можно считать апеллирование В. А. Кухаренко к идее многоликости автора и введение и дифференциацию понятий Автор-1, Автор-2 и даже Автор-3. В этой градации Автор-1 выступает в роли нарратора, ведущего повествование, под Автором-2 понимается человеческая личность, которая является писателем и о которой читателю всегда любопытно узнать, есть ли у него семья, когда и как он пришел в литературу и т. д. Автор-3 — это «бренд» состоявшегося писателя, автора всего своего творческого наследия (а не одного произведения!), когда, не называя конкретного произведения, читатель выражает свои литературные пристрастия (напр.: «Я обожаю Тургенева, но прохладно отношусь к Айтматову»).

Что же объединяет все эти авторские ипостаси? По мнению В. А. Кухаренко, объединяющим началом здесь является «точка зрения автора и на жизнь, и на вытекающее из нее творчество, независимо от того, насколько отстоят друг от друга мир реальности и мир вымышленный, создаваемый обязательно с этой самой точки зрения».

Нередко случается так, что герой задумывается автором как носитель определенного характера и поведения, но «по дороге» он говорит и делает совсем не то, что запрограммировал автор, то есть проявляет определенную независимость от своего творца. Для того чтобы разобраться в степени свободы персонажа и в способности его создания, В. А. Кухаренко обращается к более подробному его рассмотрению.

Здесь прежде всего автор, принимая во внимание тот факт, что художественное произведение есть фиксация творения одного сознания, подчеркивает, что «в тексте представлена **квази**-разносубъективность — созданные тем же единым авторским сознанием индивидуумы со “своими” точками зрения и “своими” картинами мира, собственно, и создают цен-

тральный узел сюжета художественного произведения — его конфликт» (Кухаренко 2020: 33).

Рассматривая вопрос создания образа, автор подмечает, что его давнее библейское происхождение почти забыто и заменяется изучением с позиций психологии, когнитивистики, концепта. Давая развернутое и обстоятельное определение художественному образу, В. А. Кухаренко отмечает следующие его характерные черты:

а) художественный образ — это структура знания художественного / возможного мира, сформированного точкой зрения автора и материально представленного автором / повествователем / персонажем произведения;

б) художественный образ — это ментальное / мыслительное образование, представляющее собой конвергенцию фрагментов знаний из разных сфер, полученную в процессе постепенного раскрытия отдельных сторон и аспектов целого;

в) художественный образ — это обладатель инвариантного признака, сенсорной основы, отражающей индивидуальное мировосприятие и вытекающей в субъективность и эмоциональную оценочность этого образа.

Рассматривая вопрос о пути превращения изначально лишь намеченного образа в объемный, автор называет его насыщенным, гештальтным, *кумулятивным*, подчеркивая при этом его существенные признаки: а) незаместительность, б) неодномоментность, в) накопительность, г) развернутость, д) многокомпонентность, е) процессуальность (Кухаренко 2020: 39). Детально рассматриваются способы создания кумулятивного образа: рассредоточенный повтор, перспекция, ретроспекция, техника потока сознания (Там же: 46). Рассматриваются также три возможности непосредственной коммуникации персонажа с читателем, а именно: произнесенная в диалоге реплика, аналогичная реплика, пересказанная автором, и оформленные словом мысли.

Выявляются и описываются стадии формирования кумулятивного образа: означивание словом ментального образа, наращивание смысла посредством повторного употребления в разных контекстах и посредством синонимизации и употребления служебных слов-заместителей.

Характер персонажа развивается в определенном пространстве и в границах определенного времени. Из этой книги читатель узнает, как эти сложные философские и физические понятия участвуют в развертывании образа, как они влияют на него.

Каким бы Пространство ни было — открытым или закрытым, — оно всегда разворачивается внутри «своего» романа как место действия. В данной работе В. А. Кухаренко убедительно показывает, что Пространство, вымышленное или реально существующее, всегда воспринимается

персонажем и служит еще одной чертой в создании его кумулятивного образа. При этом автор небезосновательно настаивает на том, что кумулятивный образ Пространства входит в кумулятивный образ персонажа, дополняя, расширяя и углубляя его.

Инновационные ноты в данной книге видятся и в тонких наблюдениях В. А. Кухаренко при проведении текстуального анализа английской художественной прозы, позволяющих констатировать, что, изменяя Пространство, при единстве персонажа, автор усиливает и когезию, и когерентность текста. Иными словами, правомерным становится утверждение, что в художественном произведении Пространство не только выполняет функцию указания на местоположение персонажа, но и функцию дополнения его образа, а также функцию катализатора смысловой и формальной связности текста.

Еще одной новой и интересной мыслью делится с читателем автор данной книги — «оречевленный» концепт Пространства (напр. *house, home*) фигурирует как самостоятельный кумулятивный образ в «своем» тексте, «становится основой другого кумулятивного образа в этом тексте, создавая сквозной образ и способствуя развитию интертекстуальности текстов» (Кухаренко 2020: 72).

Понятие времени, несмотря на кажущуюся ясность, привычность и даже обыденность, входя в круг научных понятий физики и философии, оказывается одним из самых сложных. Время в художественном произведении столь же неуловимо, сколь обязательно — вне времени произведение не существует, его попросту нет. Более того, В. А. Кухаренко аргументированно обрисовывает политемпоральность авторского текста, показывая, как в каждом художественном произведении одновременно существует несколько времен: время повествования, время каждого персонажа и время авторское.

Особое внимание уделяется так называемым «сломам» времени: сжатие, растяжение, ретроспекция, проспекция. Предлагается трактовка понятий «синекдоха нарратива», «корпоральное время» (Кухаренко 2020: 86). Осознание времени индивидом, несомненно, имеет корпоральную основу: время для человека связано с жизнью, которую он проживает, человек всегда остается точкой отсчета для любого события, безразлично для его сознания, темпоральный опыт завязан на опыте движения и в первую очередь самодвижения. Аргументация автора книги убеждает читателя в истинности утверждения о том, что изменения в человеке / персонаже и его множественном и разнообразном окружении и есть объективно наблюдаемые проявления времени.

В целом в своей книге В. А. Кухаренко предлагает замечательный образец текстуального анализа, который демонстрирует, как Человек, Время и Пространство организуются в собственно уникальную структуру, создающую один из возможных миров, который как раз и является миром художественного произведения.

Рецензируемая книга будет весьма полезна всем, кто интересуется теорией художественного текста и его анализом.

Список литературы / References

- Кухаренко В. А. Текст и его структура. М.: Флинта, 2020. [Kuharenko, Valeria. A. (2020) *Tekst i ego struktura* (Text and Its Structure). Moscow: Flinta. (In Russian)].
- Николаева Т. М. Текст // Языкознание. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 507. [Nikolaeva, Tatjana M. (2000) *Tekst* (Text). In *Yazykoznanie* (Linguistics). Moscow: Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya, 507. (In Russian)].
- Падучева Е. В. Пространство в обличье времени и наоборот // Логический анализ языка. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 239–254. [Paducheva, Elena V. (2000) *Prostranstvo v oblich'e vremeni i naoborot* (Space in the Guise of Time and Vice Versa). In *Logicheskij analiz yazyka* (Logical Analysis of Language). Moscow: Yazyki russkoj kul'tury, 239–254. (In Russian)].
- Федуленкова Т. Н., Басова Т. А. Лингвистика текста и его категории в концепции И. Р. Гальперина // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2020. Т. 10. № 4. С. 177–183. [Fedulenkova, Tatiana N., & Basova, Tatiana A. (2020) *Lingvistika teksta i ego kategorii v koncepcii I. R. Gal'perina* (Linguistics of the Text and Its Categories in the Concept of I. R. Galperin). *Proceedings of South-West State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, Vol. 10, 4, 177–183. (In Russian)].
- Шкловский В. Б. О теории прозы. М.: Советский писатель, 1983. [Shklovskij, Viktor B. (1983) *O teorii prozy* (On the Theory of Prose). Moscow: Sovetskij pisatel'. (In Russian)].
- Halliday, Michael A. K., & Hasan, Ruqaiya (1976) *Cohesion in English*. Harlow: Longman.

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-59-3-148-153

ПРОБЛЕМЫ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ И ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ ИНДИВИДА

Т. Н. Федуленкова

Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых,
Владимир, Россия

Рецензия на монографию: *Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности*. М.: ЛЕНАНД, 2020. 152 с. ISBN 978-5-9710-747-8.

Монография Д. Б. Гудкова привлекает внимание своей новизной и актуальностью — и вместе с тем убедительной аргументацией и чрезвычайной ясностью построения мысли. Проблема прецедентности рассматривается в книге в непосредственной связи с проблемой языкового сознания, понимаемого автором как «говорящее сознание», являющее себя в коммуникации. В свою очередь, коммуникация понимается как транзакция «говорящих сознаний», подвергающихся в процессе общения «взаимокорректировке и взаимомодификации». Успешность коммуникации, по мнению автора, прямо пропорциональна широте зоны пересечения индивидуальных когнитивных пространств коммуникантов, величине общей части их языкового сознания.

Выдвигая ряд аргументов против так называемой «чистой» индивидуальности языкового сознания, Д. Б. Гудков признает незыблемость таких его показательных качеств для каждой языковой личности, как неповторимость и вариативность, которые обеспечиваются социальной обусловленностью и опосредованностью сознания знаками конкретной национальной культуры.

Важные исходные постулаты исследования заключаются в следующем: а) за основу когнитивного пространства индивида принимается когнитивная база лингвокультурного сообщества, б) неотъемлемый компонент структуры языкового сознания составляет «инвариантная часть, общая для всех языковых личностей, входящих в определенное лингвокультурное сообщество».

Актуальность данного исследования как раз и заключается в том, чтобы изучить значимые компоненты именно этой «части русского языкового сознания». В чем же мы видим новаторство автора в трактовке этой проблемы? Инновационный подход Д. Б. Гудкова, вне всякого сомнения, обнаруживается в интерпретации, во-первых, путей актуализации экстра-

лингвистических знаний посредством языка и вербального поведения, во-вторых, в представлении путей формирования корпуса явлений, «призванных обрести в данном сообществе статус прецедентных», в-третьих, в выявлении средств и специфики актуализации этих феноменов в коммуникации.

Избрание особенностей инвариантной части русского языкового сознания в качестве цели исследования сталкивает проф. Д. Б. Гудкова с проблемой, методологически родственной проблеме идентификации основополагающих признаков национального характера и этнической психологии. При этом автор исходит из двух основополагающих фактологических постулатов, а именно: а) из понимания перехода социального архетипа человеку по наследству от более ранних поколений, б) из существования так называемого «принципиального знаменателя личности», который представляет собою цепочку «предмет — действие» в сознании человека на невербальном, преимущественно нерефлексируемом уровне.

Как отмечают специалисты в области теоретической и прикладной лингвистики, в последние две декады термин *прецедентность*, равно как и его производные, оказывается одним из наиболее интенсивно используемых как в исследовательской, так и в сугубо аналитической литературе. Вполне очевидно, что эта активность была спровоцирована введением Ю. Н. Карауловым в метаязык лингвистики термина *прецедентный текст*, включающего, во-первых, тексты, обладающие познавательной и эмоциональной значимостью для индивида, во-вторых, тексты, имеющие сверхличностный и межпоколенный характер, и, в-третьих, тексты, переживающие постоянное и многократное обращение конкретной языковой личности в дискурсе.

Прослеживая далее развитие лингвистического метаязыка в данном направлении, отмечаем определенную последовательность появления новых понятий и соответствующих терминов в рассматриваемом семантическом поле:

- а) прецедентное высказывание,
- б) прецедентный прагморerefлекс,
- в) прецедентное имя,
- г) прецедентный феномен,
- д) прецедентная ситуация.

Понятие прецедентности, как очевидно из публикаций современников, успело получить различные интерпретации, однако само явление прецедентности так и не получило сущностного определения и описания, что может быть объяснено чрезвычайной его сложностью и глубиной.

Несомненная заслуга Д. Б. Гудкова состоит в инновационном подходе к рассмотрению данного явления и в выявлении ряда уровней прецедентности в авторской соотнесенности с рядом уровней сознания личности, среди которых называются следующие уровни:

- а) индивидуальное когнитивное пространство,
- б) коллективные когнитивные пространства в их разновидности,
- в) общее когнитивное пространство для всех социализированных членов конкретного лингвокультурного сообщества, дефинируемое автором как *когнитивная база*.

Творческое новаторство Д. Б. Гудкова видится и в способности исследователя обнаружить и аргументировать соответствия между разными градациями сознания индивида, с одной стороны, и различными видами прецедентных феноменов, с другой стороны, как то: феномены автопрецедентные, социумно-прецедентные, национально-прецедентные и универсально-прецедентные.

По Д. Б. Гудкову, автопрецеденты есть не что иное, как «отражение в сознании индивида некоторых феноменов окружающего мира, обладающих особым познавательным, эмоциональным, аксиологическим значением для данной личности, связанных с особыми индивидуальными представлениями, включенными в неповторимые ассоциативные ряды» (Гудков 2020: 25). Например, образ березы в саду со стекающим в кувшин соком (именно образ, а не понятие!) — образ детства, эмалированное ведро, полное напеченных мамой пасхальных пирожков с повидлом, — образ благополучия семьи.

Автор дает краткую характеристику рубрицированным национальным, социумным и универсальным прецедентным феноменам по параметрам их известности среднему носителю языка в конкретном социуме и вхождения в когнитивную базу этого социума или в «универсальное когнитивное пространство человечества» (Гудков 2020: 26).

Центром фокусировки внимания Д. Б. Гудкова тем не менее остаются национально-прецедентные явления, именуемые автором в сокращенном виде просто прецедентными феноменами — ПФ.

Детализируя специфику элементного состава прецедентных феноменов, Д. Б. Гудков выделяет такие признаки прецедента, как: а) «*фактность*» в широчайшем смысле слова, т. е. существование в виде *факта*, б) *образцовость*, или способность служить примером, эталоном, и, наконец, в) *императивность*, или способность выполнять роль основы моделирования последующих действий (курсив мой — Т. Ф.). Разделяя мнение других исследователей о роли невербальных прецедентов (например, «Три

богатыря» В. Васнецова или «Камаринская» М. Глинки), автор фокусирует свое внимание только на вербальных или вербализуемых прецедентах.

Вспомним, что вопрос о *прецедентном высказывании* был впервые поставлен в середине 90-х гг. XX века. Однако трактовка этого понятия Д. Б. Гудковым несколько отличается от предложенного В. Г. Костомаровым и Н. Д. Бурвиковой варианта и включает следующие характеристики: а) воспроизводимость в речи, б) законченность и самодостаточность, независимо от наличия / отсутствия предикации, в) знаковая сложность (или переосмысленность). К *прецедентным выражениям* автор относит также цитаты, которые дифференцируются на: а) собственно цитаты в традиционном понимании (как фрагмент текста), б) название произведения, в) полное воспроизведение текста, представленного одним или несколькими высказываниями.

Отмечаем творческие находки в авторской трактовке прецедентного высказывания, стоящего, по мнению Д. Б. Гудкова, в некотором роде особняком с его отличительными чертами, нехарактерными для других ПФ, а именно: ярко выраженная динамичность и способность к содержательной изменчивости прецедентного высказывания по сравнению с другими ПФ.

Прецедентная ситуация (ПС), в понимании Д. Б. Гудкова, есть некая «эталонная», идеальная ситуация со свойственными ей коннотациями.

К новаторским идеям монографии, несомненно, можно отнести выявление автором изоморфных черт прецедентных феноменов, а именно: а) отсутствие между прецедентными феноменами жестких границ, б) актуализация одного из них может провоцировать одновременную актуализацию нескольких других.

Давая характеристику прецедентному имени (ПИ) среди общих и индивидуальных имен, автор отрицает переход прецедентного имени в разряд общих нарицательных имен и аргументирует собственную научную позицию, обращаясь к сопоставлению прецедентного имени и нарицательных имен, которые по происхождению являются собственными. Главным критерием дифференциации ПИ и «чистых» индивидуальных имен (ИИ) автор считает тот факт, что за большинством прецедентных имен стоит либо прецедентный текст, либо прецедентная ситуация и связь прецедентного имени с последними очевидна и актуальна для коммуникантов.

Рассматривая проблему денотации прецедентного имени, Д. Б. Гудков отвергает идею «нулевой денотации» и утверждает, что денотатом ПИ является представление об именуемом им «культурном предмете».

Рассматривая проблему понятийности имен собственных, обозначенную в лингвистике ранее (Степанов 2016: 16), Д. Б. Гудков вносит коррективы в понятия сигнификации и коннотации прецедентного имени. Соглашаясь в общих чертах с точкой зрения Ю. С. Степанова, Д. Б. Гудков настаивает на формулировке: «индивидуальные имена именуют не вещи, а наши представления о них».

Автор, на наш взгляд, делает важное наблюдение, позволяющее дифференцировать и объяснить выбор говорящим ориентации (а) на личное представление о прецедентном имени (при экстенциональном его использовании) или (б) на национально детерминированное минимизированное представление (при интенциональном его использовании).

Возможность интенционального использования прецедентного имени объясняется автором наличием представления — *устойчивого, маркированного, аксиологически окрашенного, эталонного, не требующего экспликации* (курсив мой — Т. Ф.), — которое хорошо известно подавляющему большинству членов лингвокультурного сообщества (ЛКС). Что же касается прочих индивидуальных имен, даже известных большинству членов ЛКС, они этой способности лишены, так как не входят в разряд прецедентных (ср. *дядя Степа* — очень высокий человек и *Рамзан Кадыров* — ?..).

Д. Б. Гудков приходит к выводу, что основным критерием выделения прецедентных имен является не интенциональность их употребления («оно следствие, но не причина»), а то, что они актуализируют определенное национально детерминированное минимизированное представление (НДМП).

Сопоставительный анализ функций двусторонних имен приводит автора к выводу о том, что двусторонние имена в «своем обыденном значении выступают как общие имена, а в мифологическом — как индивидуальные, обладающие характерными чертами прецедентности», т. е. как собственно прецедентное имя.

В данной монографии читатель найдет ряд других интересных вопросов и трактовок понятий, касающихся проблемы прецедентности, например: проблема семантики прецедентного имени, проблема говорящего сознания и коммуникации, прецедентные имена в отношении к парадигме социального поведения и др. (Федуленкова 2021: 202). Филигранный авторский анализ взаимоотношений понятий в поле прецедентных феноменов способствует раскрытию характера таких оппозиций, как прецедентное имя и символ, прецедентные имена и абстрактные имена и др. — информация, так необходимая специалисту, занимающемуся проблемами семиотики, стилистики текста и интертекста (Федуленкова, Басова 2020: 177).

Монография интересна своей оригинальностью, своим сугубо авторским подходом к пониманию и трактовке основных составляющих феномена прецедентности, предложенной автором инновационной иерархией прецедентных феноменов и ее убедительной аргументацией, сопровождающейся объяснением закономерных связей прецедентных феноменов с когнитивной базой носителя языка и с его «говорящим сознанием» и особенностями коммуникации.

Книга актуальна, полна новых идей и новых и уточненных понятий и рекомендуется филологам, специалистам по лингвокультурологии, аспирантам и докторантам.

Список литературы / References

- Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: ЛЕНАНД, 2020. [Gudkov, Dmitry B. (2020) *Pretsedentnoe imya i problem pretsedentnosti* (Precedence Name and Issues of Precedence). Moscow: LENAND. (In Russian)].
- Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. М.: URSS, 2016. [Stepanov, Yuriy S. (2016) *V trekhmernom prostranstve yazyka* (In the Three-dimensional Space of Language). Moscow: URSS. (In Russian)].
- Федуленкова Т. Н. Рецензия на монографию И. Г. Кошевой «Текстообразующие структуры языка и речи» // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. № 7 (2). С. 202–206. [Fedulenkova, Tatitana N. (2021) *Recenziya na monografiyu I. G. Koshevoj «Tekstoobrazuyushchie struktury yazyka i rechi»* (Review of the Monograph by I. G. Koshevaya “Text-forming Structures of Language and Speech”). *Theoretical and Applied Linguistics*, 7 (2), 202–206. (In Russian)].
- Федуленкова Т. Н., Басова Т. А. Лингвистика текста и его категории в концепции И. Р. Гальперина // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2020. Т. 10. № 4. С. 177–183. [Fedulenkova, Tatitana N., & Basova, Tatitana A. (2020) *Lingvistika teksta i ego kategorii v koncepcii I. R. Gal'perina* (Linguistics of the Text and Its Categories in the Concept of I. R. Galperin). *Proceedings of the South-West State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, vol. 10, 4, 177–183. (In Russian)].

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдулмянова Индира Рафаиловна, кандидат педагогических наук, доцент Института иностранных языков Московского городского педагогического университета. E-mail: AbdulmaynovaIR@mgpu.ru

Акай Оксана Михайловна, доктор филологических наук, доцент, доцент Российского университета дружбы народов, доцент кафедры английского языка в сфере журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: oksanaakay@mail.ru

Бакина Анна Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английской филологии Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева. E-mail: heart-anna@yandex.ru

Бекин Илья Александрович, ассистент кафедры английского языка Высшей школы лингвистики, педагогики и психологии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: ilya459@gmail.com

Волкова София Алексеевна, соискатель Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. E-mail: sv.sofi12@gmail.com

Глумова Елена Петровна, кандидат педагогических наук, доцент, начальник научно-исследовательской лаборатории Центра непрерывного повышения профессионального мастерства педагогических работников Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: glumova@lunn.ru

Голубева Кристина Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков Института русского языка Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: kggolubeva@lunn.ru

Кораблева Елизавета Денисовна, младший научный сотрудник международной научно-исследовательской лаборатории инновационной лингводидактики Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: e.d.korableva@mail.ru

Котаева Алена Рутеновна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка Юго-Осетинского государственного университета им. А. А. Тибилова. E-mail: saleks1966@mail.ru

Куликова Элла Германовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры массовых коммуникаций Российского университета дружбы народов. E-mail: kulikova_ella21@mail.ru

Кулумбегова Людмила Владимировна, кандидат педагогических

наук, доцент, доцент кафедры русского языка Юго-Осетинского государственного университета им. А. А. Тибилова. E-mail: kulumbegLV@yandex.ru

Логинова Полина Гарриевна, кандидат филологических наук, доцент, преподаватель французского языка кафедры международной коммуникации факультета мировой политики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. E-mail: polina-loginova@inbox.ru

Миндияхметова Римма Махияновна, кандидат филологических наук, ассистент кафедры английского языка Института филологического образования и межкультурной коммуникации Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. E-mail: r.m.khasanova@yandex.com

Сороковых Галина Викторовна, доктор педагогических наук, профессор, профессор Института иностранных языков Московского городского педагогического университета. E-mail: SorokovichGV@mgpu.ru

Старицына Светлана Григорьевна, старший преподаватель Института иностранных языков Московского городского педагогического университета. E-mail: starycinasg@mgpu.ru

Сухарева Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка Высшей школы лингвистики, педагогики и психологии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: suhareva@lunn.ru

Тедеева Заира Константиновна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка Юго-Осетинского государственного университета им. А. А. Тибилова. E-mail: tedeeva.zaira@mail.ru

Федуленкова Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Иностранные языки профессиональной коммуникации» Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, член Российского профессорского собрания (Свидетельство № 64), член-корреспондент РАЕ. E-mail: fedulenkova@list.ru

Фролов Валентин Игоревич, кандидат филологических наук, доцент кафедры переводоведения и практики перевода английского языка Московского государственного лингвистического университета. E-mail: pretransfallacy@gmail.com

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова»

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного лингвистического
университета им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 3 (59)

Ответственный за выпуск:
Р. М. Шамилов

Редакторы:
Н. С. Чистякова
В. М. Цымбалова

Подписано в печать 23.09.2022. Дата выхода в свет 30.09.2022
Формат 60х90 1/16.
Печ. л. 9,75. Тираж 500 экз.
Свободная цена. Заказ № 10379

Адрес редакции, издателя, типографии:
603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а

Подписной индекс в электронном каталоге Почта России: ПН269